

Совет Безопасности

Distr.: General
2 November 2017
Russian
Original: English

Письмо Председателя Комитета Совета Безопасности, учрежденного в соответствии с резолюциями 751 (1992) и 1907 (2009) по Сомали и Эритрее, от 2 ноября 2017 года на имя Председателя Совета Безопасности

От имени Комитета Совета Безопасности, учрежденного в соответствии с резолюциями 751 (1992) и [1907 \(2009\)](#) по Сомали и Эритрее, и в соответствии с пунктом 40 резолюции [2317 \(2016\)](#) имею честь настоящим препроводить доклад по Сомали Группы контроля по Сомали и Эритрее.

В этой связи Комитет будет признателен за доведение настоящего письма и доклада до сведения членов Совета Безопасности и за их публикацию в качестве документа Совета.

(Подпись) Кайрат Умаров
Председатель

Комитет Совета Безопасности, учрежденный в соответствии
с резолюциями 751 (1992) и [1907 \(2009\)](#) по Сомали и Эритрее

Переиздано по техническим причинам 15 ноября 2017 года.

Письмо Группы контроля по Сомали и Эритрее от 2 ноября 2017 года на имя Председателя Комитета, учрежденного в соответствии с резолюциями 751 (1992) и 1907 (2009) по Сомали и Эритрее

В соответствии с пунктом 40 резолюции 2317 (2016) имеем честь настоящим препроводить доклад по Сомали Группы контроля по Сомали и Эритрее.

(Подпись) Джеймс Смит
Координатор

Группа контроля по Сомали и Эритрее

(Подпись) Джей Бахадур
Экперт по вооруженным группировкам

(Подпись) Чарльз Кейтер
Эксперт по природным ресурсам

(Подпись) Дейдре Кланси
Эксперт по гуманитарным вопросам

(Подпись) Тапани Холопайнен
Эксперт по финансовым вопросам

(Подпись) Назанин Мошири
Эксперт по вооружениям

(Подпись) Ришар Забо
Эксперт по вооружениям

Содержание

I.	Введение	9
A.	Мандат	9
B.	Методология	9
II.	Действия, которые угрожают миру, безопасности и стабильности в Сомали	10
A.	«Харакат аш-Шабааб аль-Муджахидин»	10
B.	Группировка «Исламского государства Ирака и Леванта» в Сомали	17
C.	Межобщинный конфликт	19
D.	Система государственного финансового управления	22
E.	Управление ресурсами	29
F.	Возобновление пиратства	33
G.	Нарушения, связанные с выборами	34
III.	Оружейное эмбарго	35
A.	Незаконные поставки оружия в Сомали	35
B.	Выполнение федеральным правительством Сомали взятых обязательств в рамках частичной отмены оружейного эмбарго	39
C.	Другие учреждения сомалийского сектора безопасности: соблюдение режима оружейного эмбарго	43
D.	Создание военной базы Объединенных Арабских Эмиратов в Бербере	44
E.	Военная техника, захваченная в ходе наступательных операций Миссии Африканского союза в Сомали и силами безопасности федерального правительства Сомали	45
F.	Реформирование сектора безопасности	45
IV.	Препятствия на пути оказания гуманитарной помощи	46
A.	Группировка «Аш-Шабааб»	47
B.	Бюрократические препоны	48
C.	Главные маршруты доставки грузов	49
D.	Нецелевое использование гуманитарной помощи	50
E.	Нападения на гуманитарных работников	51
F.	Манипулирование помощью в целях изоляции маргинализированных общин и разжигание конфликта	51
V.	Нарушения норм международного гуманитарного права, связанные с действиями, направленными против гражданских лиц	52
A.	Группировка «Аш-Шабааб» и Исламское государство Ирака и Леванта	52
B.	Федеральные и региональные силы, клановые ополченческие формирования и другие преступные элементы	53
C.	Миссия Африканского союза в Сомали (АМИСОМ) и международные силы ...	55
D.	Вербовка и использование детей	56

VI.	Нарушения запрета на торговлю древесным углем	57
A.	Производство, перевозка и запасы	57
B.	Незаконный экспорт древесного угля	58
C.	Документация и преступные сети	59
D.	Соблюдение запрета на торговлю древесным углем	60
VII.	Исправление к предыдущему докладу Группы контроля по Сомали и Эритрее, представленному в соответствии с резолюцией 2244 (2015) Совета Безопасности (S/2016/919)	61
VIII.	Сотрудничество государств и других сторон с Группой контроля по Сомали и Эритрее	61
IX.	Осуществление целенаправленных санкций	62
X.	Рекомендации	63
A.	Угрозы миру и безопасности	63
B.	Оружейное эмбарго	63
C.	Международное гуманитарное право	63
D.	Запрет на торговлю древесным углем	64
E.	Санкционный перечень	64
F.	Отказ от увязывания двух санкционных режимов	64

Приложения*

1.1:	Al-Shabaab procurement of weapons following attacks on AMISOM	65
1.2:	Al-Shabaab use of improvised explosive devices (IEDs) (STRICTLY CONFIDENTIAL)*	68
1.3:	2 January 2017 VBIED attack in Mogadishu	69
1.4:	Puntland IED seizures	72
1.5:	Al-Shabaab financing in Bay and Bakool regions	74
2.1:	ISIL occupation of Qandala	77
2.2:	Leadership of the ISIL faction	81
2.3:	Mobile phone analysis of Abbas Mahamoud Yusuf and the ISIL faction (STRICTLY CONFIDENTIAL)*	83
2.4:	ISIL attack on International Village Hotel	84
2.5:	May 2017 ISIL suicide bombing in Bosaso (STRICTLY CONFIDENTIAL)*	85
3.1:	Galkayo conflict: 7 October to 18 November 2016	86
4.1:	Currency management	97
4.2:	Abdullahi Mohamed Nor	100
4.2.1:	CADG Engineering Pte. (STRICTLY CONFIDENTIAL)*	105
5.1:	Berbera port payoffs	106
5.2:	Fishing governance	108

* Приложения распространяются только на языке, на котором они были представлены, без официального редактирования.

5.3: Oil governance	110
5.4: Strategic Natural Resource Management & Consultants Inc.	114
6.1: The Abdikarim Salah Mohamed a.k.a. Aw Koombe network and the hijacking of the <i>Aris 13</i> (STRICTLY CONFIDENTIAL)*	116
7.1: Puntland arms smuggling networks	117
7.1.1: Puntland interdiction of arms from Yemen	130
7.2: Maritime seizure of arms in March 2016 by FS <i>Provence</i>	131
7.2.1: Belarus sights (STRICTLY CONFIDENTIAL)*	136
8.1: Halane Central Armoury inspections, 26 April and 29 August 2017	137
8.2: Registration and distribution procedures at Halane	140
8.3: Review of paperwork related to ammunition distribution from Halane (STRICTLY CONFIDENTIAL)*	144
8.4: Review of paperwork related to a shipment of weapons and ammunition from Djibouti (STRICTLY CONFIDENTIAL)*	145
8.5: Diversion	146
9.1: Establishment of a United Arab Emirates military base in Berbera	148
10.1: Marginalized communities and humanitarian access	149
10.2: Involvement of a Lower Shabelle NGO in inter-clan conflict (STRICTLY CONFIDENTIAL)*	156
11.1: Destruction of Shiidle villages near Balad, Middle Shabelle	157
11.2: Child recruitment and use	162
11.3: Update: Abdirashid Hassan Abdinur — obstruction of humanitarian assistance and targeting of civilians	168
11.3.1: Update: Abdirashid Hassan Abdinur (STRICTLY CONFIDENTIAL)*	173
11.4: ACLED statistics	174
12.1: Charcoal stockpiles	177
12.2.1: Selected cases of sanctions implementation — Bahrain (November 2016)	178
12.2.2: Selected cases of sanctions implementation — United Arab Emirates and Djibouti (November 2016–March 2017)	180
12.2.3: Selected cases of sanctions implementation — Kuwait (April 2017–May 2017)	184
12.2.4: Selected cases of sanctions implementation — United Arab Emirates (June 2017–August 2017)	187
12.2.5: Charcoal dhows at Port Al Hamriya anchorage, Dubai, UAE (STRICTLY CONFIDENTIAL)*	190

Резюме

После длительного и проблематичного избирательного процесса члены парламента избрали 8 февраля 2017 года в Могадишо нового президента федерального правительства Сомали — Абдуллахи Мохамеда Абдуллахи — «Фармаджо». Новый премьер-министр — Хасан Али Хайре — и кабинет министров были назначены к концу марта. В течение первых шести месяцев пребывания у власти администрация сталкивалась с множеством проблем.

Отношения между федеральным правительством и региональными администрациями страны были напряженными в связи с тем, что правительство, судя по всему, стало отказываться от своих обещаний делегировать властные полномочия регионам в рамках новой архитектуры национальной безопасности, а также в связи с продолжающимся отсутствием консенсуса по вопросам управления ресурсами. В то же время региональные администрации продолжали в одностороннем порядке переговоры с иностранными организациями относительно портов, военных объектов и природных ресурсов.

Эти трудности были усугублены растущей напряженностью в отношениях между членами Совета сотрудничества стран Залива. Поскольку различные государства-члены в регионе были вынуждены встать на чью-то сторону в кризисе, разразившемся в районе Залива в июне 2017 года, администрация Фармаджо оказалась все более изолированной из-за своего решения оставаться нейтральной. Региональные администрации, многочисленные члены парламента и некоторые влиятельные деловые круги Могадишо открыто выступают против такой позиции.

В то же время военная группировка «Харакат аш-Шабааб аль-Муджахидин» («Аш-Шабааб») по-прежнему является самой непосредственной угрозой для мира и безопасности в Сомали. В период действия мандата практически не было никакого прогресса в устранении этой угрозы. «Аш-Шабааб» продолжает контролировать значительную часть территории в сельских районах и по-прежнему контролирует ряд городских центров в южной и центральной частях Сомали. 2 января 2017 года «Аш-Шабааб» привела в действие в Могадишо самодельное взрывное устройство — вероятно, самое мощное за все время существования группировки. Лабораторный анализ обнаружил следы нитрата калия, что может свидетельствовать о том, что «Аш-Шабааб» стала изготавливать самодельные взрывчатые вещества.

Присутствие «Аш-Шабааб» в Пунтленде, в северо-восточной части Сомали, расширилось, что усугубляет проблемы, с которыми сталкиваются власти в регионе. В то же время группировка организации «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), действующая главным образом в Бари в северо-восточной части Пунтленда, увеличила число своих членов и привлекает в свои ряды все большее число новобранцев. Группировка ИГИЛ ненадолго захватила город Кандаля, расположенный на северном побережье Пунтленда, и осуществила в Босасо свое первое нападение с использованием террориста-смертника. Несмотря на то, что возможности этой группировки остаются ограниченными, приток иностранных боевиков, спасающихся от военного давления в Ираке, Сирийской Арабской Республике и других странах, может создать серьезную угрозу для региона.

Группа контроля по Сомали и Эритрее по-прежнему обеспокоена непрекращающимся поступлением незаконного оружия в Сомали, особенно через северное побережье Пунтленда. Ограниченный доступ затрудняет способность Группы проверять регулярность и объем поставок, однако собранная информация указывает на поступление примерно одной партии оружия в месяц только в Пунтленд, в основном из Йемена.

В то же время федеральное правительство неоднократно призывало полностью отменить эмбарго на поставки оружия, несмотря на его неспособность в полной мере соблюдать существующие обязательства в рамках частичной отмены эмбарго. В течение последних двух лет осуществлялись поставки многочисленных партий оружия — без уведомления или с частичным уведомлением — как федеральному правительству, так и региональным администрациям. Несмотря на небольшие успехи, недостатки в системе управления запасами оружия и боеприпасов со стороны федерального правительства сохраняются, особенно в том, что касается распределения и отслеживания материальных средств. Учитывая уязвимость системы в плане перенаправления на другие цели и угрозу, которую это представляет для мира и безопасности — особенно в условиях сохраняющейся напряженности в отношениях между центром и периферией — Группа контроля не рекомендует дальнейшее ослабление эмбарго на поставки оружия.

Несмотря на некоторые успехи в управлении государственными финансами, федеральные учреждения по-прежнему не в состоянии бороться с повсеместной коррупцией. Механизмы, созданные для рассмотрения правительственных контрактов, по-прежнему стараются обойти стороной, а отсутствие транспарентности относительно принадлежности компаний создает благоприятные условия для коррупции при заключении государственных контрактов. Правительственные министерства продолжают действовать в обход единого счета казначейства в Центральном банке Сомали, избегая таким образом контроля над их поступлениями со стороны налоговых органов федерального правительства. Нецелевое использование государственных земель в Могадишо продолжается, несмотря на обещания предыдущей администрации решить эту проблему. Печатающие фальшивых сомалийских денежных знаков в Пунтленде по-прежнему подрывают экономическую стабильность и провоцировали вспышки гражданских беспорядков.

В период действия нынешнего мандата «Аш-Шабааб» несла ответственность за наибольшее число жертв среди гражданского населения в результате крупномасштабных нападений на гражданские объекты и применения жестоких мер наказания в отношении отдельных лиц и общин. Межобщинный конфликт, который часто усугублялся участием национальных и региональных сил и группировки «Аш-Шабааб», стал причиной значительного ущерба, причиняемого гражданскому населению. Давно продолжающаяся напряженность в Галькайо и Нижней Шабелле переросла в открытый вооруженный конфликт, который привел к перемещению более 180 000 гражданских лиц. В июне «Аш-Шабааб» также начала агрессивную кампанию вербовки детей, в результате которой сотни детей оказались в контролируемой группировкой системе медресе.

После объявления в феврале об угрозе голода «Аш-Шабааб» по-прежнему запрещает осуществление гуманитарных операций, а агрессивная блокада районов, контролируемых правительством, привела к перемещению более 800 000 гражданских лиц. С расширением масштабов операций по оказанию помощи в связи с засухой более остро встал проблема вымогательства на незаконных контрольно-пропускных пунктах на основных маршрутах снабжения — часто укомплектованных персоналом сил национальной и/или регио-

нальных администраций, — что приводит к увеличению общих расходов на доставку помощи. Местные работники гуманитарных организаций также сталкиваются с растущей угрозой похищения, а также уничтожения и разграбления предметов снабжения со стороны «Аш-Шабааб». Благодаря усилиям международных гуманитарных партнеров и сомалийских общинных организаций Сомали смогло избежать сползания в пучину нового голода.

Наконец, общие масштабы незаконного экспорта древесного угля из южной части Сомали остаются такими же, как и в предыдущие периоды. В отличие от большей части 2015 и 2016 годов, когда «Аш-Шабааб» периодически запрещала торговлю древесным углем в контролируемых ею районах, группировка возобновила систематическое налогообложение древесного угля на контрольно-пропускных пунктах на пути между местами хранения запасов древесного угля и портами в Бур-Габо и Кисмайо. По самым скромным оценкам, «Аш-Шабааб» получает за счет незаконной торговли древесным углем по меньшей мере 10 млн долл. США в год. Дубай, Объединенные Арабские Эмираты, по-прежнему является основным пунктом назначения этого экспорта, а также транзитным узлом для преступных сетей, нарушающих запрет на торговлю древесным углем в условиях почти полной безнаказанности. За заметным исключением Кувейта, запрет на торговлю древесным углем осуществляется плохо, особенно временной администрацией в Джуббе и Миссией Африканского союза в Сомали и Объединенными Арабскими Эмиратами как одной из стран-импортеров. Отсутствие приверженности последовательному осуществлению санкций, а в некоторых случаях явное сознательное нежелание соблюдать запрет на торговлю древесным углем содействуют финансированию «Аш-Шабааб» и подрывают усилия по борьбе с терроризмом в Сомали.

I. Введение

A. Мандат

1. Мандат Группы контроля по Сомали и Эритрее, изложенный в пункте 13 резолюции [2060 \(2012\)](#) Совета Безопасности и расширенный в пункте 41 резолюции [2093 \(2013\)](#) и пункте 15 резолюции [2182 \(2014\)](#), был продлен в пункте 38 резолюции [2317 \(2016\)](#).
2. В соответствии с пунктом 40 резолюции [2317 \(2016\)](#) и пунктом 13(l) резолюции [2060 \(2012\)](#) Группа контроля по Сомали и Эритрее представила Совету Безопасности через Комитет Совета Безопасности, учрежденный в соответствии с резолюциями 751 (1992) и [1907 \(2009\)](#) по Сомали и Эритрее, промежуточную обновленную информацию 21 апреля 2017 года. В течение срока действия своего мандата Группа представляла Комитету также ежемесячные периодические доклады.
3. В ходе своих исследований члены Группы контроля посетили Бахрейн, Бельгию, Джибути, Индию, Иран (Исламская Республика), Испанию, Катар, Кот-д'Ивуар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Соединенные Штаты Америки, Сомали, Судан, Турцию, Уганду, Францию, Шри-Ланку, Эфиопию и Южную Африку.
4. В состав Группы контроля, базировавшейся в Найроби, входили следующие эксперты: Джеймс Смит (координатор), Джей Бахадур (вооруженные группировки), Чарльз Кейтер (природные ресурсы), Дейдре Кланси (гуманитарные вопросы), Тапани Холопайнен (финансы), Назанин Мошири (оружие) и Ришар Забо (оружие).

B. Методология

5. В работе Группы контроля в период действия ее нынешнего мандата применялись те же критерии доказательности и процедуры проверки, которые были описаны в ее предыдущих докладах. Группа подтвердила свою методику, изложенную в ее предыдущих докладах. При подготовке настоящего доклада использовалась следующая методология:
 - a) сбор данных о событиях и тематической информации, по возможности из разных источников;
 - b) сбор информации о событиях, по возможности из «первых рук»;
 - c) установление логической последовательности наборов данных и сопоставление имеющихся данных с новой информацией и формирующимися тенденциями;
 - d) постоянный учет специальных знаний и заключений соответствующего эксперта Группы контроля и выяснение коллективного мнения Группы относительно достоверности информации и надежности ее источников;
 - e) сбор физических, фотографических, аудио-, видео- и/или документальных материалов, подтверждающих полученную информацию;
 - f) анализ спутниковых изображений в соответствующих случаях.

6. Группа контроля прилагала целенаправленные и систематические усилия для получения доступа к тем, кто был причастен к нарушению санкционных мер, действуя через лиц, которые располагали информацией о нарушениях из первоисточника или знали людей, непосредственно располагающих подробными сведениями о нарушениях. В некоторых случаях члены Группы сами были непосредственными свидетелями реальных нарушений.

7. Группа контроля опросила широкий круг лиц, располагающих соответствующей информацией, включая правительственных чиновников и представителей дипломатических миссий, организаций гражданского общества и учреждений, занимающихся оказанием помощи. Члены Группы также встречались или общались с должностными лицами администраций Пунтленда и Сомалиленда, а также временных региональных администраций, представителями политических и вооруженных групп, перебежчиками и представителями деловых кругов и сомалийского гражданского общества.

8. В соответствии с бюллетенем Генерального секретаря о конфиденциальности, классификации и использовании информации ([ST/SGB/2007/6](#)) Группа контроля представила Комитету вместе с настоящим докладом несколько строго конфиденциальных приложений, содержащих информацию, раскрытие которой может нанести ущерб нормальному функционированию Организации Объединенных Наций, благополучию и безопасности ее персонала или третьих сторон или же может повлечь нарушение юридических обязательств Организации. Эти приложения не будут издаваться в качестве документа Совета Безопасности.

II. Действия, которые угрожают миру, безопасности и стабильности в Сомали

A. «Харакат аш-Шабааб аль-Муджахидин»

9. Вооруженная группировка «Харакат аш-Шабааб аль-Муджахидин» («Аш-Шабааб») по-прежнему является самой непосредственной угрозой миру, безопасности и стабильности в Сомали. Крупные наступательные операции Миссии Африканского союза в Сомали (АМИСОМ) и Сомалийской национальной армии против группировки «Аш-Шабааб» приостановлены с июля 2015 года, когда завершился последний этап операции «Джуббский коридор». В результате группировка продолжает контролировать значительную часть долины Джуббы, включая города Джилиб, Джамаме и Буале, а это позволяет группировке продолжать взимать налог с ферм в этом районе, что является одним из главных источников ее доходов. Даже вокруг городских центров в южной и центральной частях Сомали, занимаемых национальными или региональными силами безопасности и/или АМИСОМ, «Аш-Шабааб» продолжает сохранять контроль над сельскими районами и основными маршрутами снабжения, что позволяет группировке перекрывать поставки продовольствия для значительной части населения.

10. В марте 2017 года Соединенные Штаты издали директиву, в которой обширные территории в южной части Сомали классифицируются как военная зона, что позволяет расширять наземные и воздушные боевые операции. В период с июня по середину сентября Соединенные Штаты осуществили девять публично признанных воздушных ударов в Сомали, по сравнению с 13 за весь 2016 год. В результате этих ударов, согласно подтвержденным сведениям, были

убиты не менее трех командиров «Аш-Шабааб» среднего и высшего звена¹. Однако, как отмечалось в предыдущих докладах Группы контроля (см. [S/2016/919](#), пункт 11), ослабление руководства «Аш-Шабааб», как свидетельствует опыт, мало влияло на способность группировки осуществлять как асимметричные, так и обычные нападения на территории Сомали. Основными объектами операций группировки по-прежнему являются миротворцы АМИСОМ и должностные лица, принадлежащие к федеральному правительству Сомали или региональным органам власти, которых «Аш-Шабааб» считает вероотступниками.

Операции на национальном и региональном уровнях

11. Группировка «Аш-Шабааб» продолжает осуществлять регулярные сложные нападения в Могадишо, обычно используя для этого самодельное взрывное устройство, установленное на автотранспортном средстве, с последующим нападением четырех-пяти так называемых «боевиков-смертников» на гостиницы и рестораны, посещаемые должностными лицами федерального правительства и сотрудниками сил безопасности. С начала действия нынешнего мандата Группы «Аш-Шабааб» осуществила три таких нападения в Могадишо — в гостинице «Дайя» 25 января 2017 года, в кафе «Итальянское» 8 мая и в гостинице «Пош» и рядом расположенном ресторане «Пицца хаус» 14 июня. В результате этих нападений погибли по меньшей мере 77 человек.

12. Кроме того, 2 января 2017 года «Аш-Шабааб» взорвала заминированный автомобиль у контрольно-пропускного пункта Национального управления разведки и безопасности, расположенного у Мединских ворот комплекса международного аэропорта им. Адена Абдуллы в Могадишо. По оценкам, мощность заряда составляла не менее 1200 кг в тротиловом эквиваленте, и по всей вероятности, по весу это было самое крупное взрывное устройство из когда-либо использованных группировкой (см. приложение 1.3)².

13. «Аш-Шабааб» также продолжает осуществлять время от времени обычные действия, представляющие военную угрозу для АМИСОМ и национальных/региональных сил безопасности. 27 января боевики «Аш-Шабааб» штурмовали базу Кенийских сил обороны в Кулбийове, расположенную на границе между Кенией и сомалийской областью Нижняя Джубба, в результате чего погибли по меньшей мере 67 солдат Кенийских сил обороны. Это было первое крупномасштабное обычное нападение на базу страны, предоставляющей войска в состав АМИСОМ, со времени неудавшегося нападения на базу контингента Эфиопских национальных сил обороны в Халгане, область Хиран, 9 июня 2016 года (см. [S/2016/919](#), пункт 23).

¹ Bureau of Investigative Journalism, Somalia: Reported US actions 2017 database. <https://www.thebureauinvestigates.com/drone-war/data/somalia-reported-us-covert-actions-2017> (по состоянию на 19 сентября 2017 года).

² Беседы с экспертами по самодельным взрывным устройствам в Могадишо 8 февраля 2017 года, а также с независимым инженером-экспертом по взрывчатым веществам, который провел анализ места взрыва на основе спутниковых снимков и размера воронки с определением средних значений, полученных в результате применения трех отдельных методологий. В то же время оперативный сотрудник Службы Организации Объединенных Наций по вопросам деятельности, связанной с разминированием (ЮНМАС) в Могадишо оценил мощность заложенного в автомобиль взрывчатого вещества в 200–500 кг в тротиловом эквиваленте. Сообщение, направленное Группе контроля по электронной почте 14 сентября 2017 года.

14. В то же время масштабы трансграничных террористических операций «Аш-Шабааб» продолжают сокращаться — группировка не смогла осуществить каких-либо серьезных нападений за пределами Сомали. Вместе с тем связанное с «Аш-Шабааб» повстанческое движение «Джейш Айман» продолжает действовать в кенийском лесном массиве Бони, а также продолжает осуществлять в округе Ламу Кении частые нападения на кенийских военных, полицейских и гражданских лиц. В мае 2017 года кенийские официальные лица заявили о том, что полиция арестовала с начала контртеррористической операции «Линда Бони» в декабре 2016 года по меньшей мере 33 члена «Аш-Шабааб» в Кении — и тем самым предотвратила два крупных запланированных террористических нападения³.

«Аш-Шабааб» — Северо-восток в Пунтленде

15. Группа контроля широко освещала повстанческие действия «Аш-Шабааб» — Северо-восток против властей Пунтленда в горах Голис, отмечая с обеспокоенностью, что Пунтленд служит потенциальным убежищем для боевиков «Аш-Шабааб», спасающихся от военного давления на юге и в центральной части Сомали, а также связующим коридором между «Аш-Шабааб» и «Аль-Каидой» на Аравийском полуострове» (см., например, S/2016/919, пункты 30–32, и приложение 1.3). В своем докладе за 2016 год Группа контроля сообщала, что численность повстанцев, составляет от 70 до 100 боевиков (см. S/2016/919, пункт 31). Однако есть признаки того, что численность группировки в 2017 году значительно выросла, возможно, в ответ на растущее присутствие соперничающей с ней группировки «Исламского государства Ирака и Левант» (ИГИЛ) в области Бари Пунтленда⁴.

Нападение на Афурур и проводимая Пунтлендом политика «ареста и освобождения»

16. На рассвете 8 июня 2017 года «Аш-Шабааб» предприняла свое самое кровопролитное обычное военное нападение из когда-либо осуществлявшихся ею в Пунтленде, захватив военную базу Афурур и убив около 60 военнослужащих «Даравиш» (регулярные силы Пунтленда). Этот инцидент стал первым крупным вооруженным столкновением между силами Пунтленда и повстанцами «Аш-Шабааб»-Северо-восток в горах Голис в Пунтленде после крупной наступательной операции Пунтленда в октябре 2014 года, в ходе которой боевики были вытеснены из Галгалы. Афурур, расположенный примерно в 30 км к юго-западу от города Галгала, когда-то служил основным промежуточным пунктом на южном пути, по которому осуществлялось снабжение «Аш-Шабааб» в горах Голис, но в июне 2015 года Афурур был занят силами Пунтленда и с тех пор находился под их контролем.

17. Одним из руководителей операции в Афуруре был Абдуллахи Абди Хаджи, известный также как Мурсал Мадобе, член «Аш-Шабааб» с 2006 года (см. S/2016/919, приложение 1.5 (строго конфиденциально)). Как указывалось в докладе Группы контроля за 2016 год, власти Пунтленда арестовали Хаджи в августе 2015 года, однако впоследствии освободили его в ходе всеобщей амнистии, предоставленной президентом Абдивели Мохамедом Али «Гассом» яко-

³ Galgalo Bocha, “Official: Police foiled planned Jamhuri Day Shabaab attack”, *Daily Nation*, 18 May 2017. <http://www.nation.co.ke/counties/tana-river/33-suspected-Shabaab-terrorists-arrested/3444928-3931876-iyplcyz/index.html>.

⁴ Группа контроля 6 и 7 июня 2017 года опросила четырех членов повстанческого движения «Аш-Шабааб»-Северо-восток в центральной тюрьме в Босасо; эти опросы подтвердили присутствие в горах Голис многочисленных групп в составе примерно 30 боевиков, однако ни один из интервьюируемых не мог дать оценку общей численности членов движения.

бы раскаявшимся членам «Аш-Шабааб» (там же). Освобождение Хаджи является примером проводимой администрацией Пунтленда политики «ареста и освобождения» по отношению к лицам, подозреваемым в принадлежности к «Аш-Шабааб», что документально подтверждается Группой контроля с 2014 года (см. S/2014/726, приложение 1.4, и S/2016/919, приложение 1.5 (строго конфиденциально)).

18. 26 июля Африканское командование Соединенных Штатов (АФРИКОМ) объявило о захвате Абдирисака Хусейна Тахлиля и четырех других боевиков «Аш-Шабааб» в ходе операции по обеспечению безопасности, проведенной совместно с сомалийскими силами вблизи Галькайо, и обвинило Тахлиля в «содействии использованию самодельных взрывных устройств в Сомали»⁵. По данным средств массовой информации Соединенных Штатов, Тахлиль на законных основаниях проживал в Соединенных Штатах в период с 2006 по 2009 год⁶. Тахлиль ранее задерживался сотрудниками разведки Пунтленда в Гароуэ в ноябре 2012 года, когда в его автомобиле были обнаружены взрывчатые вещества, и впоследствии был приговорен к смертной казни. Однако 18 декабря 2013 года он был освобожден из-под стражи по приказу президента Пунтленда «Гасса» вместе с его сообщником Мохамедом Нуром Аденом, который был арестован в связи с тем же заговором⁷.

Закупка оружия группировкой «Аш-Шабааб» после нападений на Миссию Африканского союза в Сомали

19. В 2015 и 2016 годах Группа контроля сообщала о своей обеспокоенности по поводу уязвимости передовых оперативных баз АМИСОМ и Сомалийской национальной армии в отношении нападений со стороны группировки «Аш-Шабааб» (см. S/2015/801, пункт 91, и S/2016/919, пункт 14). Серьезные нападения на силы АМИСОМ имели место в Эль-Адде в области Гедо 15 января 2016 года, в Лего в области Бай 26 июня 2015 года и в Джанале в области Нижняя Шабелле 1 сентября 2015 года.

20. С октября 2016 года на базы АМИСОМ было совершено более десяти нападений различной интенсивности. Наиболее серьезное нападение в период действия нынешнего мандата было совершено 27 января 2017 года на передовую оперативную базу Кенийских сил обороны (КСО) в Кулбийове, расположенном на кенийско-сомалийской границе. Фото- и видеоматериалы, опубликованные «Аль-Катаибом», медийным крылом «Аш-Шабааб», а также кенийскими средствами массовой информации, подтверждают, что боевики, судя по всему, захватили оружие, боеприпасы и транспортные средства⁸. В частности, группировкой «Аш-Шабааб» были захвачены такие серьезные единицы оружия, как 105-мм гаубица ОТО-Melara Mod 56, бронетранспортер WZ-551 и по крайней мере один 81-мм миномет и один тяжелый пулемет M240B.

⁵ Farah Abdi Warsameh (Associated Press), “Suspected al-Shabab associate captured in U.S.-Somali raid”, CBS News, 26 July 2017. <https://www.cbsnews.com/news/al-shabab-suspected-associate-captured-in-us-somali-raid/>.

⁶ Ibid.

⁷ Подробная информация об арестах Тахлиля и Нура приведена в заключительном докладе Группы контроля за 2013 год. См. S/2013/413, приложение 1.7.a.

⁸ Conway Waddington, “The Kulbiyow Attack Uncovered”, Africa Defence Review, 22 March 2017. <https://www.africandefence.net/analysis-of-competing-claims-about-the-january-2017-al-shabaab-attack-on-the-kdf-base-at-kulbiyow/>.

21. Одним из последствий таких нападений стала способность «Аш-Шабааб» захватывать минометы для их применения в ходе частых нападений на объекты федерального правительства и АМИСОМ⁹. С 2009 года «Аш-Шабааб» в основном использовала 82-мм и 60-мм минометы. В то же время Группа контроля получила сведения о по меньшей мере одном нападении со стороны «Аш-Шабааб» с применением более тяжелых 120-мм минометов. Это нападение было совершено 23 апреля 2017 года на совместную базу угандийских сил и Сомалийской национальной армии в Баледогле, что представляет собой новую и серьезную угрозу для мира и безопасности в Сомали. Миномет, вероятно, был захвачен в ходе нападения группировки «Аш-Шабааб» на бурундийский контингент в составе АМИСОМ в Лего¹⁰.

22. В сентябре 2016 года силы временной администрации Юго-Запада и АМИСОМ в Гофгадуд-Бурее, область Бай, захватили у группировки «Аш-Шабааб» термобарический реактивный противотанковый 40-мм гранатомет DZT-02 (РПГ), который, вероятно, также был захвачен группировкой во время нападения на Лего¹¹.

23. См. дополнительную информацию о приобретении группировкой «Аш-Шабааб» оружия после нападений на АМИСОМ в приложении 1.1.

Применение группировкой «Аш-Шабааб» самодельных взрывных устройств

24. В период действия нынешнего мандата Группы контроля группировка «Аш-Шабааб» освоила по крайней мере один новый метод изготовления самодельных взрывных устройств. Боезаряд используемых взрывчатых веществ также увеличился; например, как отмечалось выше, 2 января 2017 года, группировка боевиков привела в действие взрывные устройства, установленные на транспортном средстве, которые имели мощность до 1200 кг в тротиловом эквиваленте¹².

25. В 2016 году Группа контроля сообщала о неподтвержденном использовании «Аш-Шабааб» самодельных взрывчатых веществ в самодельных взрывных устройствах (см. [S/2016/919](#), приложение 7.1). В июне 2017 года Группа контроля получила от Аналитического центра Федерального бюро расследований по используемым террористами взрывным устройствам результаты лабораторных исследований по нападениям, совершенным с применением самодельных взрывных устройств в Сомали в период со 2 февраля 2016 года по 2 января

⁹ Согласно информации, предоставленной 24 июля 2017 года по электронной почте старшим советником АМИСОМ по вопросам безопасности, в период с января по июнь 2017 года в Могадишо было зарегистрировано 12 нападений с применением минометных мин. Согласно сомалийскому исследователю, базирующемуся в Могадишо, в 2016 году группировка «Аш-Шабааб» совершила в Могадишо примерно 17 нападений с применением минометов, что может указывать на возможность увеличения общего числа обстрелов в столице в этом году. Сообщение, полученное по электронной почте 20 августа 2017 года от советника Организации Объединенных Наций по вопросам безопасности.

¹⁰ Коммуникация с помощью СМС со старшим советником АМИСОМ 19 июля 2017 года.

¹¹ Сообщение, полученное по электронной почте 31 июля 2017 года от оперативного сотрудника ЮНМАС. Термобарические боеприпасы имеют гораздо большую разрушительную силу, чем стандартные боеприпасы для РПГ, так как они имеют большую мощность взрыва и больший зажигательный эффект и при взрыве производят большое количество осколков.

¹² Беседы, проведенные в период действия нынешнего мандата с находившимися в Сомали многочисленными специалистами по обезвреживанию взрывоопасных предметов, которые проводили анализ взрывных устройств, установленных на транспортных средствах, уже после взрывов.

2017 года¹³. Шесть из этих докладов подтверждают присутствие азотнокислого калия — окислителя, широко используемого в некоторых странах в качестве удобрения, — по крайней мере в шести крупных нападениях с использованием заминированных автомобилей или в изъятых самодельных взрывных устройствах в период с 2016 года¹⁴. По меньшей мере три самодельных взрывных устройства содержали также следы хлористокислого натрия и хлористокислого калия, которые используются для повышения эффективности взрывных устройств, устанавливаемых на транспортных средствах¹⁵.

26. Присутствие этих соединений может указывать на возможную диверсификацию традиционного использования группировкой «Аш-Шабааб» военных взрывчатых веществ, извлеченных из остатков боеприпасов — или же из недавно захваченных боеприпасов с баз АМИСОМ — для изготовления самодельных взрывных устройств. Потенциальное использование «Аш-Шабааб» самодельных взрывчатых веществ позволит группировке меньше полагаться на процесс извлечения взрывчатых веществ из боеприпасов, который является довольно медленным и трудоемким¹⁶. Таким образом, «Аш-Шабааб», вероятно, будет продолжать попытки приобрести окислители с помощью удобрений и/или других широко распространенных промышленных товаров, что позволит воинственной группировке чаще применять СВУ, а также увеличить массу взрывчатого вещества в своих самодельных взрывных устройствах.

27. Группа контроля также расследовала два случая изъятия силами безопасности в Пунтленде компонентов самодельных взрывных устройств — 26 апреля и 30 мая 2017 года. В числе ключевых компонентов самодельных взрывных устройств, попадающих в Пунтленд и другие районы Сомали, фигурируют и электродетонаторы. Многие эти взрыватели были изготовлены коммерческой компанией C-DET Explosive Industries из Индии¹⁷. См. дополнительную информацию об источниках, из которых «Аш-Шабааб» получает компоненты для самодельных взрывных устройств, и о новых технологиях в приложении 1.2 (строго конфиденциально).

¹³ Аналитический центр по используемым террористами взрывным устройствам подчеркнул, что присутствие таких окислителей, как азотнокислый калий, в лабораторных анализах, не является убедительным доказательством того, что «Аш-Шабааб» производит самодельные взрывчатые вещества.

¹⁴ Хотя чистый азотнокислый калий обычно не используется в качестве сельскохозяйственного удобрения в Сомали, Группа контроля располагает доказательствами того, что по крайней мере одна компания поставляет в большом количестве чистый азотнокислый калий в качестве удобрения в Йемен. Такие окислители, как азотнокислый калий, являются источником необходимого кислорода, который в сочетании с топливом усиливает мощность взрыва. Пока неясно, как «Аш-Шабааб» закупает азотнокислый калий. Сообщение, полученное 24 августа 2017 года по электронной почте от оперативного сотрудника ЮНМАС; и состоявшийся 8 августа 2017 года телефонный разговор с базирующимся в Могадишо специалистом по судебной экспертизе.

¹⁵ Хлористокислый калий может использоваться в производстве спичек и боевых зарядов, но таких производств в Сомали в настоящее время нет. Хлористокислый натрий является широко распространенным коммерческим компонентом, используемым при производстве гербицидов, пиротехнических средств, сварочных материалов и химических генераторов кислорода. Пока неясно, как «Аш-Шабааб» получает хлористокислый натрий.

¹⁶ Беседы с различными специалистами по самодельным взрывным устройствам в Могадишо в период с июня по август 2017 года. В телефонном разговоре 3 сентября 2017 года специалист по обезвреживанию взрывоопасных предметов сообщил Группе контроля, что для получения заряда взрывчатого вещества в 100 кг необходимо использовать боеприпасы весом в 500 кг.

¹⁷ См. тематическое исследование, ранее проведенное по детонаторам фирмы C-DET, контрабандным путем ввезенным группировкой «Аш-Шабааб» в Пунтленд через Йемен, в документе S/2014/726, приложение 6.6.

Финансирование «Аш-Шабааб»

28. В период действия нынешнего мандата Группы контроля «Аш-Шабааб» продолжала взимать налог с предпринимателей в Сомали (см. также [S/2016/919](#), приложение 1.6, и [S/2015/801](#), пункт 92). Проведенные Группой контроля собеседования свидетельствуют о том, что ежемесячный налог, взимаемый «Аш-Шабааб» в Могадишо, варьируется в пределах от 10 долл. США в случае рыночных торговцев и до 70 000 долл. США в случае крупных компаний¹⁸. Органы безопасности федерального правительства 23 июля 2017 года направили представителям деловых кругов письмо с предупреждением относительно оказания финансовой поддержки группировке «Аш-Шабааб». С учетом ограниченных возможностей федерального правительства и органов безопасности в плане отслеживания платежей группировке «Аш-Шабааб» это предупреждение вряд ли окажет какое-либо существенное воздействие на способность «Аш-Шабааб» облагать налогом деловые круги.

29. В период действия предыдущего мандата Группы контроля она отмечала все большую зависимость «Аш-Шабааб» от финансовых средств, получаемых от обложения налогом сельскохозяйственного производства, животноводства и торговли (см. [S/2016/919](#), пункт 83, и приложение 1.8)¹⁹. В приложении 1.5 дается оценка средств, получаемых «Аш-Шабааб» в результате обложения налогом рынков скота и сельскохозяйственных рынков в областях Бай и Баколь.

30. «Аш-Шабааб» также продолжает облагать налогом товары на контрольно-пропускных пунктах вдоль основных маршрутов снабжения, в частности импортные и экспортные товары, следующие по маршрутам в основные порты, в том числе товары, следующие в Кению. С крупных грузовиков обычно взимают плату в размере 1000 долл. США, при этом «Аш-Шабааб» выдает соответствующую квитанцию для предъявления на последующих контрольно-пропускных пунктах во избежание двойного налогообложения²⁰.

31. Чтобы обосновать налогообложение сельскохозяйственной продукции и скота, «Аш-Шабааб» называет этот налог закятom, то есть обычным религиозным налогом на богатство и имущество, взимаемым, как правило, на ежегодной основе. Усилия группировки по сбору закята становятся все более агрессивными с точки зрения количества конфискуемых товаров, периодичности сбора налога, а также применения принудительных методов²¹.

В. Группировка «Исламского государства Ирака и Леванта» в Сомали

32. Группировка «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ), верная шейху Абдулкадеру Мумину, численность которой, согласно оценке, приведен-

¹⁸ Беседы с контртеррористическим аналитиком в Найроби 7 марта 2017 года; владельцем предприятия в Могадишо 4 июля 2017 года; и сотрудником правоохранительных органов, специализирующимся на вопросе финансирования группировки «Аш-Шабааб», в Лондоне 31 марта 2017 года.

¹⁹ Совет Безопасности в пункте 21 своей резолюции [2317 \(2016\)](#) просил Группу контроля представить дополнительную информацию по этому вопросу.

²⁰ Беседы с бывшим финансовым сотрудником «Аш-Шабааб» в Байдабо 30 августа 2017 года; сотрудником разведки, специализирующимся на вопросе финансирования «Аш-Шабааб», в Байдабо 2 августа 2017 года; и консультантом в Кисмайо, 14 июня 2017 года.

²¹ Беседа с бывшим финансовым сотрудником «Аш-Шабааб» в Байдабо 30 августа 2017 года и сомалийским бизнесменом в Могадишо 4 июля 2017 года; беседы со старейшинами и членами общин в областях Нижняя Шабелле и Средняя Джубба.

ной в докладе Группы контроля за 2016 год, составляла не более нескольких десятков человек (см. S/2016/919, пункт 28), значительно усилилась и может на момент подготовки настоящего доклада насчитывать до 200 боевиков²².

33. В октябре 2016 года группировка ИГИЛ захватила город Кандала в области Бари в Пунтленде, объявив этот город столицей так называемого исламского халифата в Сомали. В конце ноября наземные и морские силы Пунтленда, при поддержке американских военных советников, предприняли совместное наступление и после нескольких вооруженных столкновений смогли 7 декабря снова занять этот город. Тем не менее ИГИЛ по-прежнему имеет широкое присутствие в близлежащих сельских районах; данные о местонахождении с мобильных телефонов боевиков ИГИЛ свидетельствуют об их частой активности в районе вышки сотовой связи в Афбашашине, примерно в 50 км к юго-востоку от Кандалы²³.

34. Хотя группировка ИГИЛ и не вступает ни в какие крупномасштабные обычные столкновения с силами Пунтленда после занятия Кандалы, она регулярно совершает асимметричные нападения. Группировка продемонстрировала признаки роста тактических возможностей во время ее первого нападения на гостиницу, когда двое вооруженных людей ворвались в гостиницу “International Village Hotel” в Босасо, являющемся экономической столицей Пунтленда, на рассвете 8 февраля 2017 года (см. приложение 2.4). 23 мая группировка осуществила свое первое нападение с использованием террориста-смертника, приведя в действие самодельное взрывное устройство на полицейском контрольно-пропускном пункте вблизи гостиницы «Джубба» в Босасо, в результате чего 5 человек погибли и по меньшей мере 12 человек были ранены (см. приложение 2.5, строго конфиденциально). По данным властей Пунтленда, лидер ИГИЛ Абдирахман Фахийе Иссе Мохамуд (дарод/харт/дешише), известный также как Ахмед Адан, Халид, Якуб, и Буране, был главным координатором нападения²⁴.

35. Хотя на данный момент ИГИЛ не представляет реальной угрозы для администрации Пунтленда, слабый контроль администрация над областью Бари делает ее потенциальным прибежищем для иностранных боевиков ИГИЛ. Прибывающие опытные иностранные боевики могут одержать верх над редко получаемыми жалованием и деморализованными военнослужащими сил безопасности Пунтленда.

Связи с широкой организацией

36. Несмотря на то, что Группа контроля еще не располагает убедительными доказательствами того, что группировка Мумина поддерживает оперативные связи с более широкой сетью ИГИЛ, распечатка звонков с телефонного номера, который ранее, по подтвержденным сведениям, использовался Мумином, свидетельствует о неоднократных контактах с йеменским телефонным селектором в апреле и мае 2016 года (см. S/2016/919, приложение 1.2). Региональный разведисточник установил, что абонентом селектора являлся Халиль Дхире, быв-

²² На основе информации, полученной Группой контроля в ходе бесед с 10 дезертировавшими и захваченными боевиками ИГИЛ, находящимися под стражей в центральной тюрьме Босасо, а также в ходе бесед с источниками в органах разведки и безопасности, знакомыми с Пунтлендом, в апреле 2017 года. Большинство опрошенных Группой боевиков покинули ИГИЛ в декабре 2016 года, поэтому представленная ими информация на тот момент была вполне актуальной.

²³ Роль Афбашашина как центра операций ИГИЛ, особенно до марта 2017 года, была подтверждена старшим сотрудником разведки Пунтленда 13 апреля 2017 года.

²⁴ Беседа со старшим сотрудником Пунтленда по вопросам безопасности 18 августа 2017 года.

ший член группировки «Аш-Шабааб», который оставил группировку и переехал в Йемен в 2013 году. Согласно имеющейся информации, Дхире в настоящее время выполняет роль посредника между Мумином и старшим руководством ИГИЛ в Ираке и Сирийской Арабской Республике, хотя точный характер этих контактов неясен.

37. Бывшие члены группировки ИГИЛ, которые дезертировали из группировки в декабре 2016 года, сообщили о том, что лидеры группировки получают приказы, — а также финансовые средства через систему денежных переводов «хавала» — из Ирака и Сирийской Арабской Республики. Один бывший член группировки заявил, что он был свидетелем того, как лидеры группировки, в том числе Абдулкадер Мумин и Ахмед Адан (см. ниже), использовали программное обеспечение для шифрования TrueCrypt для общения с руководством ИГИЛ в Ираке и Сирийской Арабской Республике с помощью записываемых голосовых сообщений. Однако Группа контроля не смогла провести независимую проверку этих утверждений.

Вербовка

38. Группировка ИГИЛ применяет все более изощренные методы вербовки, в основном ориентированные на недовольных членов группировки «Аш-Шабааб» в южной части Сомали. Например, два бывших боевика ИГИЛ, с которыми беседовали члены Группы контроля, сообщили, что они получили авиабилеты из Могадишо в Галькайо, что позволило им избежать многочисленных вооруженных контрольно-пропускных пунктов, через которые им пришлось бы пройти, если бы они добирались из южной части Сомали в Пунтленд наземным транспортом. В результате более активной вербовки группировка ИГИЛ перестала быть движением, в котором доминирует подклан дарод/маджиртин/али-салибан, — теперь входящие в группировку боевики представляют многочисленные кланы из разных частей Сомали.

39. ИГИЛ — как глобалистское движение за халифат, — естественно, более привлекателен для иностранных боевиков-террористов, чем «Аш-Шабааб», чьи непосредственные цели сводятся к высылке немусульман из Сомали и созданию государства, основанного на принципах исламского права. Однако группировка ИГИЛ в области Бари пока смогла привлечь лишь ограниченное число иностранных боевиков. Одним из них является гражданин Судана Сухейль Салим Абдель-Рахман, известный также как Абу Фарис, на которого распространяются санкции Министерства финансов Соединенных Штатов. В июле 2012 года Абдель-Рахман был включен Управлением по контролю за иностранными активами Министерства финансов Соединенных Штатов в список специально обозначенных лиц в связи с его ролью в содействии от имени группировки «Аш-Шабааб» въезду иностранных боевиков в Сомали²⁵. Один бывший боевик ИГИЛ, с которым беседовали члены Группы контроля и который ранее дезертировал из группировки в декабре 2016 года, назвал Абдель-Рахмана в качестве своего непосредственного начальника в группировке. Кроме того, два бывших боевика сообщили о присутствии иностранного боевика из Судана,

²⁵ См. US Department of the Treasury, “Treasury targets regional actors fueling violence and instability in Somalia”, press release, 5 July 2012. Available from www.treasury.gov/press-center/press-releases/Pages/tg1630.aspx. Сухейль Салим Абдель-Рахман был сообщником Абуда Рого Мохаммеда (SOi.011), обозначенного в санкционном перечне 1844, радикального кенийского богослова, который был расстрелян неизвестными лицами в Момбасе в августе 2012 года.

говорящего на арабском языке; они вспомнили, что он был известен всем как «Билал»²⁶.

40. Помимо этого, один из бывших боевиков, с которым беседовали члены Группы контроля, утверждал, что он является гражданином Кении, — хотя Группа не смогла изучить его удостоверение личности, — а еще один боевик 17-летнего возраста утверждал, что он родился в Кувейте²⁷. Два опрошенных лица также сообщили о присутствии в группировке гражданина Джибути, известного только как «Абтидон», который погиб в ходе боестолкновений с силами Пунтленда во время захвата Кандалы²⁸.

Платежная ведомость

41. Беседы членов Группы контроля с бывшими боевиками ИГИЛ показали, что жалование членам группировки выплачивается в весьма скромном размере или же вообще не выплачивается. Бывшие боевики сообщили о том, что боевики ИГИЛ, не состоящие в браке, не получают никакого жалования²⁹, а боевики, состоящие в браке, получают 50 долл. США в месяц плюс дополнительно 10–20 долл. США на каждого ребенка в зависимости от возраста ребенка³⁰. Для осуществления всех этих выплат ИГИЛ требуется от 3000 до 9000 долл. США в месяц или от 36 000 до 108 000 долл. США в год³¹. Такая небольшая сумма выплат в виде жалования позволяет руководству ИГИЛ финансировать свою повстанческую деятельность за счет ограниченного бюджета, по всей вероятности, не полагаясь на финансовую поддержку извне. Однако из-за отсутствия жалования для низшего звена боевиков группировка ИГИЛ может также столкнуться с проблемой частых случаев дезертирства, с которой уже столкнулась «Аш-Шабааб».

42. Дополнительная информация о группировке ИГИЛ, включая подробное описание руководителей этой группировки, приводится в приложении 2.2.

С. Межобщинный конфликт

43. В течение последних двух периодов действия мандатов степень сложности двух продолжительных межобщинных конфликтов — в Нижней Шабелле и Галькайо — еще больше возросла на фоне изменившейся региональной, федеральной и/или международной обстановки. Оба конфликта, все большую роль в которых играет группировка «Аш-Шабааб», по-прежнему представляют угрозу для мира и безопасности в целом и для долгосрочной стабильности Сомали.

Нижняя Шабелле

²⁶ Беседы с бывшими боевиками ИГИЛ в Босасо 11 и 12 апреля 2017 года.

²⁷ Оба лица до присоединения к группировке ИГИЛ были членами «Аш-Шабааб» в Сомали.

²⁸ Бывший сотрудник разведки Пунтленда сообщил Группе контроля 7 марта 2017 года, что иностранный боевик ИГИЛ из Джибути погиб во время боестолкновения с силами Пунтленда. По словам двух бывших боевиков, которые были опрошены членами Группы контроля, «Абтидон» был знаком с изготовлением и применением самодельных взрывных устройств. Оба бывших боевика сообщили, что сотрудники сил безопасности Пунтленда показывали им фотографию с телом «Абтидона».

²⁹ Один бывший неженатый боевик ИГИЛ заявил, что он обычно получал около 20 долл. США в месяц для предоплаты мобильной связи.

³⁰ Беседы с бывшими боевиками ИГИЛ в Босасо 11 и 12 апреля 2017 года.

³¹ Исходя из нижней оценки — 120 боевиков в группировке, 40 процентов которых состоят в браке, и верхней оценки — 200 боевиков, 60 процентов из которых состоят в браке.

44. С 2014 года Группа контроля собирала документальные свидетельства того, как давнишний межобщинный конфликт в Нижней Шабелле — особенно между кланами хабер-гедир, бималь и дигил — усугублялся относительным доминированием клана хабер-гедир в местных и федеральных политических структурах и в структурах безопасности и все более активным участием «Аш-Шабааб» в этом конфликте. При президенте Хасане Шейхе Мохамуде распространение государственной власти в Нижней Шабелле — и соответственно международная поддержка — было тесно связано с сетевыми структурами клана хабер-гедир. Элементы Сомалийской национальной армии, в которой главенствующую роль играют хавийя, не только участвуют в крупномасштабных нападениях на общины кланов бималь и дигил в Нижней Шабелле, но в некоторых случаях делают это в ходе совместных операций с «Аш-Шабааб» (см. S/2016/919, приложение 6.1). В то же время «Аш-Шабааб» создает также альянсы с местными общинами, находящимися в оппозиции к правительству, представляя себя в качестве защитника от незаконного и хищнического государства³².

45. К концу 2016 года лояльность «Аш-Шабааб» в регионе еще больше укрепилась. Клан бималь, под воздействием временного захвата города Марка группировкой «Аш-Шабааб» в феврале 2016 года (при различной степени поддержки со стороны ополченцев клана хабер-гедир и элементов Сомалийской национальной армии — перешел на сторону АМИСОМ и сил, борющихся против «Аш-Шабааб» (см. S/2016/919, приложение 7.5). Сетевые структуры клана хабер-гедир в регионе обратились к группировке «Аш-Шабааб» и укрепили свой альянс с ней. К октябрю 2016 года «Аш-Шабааб» начала крупномасштабную кампанию по поджогу и разграблению деревень клана бималь и еще больше усилила свои нападения в мае 2017 года³³. В августе вспыхнул открытый конфликт между ополченцами клана бималь и клана хабер-гедир и группировкой «Аш-Шабааб» из-за контроля над городом Марка (см. также приложение 10.2 (строго конфиденциально)).

Галькайо

46. В основе конфликта в Галькайо лежит давнишняя напряженность в отношениях между соперничающими кланами — главным образом между кланами дарод/маджиртин и хавия/хабер-гедир, — которая на протяжении более 20 лет смягчалась соглашением, достигнутым в 1993 году. Завершение процесса федерализации в 2015 году, однако, привнесло в динамику новых субъектов и подняло ставки: «бывшие районы, где доминировал тот или иной клан, превратились в клановые государства, которые в настоящее время конкурируют не только за доступ к пастбищам, воде и другим местным ресурсам, но и претендуют на территорию, политическую легитимность и контроль над национальным достоянием»³⁴.

47. На двух этапах открытого конфликта в Галькайо в 2015 и 2016 году две в высшей степени милитаризованные администрации — временная администрации Гальмудуга и Пунтленд — столкнулись друг с другом, поддерживаемые ополчением кланов и элементами национальных сил безопасности. Про-

³² В период действия нынешнего мандата суд группировки «Аш-Шабааб» в Афгойе оставался для многих юрисдикционной инстанцией, куда обращались для разрешения земельных споров, даже в Могадишо.

³³ Более подробную информацию см. в материале Human Rights Watch, “Somalia: Al-Shabab Forces Burn Villages”, 26 July 2017. <https://www.hrw.org/news/2017/07/26/somalia-al-shabab-forces-burn-villages>.

³⁴ Interpeace and Peace and Development Research Centre Galkacyo, Conflict assessment, December 2016-March 2017.

вал многократных переговоров между двумя сторонами позволил группировке «Аш-Шабааб» подключиться к этому конфликту в качестве деструктивного элемента, что еще больше усугубляет недоверие между сторонами и непосредственно способствует усилению насилия. Группировка «Аш-Шабааб» извлекала выгоду из такого участия в конфликте, увеличив свое присутствие и влияние в Пунтленде и Гальмудуге и укрепив контроль над элементами региональных политических и военных структур. В то же время руководство временной администрации Гальмудуга и руководство Пунтленда, дважды вступавшие в конфликт в течение одного года, никакому осуждению не подверглись.

48. В приложении 3.1 описываются причины и движущие силы конфликта в Галькайо, его последствия для гражданских лиц и меры, принимаемые для смягчения дальнейшего насилия в будущем.

Другие случаи напряженных отношений между общинами

49. С момента создания Пунтленда и затем появления в 2012 году самопровозглашенного «государства Хатумо» притязания соперничающих сторон на контроль над Солом и Санагом и частями Тогдера (часто именуемого Кайном) привели к возникновению частых, но малоинтенсивных вооруженных конфликтов между силами Пунтленда, Сомалиленда и Хатумо и были одной из причин, тормозящих развитие региона³⁵. Несмотря на вооруженные столкновения и политическое маневрирование — включая достижение в июне 2017 года соглашения между одной из группировок Хатумо и Сомалилендом, которое было отвергнуто старейшинами Хатумо, — открытого конфликта удалось избежать³⁶. Однако в середине августа 2017 года, в период когда в Сомалиленде велась подготовка к проведению выборов, Пунтленд ввел свои войска в область Сол, а ополченцы дулбаханте стали совершать нападения на объекты, связанные с проведением выборов³⁷. В то же время Группа контроля получала сообщения о том, что «Аш-Шабааб» расширяет свое присутствие в различных районах Сола — особенно в Лас-Аноде — и Санаге, и этот процесс еще больше усилился после нападения «Аш-Шабааб» на Афурур³⁸.

50. В округе Херале, область Галгадуд, в июле 2017 года были убиты по меньшей мере 27 человек и более 13 800 человек стали перемещенными лицами, когда группировка «Ахлу-Сунна валь-Джамаа» направила войска в город Херале перед запланированным визитом в этот район главы временной администрации Гальмудуга Ахмеда Дуале Гелле «Хаафа»³⁹. К концу августа кон-

³⁵ Эти районы населены в основном дулбаханте. См. также [S/2016/919](#), приложение 7.4, пункт 38.

³⁶ Заключенное в июне 2017 года соглашение стало причиной противостояния между ополченцами, поддерживающими сомалилендское соглашение, и теми, кто поддерживает соперничающий Фронт освобождения дулбаханте. См.: “The Guurti of Khatumo State of Somalia’s position on talks with Somaliland”, пресс-релиз, 17 June 2017. www.somalilandsun.com/images/PDF/THE_GUURTI_OF_KHATUMO_STATE_OF_SOMALIA_S_POSITION_ON_TALKS_WITH_SOMALILAND.pdf.

³⁷ 12 августа силы ополчения совершили нападение на избирательный участок в Халине, в результате которого были ранены три мирных жителя и был убит военнослужащий Сомалиленда, защищавший автоколонну, перевозившую избирательные бюллетени в Холхале. Сообщение, полученное по электронной почте 14 августа 2017 года от сотрудника Организации Объединенных Наций.

³⁸ Беседа членов Группы контроля по телефону с человеком, недавно посетившим Ласъанод, 30 июля 2017 года; ряд электронных сообщений от сотрудников Организации Объединенных Наций в период с января по август 2017 года.

³⁹ Сообщение, полученное Группой контроля по электронной почте 7 августа 2017 года от гуманитарного работника. За два дня до столкновений глава временной администрации Гальмудуга Ахмед Дуале Гелле «Хааф» встретился со старейшинами Херале в Абудваке и

фликта обострился — велись бои в окрестностях Дусамареба между группировкой «Ахлу-Сунна валь-Джамаа и силами временной администрации Гальмудуга; согласно поступавшим сведениям, ситуация усугублялась участием в этом конфликте элементов сектора 21 Сомалийской национальной армии и сил Национального управления разведки и безопасности, базирующихся в Ададо.

D. Система государственного финансового управления

Обзор событий, связанных с системой государственного финансового управления

51. В период действия нынешнего мандата был отмечен скромный прогресс в управлении государственными финансами на федеральном уровне⁴⁰.

52. 10 августа кабинетом министров федерального правительства был одобрен законопроект о системе государственного финансового управления, который на момент подготовки настоящего доклада ждал утверждения парламентом. 21 августа верхняя палата парламента приняла Национальный закон о средствах связи. Однако вышеупомянутые руководящие установки не выполняются либо выполняются неполностью или же в нынешней политической и экономической обстановке добиться их выполнения просто невозможно⁴¹.

53. Мандат Комитета по финансовому управлению — надзорного органа, впервые учрежденного в середине 2014 года с участием представителей различных международных учреждений, — был продлен федеральным правительством 15 июня 2017 года до июня 2018 года.

54. Сомалийская информационная система финансового управления, созданная в конце 2015 года в целях содействия автоматизации и интеграции процессов управления государственными финансами, используется для единого счета казначейства, но при этом по-прежнему не используется или же используется недостаточно большинством отдельных министерств, департаментов и ведомств и региональной администрацией Бенадира. Таким образом, в то время как информация об операциях на едином счете казначейства является относительно подробной, информация об операциях министерств, департаментов и ведомств и региональной администрации Бенадира — все еще осуществляемых в основном наличными — остается крайне ограниченной⁴².

пообещал посетить город для обсуждения вопросов, связанных с поддержкой развития и сотрудничества.

⁴⁰ 11 июля 2017 года Международный валютный фонд (МВФ) опубликовал пресс-релиз после завершения своего второго обзора в рамках программы мониторинга по Сомали, в котором приветствовал неизменную приверженность властей претворению в жизнь разработанной политики и осуществлению реформы ... [и] дальнейший прогресс в деле валютной реформы и осуществления планов по восстановлению финансового сектора.”International Monetary Fund, “IMF management completes the second review under the Staff-Monitored Program for Somalia and IMF Managing Director approves a New Staff-Monitored Program”, пресс-релиз, 11 июля 2017 года. www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2017/07/11/Somalia-Second-and-Final-Review-Under-the-Staff-Monitored-Program-and-Request-for-a-New-45065.

⁴¹ Ценность определенных мер также остается под вопросом. Ключевые элементы Национального закона о средствах связи, который с 2004 года был предметом переговоров и в конечном счете был выхолощен усилиями целого ряда парламентариев и представителей телекоммуникационного сектора, были исключены из законопроекта до его принятия. Законопроект о системе государственного финансового управления в его нынешнем виде позволяет федеральному правительству обращаться за международными займами в размере до 200 млн долл. США без одобрения парламента.

⁴² Согласно данным Сомалийской системы финансового управления по региональной

55. Сбор налогов остается одной из основных проблем, с которыми сталкивается федеральное правительство, которое по-прежнему зависит от скудных ресурсов, получаемых главным образом в Могадишо. Результаты деятельности частных компаний, которым было поручено собирать налоги от имени федерального правительства в 2016 году, были неоднозначными (см. обсуждение компании «Смарт дженерал сервисиз, лтд.» ниже), и в конце концов их контракты были аннулированы в письме, подписанном Министерством финансов 29 июля 2017 года.

Система валютного регулирования

56. Группа контроля в своем предыдущем докладе (см. [S/2016/919](#), приложение 4.1) сообщала о своей обеспокоенности относительно нерегулируемого печатания сомалийского шиллинга. В период действия своего нынешнего мандата Группа продолжала фиксировать нерегулируемое печатание банкнот номиналом 1000 сомалийских шиллингов государственным банком Пунтленда в Босасо, при участии властей Пунтленда. В период действия нынешнего мандата, наблюдалось более широкое распространение фальшивой валюты и соответствующее усиление инфляции и распространение вызванных этими явлениями гражданских беспорядков из Пунтленда в на территорию области Хиран и Сомалиленда. Местные власти в Пунтленде отрицали печатание валюты и возлагали ответственность за последствия на «Аш-Шабааб». Контрмеры, принимаемые местными властями, включают введение фиксированных валютных курсов и массовые задержания валютных брокеров.

57. См. дополнительную информацию о последствиях нерегулируемого печатания сомалийских денежных знаков в приложении 4.1.

Государственные контракты и концессии

58. В период действия мандата Группа контроля продолжала запрашивать информацию о различных государственных контрактах и концессиях. В ответ на письма с просьбой предоставить информацию по ряду предоставленных федеральным правительством контрактов и о принадлежности различных компаний федеральное правительство заявило 5 сентября 2017 года, что «вполне очевидно, что оно унаследовало контракты (от предыдущей администрации), которые характеризуются непрозрачностью с точки зрения того, как эти контракты были предоставлены, отсутствием данных о принадлежности компаний, а также другими особенностями, например отсутствием эффективности или отдачи от вложенных средств»⁴³.

59. На федеральном уровне Группа контроля довела до сведения федерального правительства свою особую озабоченность относительно контрактов и соглашений со следующими двумя компаниями:

«Бухари лоджистикс Ист Африка»

60. Согласно сообщениям, полученным Группой контроля, федеральное правительство Сомали заключило контракт с «Бухари лоджистикс Ист Африка» с

администрации Бенадира, расходы в 2016 году исчислялись суммой в 7 905 126,35 долл. США, с тем же описанием — *Khidmada Maamulka Gobalka Banaadir \$15%* — по всем операциям от 67 707,35 до 335 140,20 долл. США.

⁴³ Письмо федерального правительства в адрес Группы контроля от 5 сентября 2017 года. Однако очевидно также, что на середину августа Министерство финансов не было в курсе государственных контрактов, которые были ранее рассмотрены Комитетом по финансовому управлению, где роль председателя выполняет Министерство финансов.

целью обеспечения пайками своих пенитенциарных учреждений⁴⁴. Контракт был предоставлен без рассмотрения Комитетом по финансовому управлению или Временным национальным советом по закупкам. Согласно единому счету казначейства Центрального банка Сомали, в период с ноября 2016 года по январь 2017 года на принадлежащий компании «Бухари лоджистикс Ист Африка» счет в банке «Салам Сомали» было перечислено приблизительно 740 000 долл. США, что говорит о том, что общая сумма средств, перечисленных в течение года, составляет «примерно 3 млн долл. США»⁴⁵.

61. Группа контроля 31 июля 2017 года запросила у нынешнего федерального правительства информацию о компании «Бухари лоджистикс Ист Африка», в частности сведения о контракте и владельцах компании. В своем ответе от 18 августа федеральное правительство сообщило Группе, что Министерству финансов ничего не известно о каких-либо контрактах с «Бухари лоджистикс Ист Африка» и что оно было бы признательно за предоставление Группой дополнительной информации, что позволило бы министерству глубже изучить данный вопрос⁴⁶.

62. Группа контроля поделилась имеющейся информацией с федеральным правительством посредством переписки 23 августа. На момент подготовки настоящего доклада никакой дополнительной информации о владельцах этой компании или о контракте с федеральным правительством Группа не получила.

Компания «Смарт дженерал сервисиз, лтд.»

63. В сентябре 2015 года Министерство финансов заключило с компанией «Смарт дженерал сервисиз, лтд.» контракт на взимание дорожных сборов и сборов за регистрацию автотранспортных средств от имени федерального правительства. Несмотря на остающуюся в силе директиву правительства, согласно которой все государственные доходы должны направляться на единый счет казначейства в Центральном банке Сомали, собранные компанией «Смарт дженерал сервисиз» налоги и сборы депонировались на личный счет в банке «Салам Сомали» в Могадишо⁴⁷. Таким образом, «Смарт дженерал сервисиз» является примером параллельной системы сбора поступлений — с использованием частных банковских счетов или неофициальных счетов в Центральном банке Сомали — с целью избежать контроля со стороны Министерства финансов.

⁴⁴ Беседа с международным консультантом, работающим с федеральным правительством, 16 мая 2017 года.

⁴⁵ Хранящиеся в Секретариате выписки о состоянии единого счета казначейства в Центральном банке Сомали.

⁴⁶ Письмо федерального правительства в адрес Группы контроля от 18 августа 2017 года.

⁴⁷ Хранящиеся в Секретариате данные и выписки о состоянии единого счета казначейства в Центральном банке Сомали.

64. В соответствии с условиями первоначального соглашения между Министерством финансов и компанией «Смарт дженерал сервисиз» 60 процентов всех полученных компанией средств предназначаются федеральному правительству⁴⁸. Чистые поступления после того, как компания вычла свою 40-процентную долю, должны каждые 15 дней переводиться из банка «Салам Сомали» на единый счет казначейства⁴⁹. Однако полученные Группой контроля финансовые выписки со счета компании в банке «Салам Сомали» свидетельствуют о том, что лишь 62 648 долл. США (4,2 процентов) из 1 481 695 долл. США, собранных «Смарт дженерал сервисиз» в период с августа 2016 года по май 2017 года, были перечислены на единый счет казначейства. Кроме того, поступления переводились нерегулярно⁵⁰ и с нарушениями⁵¹.

65. Группа контроля отметила и другие несоответствия в отчетности, включая снятие суммы в размере 275 000 долл. США 19 октября 2016 года, которая была обозначена просто как “maal galin” («инвестиции»). Кроме того, более 40 процентов полученных «Смарт дженерал сервисиз» поступлений (600 187 долл. США) были выплачены непосредственно базирующейся в Могадишо строительной компании «Кулмийе дженерал сервисиз», управляемой Абдулкадиром Абукаром Омаром «Адани», сыном и деловым партнером бывшего подрядчика Всемирной продовольственной программы Абукара Омара «Адани», чья роль в дестабилизации Сомали была документально подтверждена в многочисленных докладах Группы⁵². Эти средства были перечислены якобы в качестве оплаты за дорожно-строительные работы, проведенные «Кулмийе дженерал сервисиз» в Могадишо во исполнение контракта с региональной администрацией Бенадира, который был предоставлен без соблюдения надлежащей правовой процедуры⁵³.

66. Группа контроля просила федеральное правительство дать разъяснения относительно владельцев как «Смарт дженерал сервисиз», так и «Кулмийе дженерал сервисиз», но информации, достаточной для определения подлинных владельцев той или иной компании, так и не получила. Группа контроля также просила представить подтверждение проведения дорожно-строительных работ компанией «Кулмийе дженерал сервисиз», но ответа на свою просьбу не получила.

⁴⁸ Краткая информация о соглашении с компанией «Смарт дженерал сервисиз, лтд.» приводится в приложении 4.3.а доклада Группы контроля за 2016 год ([S/2016/919](#)), в котором приведены копии первой и последней страниц контракта.

⁴⁹ Беседа с бывшим высокопоставленным должностным лицом Министерства финансов федерального правительства, 25 июля 2017 года.

⁵⁰ Например, все перечисления поступлений на единый счет казначейства приходятся на август — декабрь 2016 года; в 2017 году никакие средства не перечислялись.

⁵¹ Например, 8 декабря 2016 года выписка со счета в банке «Салам Сомали» свидетельствует о том, что на единый счет казначейства было перечислено 26 000 долл. США; в то же время данные по единому счету казначейства свидетельствуют о поступлении лишь 14 000 долл. США.

⁵² Ссылки относительно деятельности Абукара «Адани» см. в документе [S/2010/91](#), пункт 239 (нецелевое использование продовольственной помощи ВПП); [S/2006/913](#), пункты 12 и 143 (финансирование Союза исламских судов; создание учебных баз и поставки оружия); [S/2006/229](#), пункт 136 (борьба за порт Эль-Маан); [S/2005/625](#), пункт 18 и приложение I (вооруженная поддержка оппозиции и закупки оружия); [S/2005/153](#), пункт 29 (поставки оружия оппозиционным группировкам); [S/2004/604](#), пункты 76, 77 и 100 (финансирование вооруженных групп и способствование конфликту).

⁵³ Беседа с бывшим высокопоставленным должностным лицом Министерства финансов федерального правительства, 25 июля 2017 года.

67. 29 июля 2017 года Министерство финансов отменило контракт с компанией «Смарт дженерал сервисиз», издав постановление, запрещающее частным компаниям осуществлять сбор поступлений от имени федерального правительства.

Незаконное присвоение государственных земель в комплексе Могадишского аэропорта и вокруг него

68. Группа контроля продолжала расследовать распределение государственных земель в Могадишо с того момента, как она упомянула об этой проблеме в 2016 году (см. S/2016/919, пункты 79 и 80 и приложение 4.6). 31 июля 2017 года Группа контроля направила федеральному правительству официальное письмо с просьбой предоставить копии соглашений об аренде между правительством Сомали и 22 компаниями, действующими на территории комплекса Могадишского аэропорта и вокруг него. В ответном письме от 18 августа федеральное правительство сообщило, что в настоящее время только две из этих компаний, а именно “SKA International Group” и “RA International FZE”, оплачивают аренду Центральному банку Сомали. Федеральное правительство признало, что в настоящее время государственные земли передаются в аренду «локальным организациям» без соблюдения надлежащей процедуры, отметив далее, что такая практика «может представлять угрозу для мира, безопасности и стабильности»⁵⁴.

69. В период действия своего нынешнего мандата Группа контроля выявила два случая возможного ненадлежащего использования государственных земель Абдуллахи Мохамедом Норм, бывшим государственным министром финансов федерального правительства и нынешним членом парламента⁵⁵. В феврале 2013 года Нор заполучил 344 га расположенных на морском побережье государственных земель, прилегающих к комплексу аэропорта, для строительства частной гостиницы класса «люкс». В соответствии с просьбой премьер-министра от 10 августа 2017 года региональная администрация Бенадира попросила Нора прекратить строительство и представить документы, подтверждающие его право на участок⁵⁶. Федеральное правительство сообщило Группе, что Нор отказался выполнить эту просьбу⁵⁷. Согласно многочисленным должностным лицам федерального правительства, Нор мобилизовал элементы Сомалийской национальной армии, в частности ее старшего командира, который является его близким родственником, чтобы силой отстоять свои претензии на участок⁵⁸. Нор отрицал использование солдат Сомалийской национальной армии для отстаивания своих прав на землю и обвинил региональную администрацию Бенадира в попытке незаконно использовать сотрудников полиции и Национального управления разведки и безопасности для захвата этого участка⁵⁹.

⁵⁴ Письмо федерального правительства в адрес Группы контроля, 18 августа 2017 года.

⁵⁵ Нор в настоящее время выполняет функции секретаря парламентского комитета по вопросам бюджета, финансов, планирования, международного сотрудничества и осуществления финансового контроля за государственными учреждениями.

⁵⁶ Письмо федерального правительства в адрес Группы контроля от 18 августа 2017 года.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Беседы со старшим должностным лицом региональной администрации Бенадира 18 сентября 2017 года; с другим должностным лицом региональной администрации Бенадира 6 сентября 2017 года; и с бывшим членом кабинета министров в Найроби 25 июля 2017 года.

⁵⁹ Беседа с Абдуллахи Мохамедом Норм в Найроби 14 сентября 2017 года.

70. Кроме того, в 2016 году, компания Нора “East Africa Brothers Company” требовала от сингапурской компании “CADG Engineering Pte., Ltd.” платеж в размере по меньшей мере 250 000 долл. США за доступ к участку земли в пределах комплекса аэропорта. На момент составления настоящего доклада арендная плата за участок по-прежнему выплачивалась непосредственно Министерству транспорта и гражданской авиации федерального правительства, чтобы избежать контроля со стороны налоговых органов федерального правительства.

71. Эти два случая полностью описаны в приложении 4.2.

72. В своем письме от 18 августа федеральное правительство заявило, что Комиссия по государственной собственности, учрежденная бывшим премьер-министром Омаром Шармарке в июле 2016 года для сбора данных о незаконно присвоенных государственных землях, не созывалась с 2016 года и, кроме того, «была неэффективной». Однако федеральное правительство также подтвердило, что оно считает управление государственными землями «приоритетной задачей», и выразило готовность сотрудничать с Группой контроля и другими международными учреждениями, в том числе с Комитетом по финансовому управлению, чтобы выяснить статус земель на территории комплекса аэропорта⁶⁰.

Финансовая реформа сектора безопасности и продолжающееся незаконное присвоение средств

73. В период действия последних двух мандатов Группа контроля сообщала о своей обеспокоенности по поводу растраты средств в Сомалийской национальной армии (см. [S/2015/801](#), приложение 3.1 (строго конфиденциально) и [S/2016/919](#), приложение 2). В период действия нынешнего мандата возросло внимание международного сообщества к финансовой реформе в секторе безопасности, при конструктивном участии Всемирного банка, Министерства по вопросам международного развития Соединенного Королевства и норвежской компании «Абиринт», особенно в том, что касается фонда заработной платы Сомалийской национальной армии. Прогресс в этой области, однако, был ограниченным, и многие армейские чиновники продолжали препятствовать усилиям по осуществлению реформы⁶¹.

74. В течение шестимесячного периода с сентября 2016 года по март 2017 года с двух отдельных счетов Сомалийской национальной армии в Центральном банке Сомали было в общей сложности снято 14 249 591 долл. США. Группа контроля в официальной переписке 31 июля и затем 22 августа просила представить документы, подтверждающие использование этих средств, однако на момент подготовки настоящего доклада исчерпывающего ответа на свою просьбу так и не получила⁶².

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Беседы сотрудников Группы контроля с членами парламента и представителями международных учреждений в период с июня по август 2017 года.

⁶² Согласно внутренней документации Сомалийской национальной армии, армия управляет также другим частным счетом в банке «Салам Сомали», о котором Группе контроля ранее не было известно. Документация, хранящаяся в Секретариате.

75. В апреле 2017 года президент Фармаджо назначил генерала Мохамеда Хусейна Гарабея руководителем Службы материально-технического обеспечения вместо бригадного генерала Абдуллахи Моалима Нура⁶³. Согласно внутреннему отчету Сомалийской национальной армии от 11 мая 2017 года, составленному на основе выводов, сделанных недавно созданной армейской финансовой комиссией и изученных Группой контроля, Абдуллахи Моалим Нур и его заместитель полковник Мохамед Хусейн Нур были уличены в незаконном присвоении средств, выделенных на нужды армии⁶⁴. В отчете говорится, что нецелевое использование средств, выделенных на нужды армии — и, в частности, средств, выделяемых на пайки, — продолжалось в течение продолжительного времени.

76. Группа контроля по-прежнему испытывает озабоченность по поводу платежей, производимых частным компаниям за поставку пайков⁶⁵. В октябре 2016 года тендерные предложения относительно поставки пайков для Сомалийской национальной армии были рассмотрены оценочным комитетом, назначенным Министерством финансов и возглавляемым Мохамедом Хусейном Нуром в качестве председателя. Тендер выиграл предыдущий подрядчик, компания “Agetco General Trading and Clearance, Ltd.”, предложившая самую низкую цену. Участие Мухаммеда Хусейна Нура в этом процессе в качестве председателя тендерного комитета — ввиду его ранее документально подтвержденных связей с “Agetco General Trading and Clearance, Ltd.” и недавних выводов финансовой комиссии Сомалийской национальной армии — ставит под сомнение легитимность всего процесса⁶⁶.

77. В мае 2017 года Сомалийская национальная армия аннулировала контракт с “Agetco General Trading and Clearance” на поставку пайков Сомалийской национальной армии и предоставило этот контракт компании “Kasram Trading Company”, которая на одну треть принадлежит бывшему государственному министру финансов, а ныне члену парламента Абдуллахи Мохамеду Нору (см. выше, пункты 69–70). Тендерный процесс проводился с массой нарушений и с участием четырех компаний, три из которых частично принадлежали Нору⁶⁷. На момент подготовки настоящего доклада было неясно, приступила ли компания “Kasram Trading Company” к поставке пайков. Федеральное прави-

⁶³ Группа контроля сообщала о своей обеспокоенности относительно причастности Абдуллахи Моалима Нура и Мохамеда Хусейна Нура к присвоению средств в департаменте материально-технического обеспечения в докладе S/2016/919, приложения 2.2 и 2.4.

⁶⁴ В документах утверждается, что Абдуллахи Моалим Нур и Мохамед Хусейн Нур незаконно присвоили соответственно 32 574 долл. США и 4043 долл. США. На основании доказательств, собранных в период действия последних трех мандатов, Группа контроля считает, что эти суммы представляют собой лишь малую долю от общего объема средств, присвоенных этими лицами. Хотя в документе предлагалось в качестве наказания заключить Мухаммеда Хусейна Нура в военную тюрьму на срок в 10 дней и заставить его вернуть присвоенные средства, в случае Абдуллахи Моалима Нура предлагалось лишь возвращение присвоенных средств. Документация, хранящаяся в Секретариате.

⁶⁵ Группа контроля сообщала о своей обеспокоенности по поводу компании, с которой был заключен контракт на поставку пайков Сомалийской национальной армии, в докладе S/2015/801, приложение 3.1 (строго конфиденциально), и в докладе S/2016/919, приложение 2.4.

⁶⁶ Имеющиеся в Секретариате выписки с банковского счета “Agetco General Trading and Clearance” свидетельствуют о том, что Мохамед Хусейн Нур снимал со счета компании значительные суммы.

⁶⁷ Речь идет о компаниях “Kasram Trading Company”, “Sahal Enterprise, Ltd.”, “Fulcrum” и “Wadajir Company”. Нор является совладельцем компаний “Kasram Trading Company”, “Sahal Enterprise” и “Fulcrum”. Группе контроля еще предстоит определить принадлежность “Wadajir Company”.

тельство сообщило Группе контроля о том, что тендер был аннулирован и что вопрос был передан на рассмотрение Генеральному прокурору.

78. См. дополнительную информацию о “Kasram Trading Company” в приложении 4.2.

Е. Управление ресурсами

79. Группа контроля по-прежнему обеспокоена тем, что продолжающиеся споры между федеральным правительством, субъектами федерации и временными администрациями, включая отсутствие согласия относительно основных аспектов управления ресурсами, таких как разграничение властных полномочий и совместное использование ресурсов, продолжают создавать угрозу для мира и безопасности в Сомали.

Порты

80. Порты уже давно являются основным источником государственных доходов в Сомали. Министр портов и морского транспорта Марьян Авейс заявила, что все морские порты являются государственными активами, принадлежащими Федеративной Республике Сомали, и что все касающиеся портов концессионные соглашения «подлежат рассмотрению, одобрению и утверждению Министерством портов и морского транспорта в контексте властных полномочий федерального правительства»⁶⁸. В тех случаях, когда региональные правительства, без предварительных консультаций с федеральным правительством, заключают соглашения с иностранными партнерами относительно совместной деятельности по развитию портов и управлению ими, их действия свидетельствуют о коллидирующем толковании властных полномочий.

81. 9 августа 2016 года нижняя палата парламента Сомалиленда одобрила предоставление компании “Dubai Ports World FZE” (DP World) на 30 лет концессии на развитие порта Бербера и управление им; и 12 февраля 2017 года обе палаты парламента Сомалиленда одобрили также строительство Объединенными Арабскими Эмиратами военной базы в Бербере. В дополнение к последствиям для эмбарго на поставки оружия (см. ниже) эти два голосования вызвали обеспокоенность по поводу коррупции и возможного хищения государственных финансовых ресурсов (см. приложение 5.1).

82. Группа контроля по-прежнему обеспокоена тем, что споры между федеральным правительством и регионами относительно контроля над портами и связанными с ними поступлениями может еще больше подорвать стабильность в Сомали⁶⁹.

⁶⁸ Сообщение, полученное по электронной почте 7 августа 2017 года от министра портов и морского транспорта Марьяны Авейс.

⁶⁹ 27 июля 2017 года парламент Пунтленда одобрил предоставление компании “P&O Ports” на 30 лет концессии на управление портом Босасо и на его развитие. 8 июня 2017 года глава временной администрации Юго-Запада Шариф Хасан Шейх Аден также объявил о новом проекте с участием компании из Объединенных Арабских Эмиратов “First Hectares Capital”, компании “Frontier Services Group, Ltd.” из Гонконга, Китай, и местной компании “South West Somalia Services Company”, предусматривающем, в частности, строительство зоны свободной торговли и морского порта в Барауэ.

Природные ресурсы

83. Как и управление портами, управление природными ресурсами, можно, по крайней мере частично, понять в контексте незавершенного процесс формирования федеративного государства в Сомали. Разногласия между федеральным правительством и региональными органами власти — особенно относительно того, кто имеет полномочия санкционировать коммерческую деятельность и определять, каким образом должны распределяться доходы от природных ресурсов, — по-прежнему являются обычным делом в рыболовном и нефтегазовом секторах. Потенциальные последствия неэффективного управления природными ресурсами весьма значительны, включая незаконное присвоение государственных ресурсов, торможение политического и экономического развития и вооруженные конфликты.

Рыболовство

84. Слабое управление рыболовной отраслью и широкое распространение незаконного, несообщаемого и нерегулируемого рыбного промысла по-прежнему создают угрозу миру и безопасности в Сомали. На макроуровне слабое управление и повсеместный незаконный, несообщаемый и нерегулируемый рыбный промысел приводят к значительной утрате государственных доходов, которые можно было бы в противном случае получить за счет лицензионных сборов и налогов. Имеются первые признаки того, что может существовать финансовая связь между незаконным, несообщаемым и нерегулируемым рыбным промыслом и пиратскими сетевыми структурами в Пунтленде⁷⁰. Кроме того, слабое управление рыболовной отраслью, а также отсутствие достаточного институционального потенциала, способного более эффективно обеспечивать безопасность на море — включая мониторинг где-то более 200 иранских и йеменских рыболовных судов «дау», действующих у берегов Пунтленда, — повышают вероятность использования рыболовных судов «дау» в незаконных целях, в том числе с целью незаконного оборота стрелкового оружия⁷¹.

85. Слабое управление включает непоследовательное осуществление соглашений и непоследовательное обеспечение соблюдения законов. В конце февраля 2017 года Пунтленд предоставил семи тайландским траулерам, плавающим под флагом Джибути, лицензии на промысел у берегов Пунтленда в течение трех месяцев, получив в виде лицензионного сбора сумму в 700 000 долл. США⁷². Это является нарушением сомалийского Закона о рыбном промысле (2014 год), предусматривающего создание «охранной зоны» для «прибрежных рыбаков» в пределах 24 морских миль от побережья и запрещающего траловый промысел в водах Федеративной Республики Сомали⁷³. По данным наблюдения, проводимого Продовольственной и сельскохозяйственной организацией Объединенных Наций (ФАО), траулеры также не соблюдали согласованную с Пунтлендом исключительную зону в пределах шести морских миль от береговой линии, в которой лов рыбы запрещен⁷⁴. В письме Министерству рыбного

⁷⁰ Беседа с экспертом по вопросам рыболовства одного из агентств по вопросам развития, Найроби, 14 июля 2017 года.

⁷¹ Оценка количества иранских и йеменских рыболовных судов «дау», действующих у берегов Пунтленда по состоянию на декабрь 2016 года, представленная экспертом по вопросам рыбного промысла одного из учреждений Организации Объединенных Наций, 17 июля 2017 года.

⁷² Встреча представителей Группы контроля с властями Пунтленда, Гароуэ, 7 июня 2017 года.

⁷³ Федеративная Республика Сомали, Сомалийский закон о рыбном промысле, № 23, от 30 ноября 1985 года, статьи 3(с) и 33 (1).

⁷⁴ Данные картирования ФАО, предоставленные в распоряжение Группы контроля, 6 марта 2017 года.

хозяйства Пунтленда от 9 марта Министерство рыбного хозяйства и морских ресурсов федерального правительства высказало возражения по поводу выдачи лицензий и ведения тралового промысла (см. приложение 5.2). 4 мая в письме в адрес Департамента рыболовства Таиланда Министерство рыбного хозяйства и морских ресурсов просило Таиланд отказать моторному судну “Chotchainavee 35” в заходе в порт для выгрузки улова, так как оно занималось незаконным, несообщаемым и нерегулируемым ловом рыбы в сомалийских водах (там же). По неизвестным Группе контроля причинам во втором письме, направленном Таиланду вскоре после первого, Министерство рыбного хозяйства и морских ресурсов отказалось от своей просьбы.

86. В то же время в период с 5 по 7 мая 2017 года Комиссия по индоокеанскому тунцу— межправительственная организация, учрежденная под эгидой ФАО в целях регулирования тунцовых и тунцеподобных видов рыбы в Индийском океане и прилегающих морях, — организовала в Виктории переговоры между представителями федерального правительства и пяти региональных администраций по вопросу лицензирования лова тунца в пределах исключительной экономической зоны (ИЭЗ) Сомали. 7 мая, как представляется, договоренность была достигнута — представители пяти региональных администраций подписали временное соглашение о выдаче лицензий на лов тунцовых и тунцеподобных видов рыбы в исключительной экономической зоне Сомали. Однако представители федерального правительства — заместитель министра рыбного хозяйства и заместитель министра финансов — это соглашение не подписали (там же). Это, по всей видимости, стало неожиданностью для сторон, подписавших соглашение, а также для наблюдателей от международного сообщества, так как основные спорные вопросы, обсуждавшиеся в ходе переговоров, были решены в пользу федерального правительства — например, вопрос о сдаче лицензионных поступлений в Центральный банк Сомали — или отложены — например, вопрос о формуле распределения доходов, получаемых от выдачи лицензий на лов тунца. Тот факт, что федеральное правительство не подписало это соглашение, представляет собой утраченную возможность получения дохода при регулировании лова тунца в пределах 50–200 морских миль от береговой линии страны.

Добывающие отрасли

87. Группа контроля по-прежнему обеспокоена тем, что слабое управление в добывающих отраслях по-прежнему создает угрозу миру и безопасности, особенно в контексте продолжающегося вооруженного конфликта, существенной коррупции и отсутствия надлежащей нормативно-правовой базы и достаточного институционального потенциала. Пограничные районы концессий, где имеет место частичное совпадение концессий, например между Пунтлендом и Сомалилендом, создают угрозу стабильности (см. [S/2014/726](#), приложение 6.7). В условиях отсутствия большей степени финансовой транспарентности и финансовой подотчетности добывающие отрасли также могут усугублять проблему растраты государственных ресурсов (см. приложение 5.4).

88. Группа контроля продолжает отслеживать нормативно-правовую базу и институциональный потенциал страны в том, что касается добывающих отраслей, особенно нефтегазового сектора (см. приложение 5.3). В числе позитивных событий следует назвать разработку типового соглашения о разделе продукции при содействии Африканского фонда правовой поддержки при Африканском банке развития и пересмотр типового соглашения о разделе продукции Министерством нефти и минеральных ресурсов с включением в него рекомендаций комитета по финансовому управлению; и пересмотр при содействии двух консультантов Всемирного банка Закона о нефтяной промышленности

(2008 год) и затем его представление на рассмотрение парламента в 2017 году в качестве нового закона. Однако, несмотря на согласование в 2016 году на двусторонней основе временного соглашения о распределении нефти с двумя временными администрациями, прогресс в достижении общего соглашения о совместном использовании ресурсов между федеральным правительством и региональными органами власти был весьма незначительным⁷⁵. Кроме того, центральный реестр нефтяных концессий, который Министерство нефти и минеральных ресурсов обещало составить, остается неполным, и на момент подготовки настоящего доклада было неясно, будут ли рекомендации Комитета по финансовому управлению, касающиеся управления доходами от природных ресурсов, включены в законопроект о государственном финансовом управлении⁷⁶. Наконец, технический потенциал министерства, судя по всему, не улучшился, несмотря на то, что при прежнем министре были определены значительные кадровые потребности, а полноценно функционирующие Сомалийское нефтяное управление и Сомалийская национальная нефтяная компания еще не созданы, хотя это и предусмотрено Законом о нефтяной промышленности (2008 год).

89. В то же время, хотя никаких новых подтвержденных нефтяных сделок при нынешнем правительстве еще не было, имеющиеся данные свидетельствуют о том, что федеральное правительство придает приоритетное значение возобновлению переговоров с компаниями. Годовой план работы Министерства нефти и минеральных ресурсов на 2017 год предусматривает выделение 377 000 долл. США на проведение для инвесторов презентаций по углеводородным проектам, организацию тендеров и предоставление контрактов на основе данных сейсмической разведки шельфового месторождения нефти, собранных компанией «Spectrum ASA» (см. S/2016/919, пункт 85 и приложение 5.1); и 300 000 долл. США на проведение переговоров с компаниями «Роял датч шелл ПЛК», «Экссон мобил», «Сома ойл энд гэс» и «Петро квест (Либерти)» и еще 100 000 долл. США на «проведение церемоний по случаю предоставления контрактов»⁷⁷. В письме в адрес Группы контроля от 18 августа 2017 года Министерство нефти и минеральных ресурсов подтвердило свое намерение провести прямые переговоры с компаниями «Роял датч шелл ПЛК», «Экссон мобил», «Сома ойл энд гэс» и «Петро квест (Либерти)», а также планы по объявлению в 2018 году торгов по некоторым расположенным на шельфе блокам. Группа по-прежнему обеспокоена тем, что федеральное правительство не располагает нормативно-правовой базой и институциональным потенциалом для обеспечения эффективного регулирования добывающей промышленности и уменьшения опасности возникновения конфликта.

Ф. Возобновление пиратства

90. 13 марта 2017 года принадлежащий Объединенным Арабским Эмиратам танкер-бункеровщик «Арис 13», следовавший из Джибути в Могадишо был захвачен пиратами между архипелагом Сокотра и материковой частью Сомали,

⁷⁵ Были заключены двусторонние соглашения с временной администрацией Гальмудуга и временной администрацией Юго-Запада.

⁷⁶ Эти рекомендации касаются принципов управления поступлениями от эксплуатации природных ресурсов, включая такие вопросы, как средства счета, на которых должны храниться полученные средства, и как они должны расходоваться и сберегаться. См. Financial Governance Committee, «FGC advisory note: strengthening the draft Public Financial Management Bill», May 2017.

⁷⁷ Министерство нефти и минеральных ресурсов, «Годовой план работы Министерства нефти и минеральных ресурсов на 2017 год».

что стало первым захватом международного торгового судна у берегов Сомали с 2012 года. После перестрелки 16 марта между пиратами и морской полицией Пунтленда были проведены переговоры между пиратами, местными старейшинами и властями Пунтленда, в результате которых танкер был освобожден.

91. 1 апреля плавающее индийским флагом индийское судно типа «дау» «Аль Каусар», следовавшее из Дубая в Кисмайо, было захвачено между Сокотрой и материком⁷⁸. Десять индийских членов экипажа, находившихся на борту судна «Аль Каусар», были взяты в заложники и впоследствии вызволены сомалийскими силами безопасности 12 апреля. 3 апреля пакистанское грузовое судно «Салама 1» было захвачено у побережья центральной части Сомали, а неустановленное число членов экипажа были взяты в заложники.

92. 8 апреля пираты захватили плавающее под флагом Тувалу ливанское грузовое судно “OS 35”. Судно было спасено международными военно-морскими силами из Китая и Индии на следующий день. В ходе спасательной операции китайские силы взяли в плен трех пиратов, в том числе лидера пиратов Абди-карима Салаха Мохамеда, известного также как Ау Комбе. Мохамед, базирующийся в прибрежном городе Алула, был также главарем пиратской банды, захватившей судно «Арис 13». Китайские военно-морские силы впоследствии передали Мохамеда властям Пунтленда, и в настоящее время он содержится в центральной тюрьме Босасо.

Сеть Абди-карима Салаха Мохамеда, известного также как Ау Комбе, и захват судна «Арис 13»

93. Главарь пиратов Абди-карим Салах Мохамед, известный также Ау Комбе, и два ранее неизвестных сообщника, Мохамуд Махад Юсуф и Садам Абдуллахи Мохамед Юсуф, были захвачены китайскими военно-морскими силами в ходе спасения грузового судна “OS 35” 9 апреля 2017 года и переданы властям Пунтленда. Мохамед также возглавлял группу пиратов, которая захватила танкер-бункеровщик «Арис 13» 13 марта⁷⁹. Обе пиратские банды действовали из окрестностей города Алула, расположенного на северо-восточной оконечности Пунтленда; после освобождения силами Пунтленда Кандалы от ИГИЛ в декабре 2016 года район Алулы стал естественным центром для деятельности пиратов, так как Алула является единственным крупным населенным пунктом, расположенным между Кандалой и Баргалом, в обоих из которых расквартированы войска Пунтленда⁸⁰.

94. Помимо «Ау Комбе» и двух его сообщников, записи телефонных звонков со спутникового телефона с борта «Арис 13» свидетельствуют о сеансах связи с двумя базирующимися в Пунтленде мобильными телефонами после захвата судна 13 марта; Группа контроля считает, что эти телефоны принадлежат членам сети «Ау Комбе».

⁷⁸ На встрече с главным управлением судоходства в Мумбаи, Индия, 2 мая 2017 года, власти подтвердили, что «Аль Каусар» — это то самое плавающее под индийским флагом судно, которое ранее было обозначено Группой контроля как нарушающее запрет на экспорт древесного угля из Сомали (см. S/2016/919, приложение 9.5).

⁷⁹ Во время беседы с представителями Группы контроля 7 июня 2017 года в центральной тюрьме Босасо Мохамед отрицал причастность к захвату «Арис 13». Однако источник Группы в Босасо сообщил, что Мохамед признал, что был главарем группы пиратов, захватившей указанное судно, а его причастность к захвату подтверждается имеющимися у Группы данными о его местонахождении, полученными с помощью сотового телефона.

⁸⁰ После потери естественных портов в Кандале (Хурига) в связи с ее возвращением под контроль сил Пунтленда район Алулы, судя по всему, стал также центром контрабанды оружия в Пунтленде (см. приложение 2.1).

95. В строго конфиденциальном приложении 6.1 приводится дополнительная информация о захвате «Арис 13» и анализ причастности пиратской сети «Ау Комбе» к захвату.

Г. Нарушения, связанные с выборами

96. Группа контроля получала многочисленные сообщения о противозаконных действиях на протяжении всего избирательного процесса, начиная с процесса отбора кандидатов в члены парламента и вплоть до президентских выборов в феврале 2017 года⁸¹.

97. Избирательный процесс продемонстрировал сохраняющееся стремление элиты захватить или сохранить контроль над государственными ресурсами в Сомали в ущерб миру и безопасности. Доклад, подготовленный Миссией экспертов Европейского союза по проведению выборов, охарактеризовал переходный период как «политическое взаимодействие под руководством [Национального руководящего форума]»⁸², который разрабатывал этот процесс, назначил специальные органы для его осуществления, не предоставил им никаких инструментов для обеспечения соблюдения согласованных норм и затем отменял их решения»⁸³.

Процесс парламентских выборов

98. Группа контроля документально зафиксировала многочисленные случаи попыток манипулировать итогами парламентских выборов, включая⁸⁴:

- a) «курирование» региональных избирательных процессов созданными в штатах группами по проведению не прямых выборов;
- b) мошенническое изменение списков выборщиков;
- c) подкуп старейшин кланов и членов коллегий выборщиков;
- d) угрозы и применение насилия по отношению к кандидатам, старейшинам кланов, а также членам коллегий выборщиков.

99. Независимый механизм урегулирования споров, связанных с выборами, созданный в конце сентября 2016 года в результате давления со стороны международного сообщества, получил 98 официальных жалоб. В предназначенном для внутреннего пользования докладе Механизма, составленном 21 ноября, кратко описаны 39 конкретных случаев⁸⁵. Впоследствии 14 декабря он аннулировал результаты по 11 местам. Однако 27 декабря Национальный руководящий форум отменил постановление Механизма и распорядился провести повторные выборы только в пяти из этих случаев, при этом всем пяти отстранен-

⁸¹ Группа контроля сообщала о своей обеспокоенности относительно избирательной системы в приложении 3.2 к документу S/2016/919.

⁸² В Национальный руководящий форум входили президент, премьер-министр, заместитель премьер-министра и спикер парламента федерального правительства и главы региональных администраций Джуббаленда, Юго-Запада, Гальмудуга и Пунтленда. Недавно избранный глава администрации Хиршабелле вошел в состав Форума в октябре 2016 года.

⁸³ European Union, “Somalia 2016-2017 limited election process: EU election expert mission—final report”, 16 February 2017. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eu_eem_somalia_final_report.pdf. В этом докладе содержится всесторонняя информация о недостатках избирательного процесса и рекомендациях.

⁸⁴ Краткая информация об этих попытках изложена в ежемесячном докладе Группы контроля Комитету за январь 2017 года.

⁸⁵ Предназначенный для внутреннего пользования доклад Независимого механизма урегулирования споров, связанных с выборами, хранится в архиве Секретариата.

ным кандидатам было разрешено участвовать в повторных выборах, которые они в итоге выиграли второй раз.

Президентские выборы

100. Группа контроля получала из многочисленных независимых источников сообщения об обмене крупными суммами денег между некоторыми кандидатами на пост президента и членами парламента в период, непосредственно предшествующий президентским выборам 8 февраля 2017 года.

101. Несколько кандидатов в президенты, включая тогдашних президента и премьер-министра, как утверждают, предлагали различным членам парламента до 50 000 долл. США за голосование в их пользу⁸⁶.

102. Некоторые государства-члены также активно пытались повлиять на результаты президентских выборов. Из них Объединенные Арабские Эмираты действовали наиболее открыто, часто вызывая руководителей региональных администраций для участия в совещаниях, на которых им вручали денежные средства для того, чтобы они убеждали своих региональных парламентариев голосовать за предпочтительного для этой страны кандидата⁸⁷.

III. Оружейное эмбарго

A. Незаконные поставки оружия в Сомали

Сети, занимающиеся контрабандой оружия в Пунтленде

103. Регион Пунтленд по-прежнему является главным перевалочным пунктом, через который осуществляются незаконные поставки оружия в Сомали. В течение срока действия последних двух мандатов Группа контроля выявила два канала контрабандного провоза оружия в Пунтленд: доставка более крупных партий оружия из прибрежной зоны Макран Исламской Республики Иран, осуществляемая с использованием океанских каботажных судов среднего размера «дау»; и более частая доставка небольших партий оружия из Йемена на небольших плоскодонных лодках, способных совершать один рейс в течение одного дня⁸⁸.

⁸⁶ Беседы представителей Группы контроля с представителями дипломатического корпуса и международных организаций, нынешними и бывшими должностными лицами федерального правительства и кандидатами в президенты в Могадишо и Найроби в период с декабря 2016 года по апрель 2017 года.

⁸⁷ Там же. Объединенные Арабские Эмираты, как утверждают, поддерживали, по крайней мере до более поздних этапов выборного состязания, бывшего премьер-министра, баллотировавшегося на пост президента.

⁸⁸ В период с сентября 2015 года по март 2016 года четыре океанских каботажных судна «дау», доставлявшие оружие в Сомали из прибрежной зоны Макран Исламской Республики Иран, были перехвачены международными военно-морскими силами. Доставка небольших партий оружия из Йемена была зафиксирована в многочисленных докладах, в том числе докладах Группы контроля, включая доклад, содержащийся в документе [S/2014/726](#), приложение 6.6.

104. Несмотря на то, что Группа контроля получила доказательства поставки оружия, которая осуществлялась по маршруту вдоль побережья Пунтленда из Кандалы в Алулу (одна поставка в месяц), из-за отсутствия доступа и условий в области безопасности Группа не смогла подтвердить многие из этих случаев. В то же время Группе контроля удалось собрать доказательства трех поставок оружия в Пунтленд — одной из Исламской Республики Иран и двух из Йемена, в том числе поставки партии оружия, предназначенного для региона Пунтленда Бари.

Закупки оружия группировкой «Фатх аль-Хаир» и Исламским государством Ирака и Леванта

105. 30 апреля 2017 года портовая полиция Пунтленда обнаружила партию оружия, включавшую 16 пистолетов и 2030 патронов калибра 7,62x25 мм, на борту зарегистрированного в Сомали «дау», принадлежащего группировке «Фатх аль-Хаир», которое пришвартовалось в Босасо. 28 апреля на пути из Мукаллы, Йемен, в Босасо судно, принадлежащее группировке «Фатх-аль-Хаир», было перехвачено кораблем ВМС Соединенных Штатов «Хью Сити» и досмотрено в ходе обычной проверки с заходом на борт судна, но никакой контрабанды обнаружено не было⁸⁹.

106. В ходе проведенного Группой контроля последующего расследования этого инцидента было установлено, что сеть контрабандистов, доставившая партию пистолетов группировке «Фатх аль-Хаир», впоследствии доставила партию более тяжелого стрелкового оружия на северо-восточное побережье Пунтленда, предназначенного для ячейки ИГИЛ в северо-восточной части Пунтленда. Поставка ИГИЛ партии оружия, а также пистолетов осуществлялась из Шабвы в Йемене двумя базирующимися в Йемене торговцами оружия и базирующимися в Пунтленде контрабандистами, которые известны Группе контроля: Махадом Иссе Аденом, также известным как «Лабобалл», Абди Мохамедом Омаром, также известным как «Дхофайе», и Буруджом Мохамедом Али Фарахом.

107. Тематическое исследование, касающееся группировки «Фатх аль-Хаир», приводится в полном объеме в приложении 7.1.

Партнерство «Дхофайе»-«Лабобалл»-«Бурудж Фарах»

108. Группа контроля подтвердила также доставку второй партии стрелкового оружия, импортированного из Йемена триадой «Дхофайе», «Лабобалл» и «Бурудж Фарах», которая прибыла 9 мая 2017 года в Мареро, пункт незаконного провоза людей через границу, расположенный приблизительно в 15 км к востоку от Босасо⁹⁰. Финансовые документы, полученные Группой контроля, свидетельствуют о том, что «Дхофайе» перевел торговцам оружием в Йемене почти 260 000 долл. США в период с октября 2016 года по июль 2017 года, что наводит на мысль о том, что партнерство «Дхофайе», «Лабобалл» и «Бурудж Фарах» по всей вероятности занималось организацией незаконных поставок оружия в период действия мандата, помимо двух поставок оружия, документально подтвержденных Группой.

⁸⁹ Подробная информация, касающаяся досмотра судов, была представлена Группе контроля Объединенными военно-морскими силами 29 августа 2017 года.

⁹⁰ Информация, представленная бывшим сотрудником разведки Пунтленда и подтвержденная результатами анализа данных сети мобильной телефонной связи.

109. 22 сентября 2017 года Группа контроля получила информацию от Военно-морских сил Африканского союза в Сомали, согласно которой два одномачтовых плоскодонных судна, перевозившие оружие из Йемена в Сомали, были замечены морским патрульным самолетом. Эта информация была впоследствии предоставлена морской полицией Пунтленда, которая утром 22 сентября 2017 года вблизи Босасо перехватила это судно и изъяла находившуюся на борту партию оружия. Полицейские силы установили личность лиц, находившихся на борту судна, «Дхофайе» и Бурудж Фатах, но заявили, что им удалось избежать задержания силами Пунтленда⁹¹. Захват этой партии оружия стал первым случаем координации в режиме реального времени действий Пунтленда и военно-морских сил по перехвату партии оружия.

110. На момент подготовки настоящего доклада Группа контроля устанавливала контакты с властями Пунтленда для организации проверки изъятых партий оружия; предварительные фотографии захваченного оружия и плоскодонного судна содержатся в приложении 7.1.1.

Поставка оружия в Алулу на каботажных судах «дау» из Исламской Республики Иран

111. Поскольку силы Пунтленда в декабре 2016 года вновь отбили у ячейки ИГИЛ город Кандаля, канал контрабанды оружия, как представляется, сместился на восток — из Кандаля в район прибрежных городов Алула и Хабо, расположенных на северо-восточной оконечности Пунтленда.

112. 8–9 марта 2017 года три каботажных судна «дау», по всей вероятности, совершавшие рейсы из Исламской Республики Иран, доставили партию оружия в район Алула при содействии гражданина Сомали Мохамеда Абди Мусе. Группа контроля ранее назвала Мусе членом сети «Кандаля-Хафун», занимающейся контрабандой оружия (см. S/2016/919, приложение 8.10). Впоследствии Группа получила фотографии груза на пляже вблизи Алулы, который по-прежнему находился в упаковке, но не смогла установить его содержимое.

113. Роль Мохамеда Абди Мусе, выступавшего посредником при заключении сделки на поставку оружия, была подтверждена данными сети мобильной телефонной связи, которые свидетельствуют о том, что Мусе в период 3–9 марта 16 раз звонил по номерам трех спутниковых телефонов. В 2015 году Мусе использовал средства спутниковой связи, принадлежащие контрабандистам оружия на борту зарегистрированного в Иране каботажного судна «дау» «Насир», которое было перехвачено австралийским военным кораблем «Мельбурн» 24 сентября 2015 года во время перевозки груза, состоящего в основном из 75 противотанковых ракет. Каботажное судно «Насир» совершало рейс из Чабахара, Исламская Республика Иран, и, как сообщил экипаж, пунктом его назначения был город Хурдийо, Пунтленд⁹².

114. См. приложение 7.1 с указанием телефонных звонков, сделанных Мохамедом Абди Мусе в марте 2017 года.

⁹¹ Беседа со старшим должностным лицом морских полицейских сил Пунтленда, состоявшаяся 23 сентября 2017 года.

⁹² Конфиденциальный доклад Объединенных военно-морских сил.

Обновленная информация о захвате партии оружия французским фрегатом «Ла Прованс» в марте 2016 года

115. Группа контроля получила дополнительную информацию о партии оружия, захваченного 20 марта 2016 года французским фрегатом «Прованс», которая находилась на борту каботажного судна «дау», следующего в Пунтленд (см. [S/2016/919](#), приложение 8.4). После поездки во Францию в марте 2017 года, которая включала инспекцию захваченного оружия, Группа контроля установила, что 2000 автоматических карабинов, захваченных в ходе операции, имеют характеристики, сходные с характеристиками автоматических карабинов KLS-7.62 иранского производства, и что 64 изъятые снайперские винтовки имеют характеристики, сходные с характеристиками снайперских винтовок СВД иранского производства⁹³.

116. В ходе поездки членов Группы контроля в Исламскую Республику Иран, состоявшейся 18–21 сентября, иранские власти решительно отвергли какую-либо причастность Ирана к поставке оружия в Сомали и указали на то, что некоторые субъекты ссылались на поставки оружия Исламской Республике Иран.

117. Группа контроля также получила подтверждение от одного государства-члена, что оптические прицелы, обнаруженные в ходе этой же операции по захвату оружия, ранее были экспортированы одной иранской компанией при условии, что они не будут использоваться в военных целях и не будут продаваться или передаваться третьим сторонам для использования в военных целях. Иранские власти заверили Группу, что они проведут расследование в отношении данной компании.

118. Полный анализ оружия, захваченного фрегатом «Прованс», содержится в приложении 7.2.

Пистолеты «Экол» для стрельбы холостыми патронами

119. 23 января 2017 года Временная администрация Джуббы и контингенты Миссии Африканского союза в Сомали (АМИСОМ) обнаружили контейнер, в котором хранились приблизительно 25 000 пистолетов «Экол» для стрельбы холостыми патронами и который находился на борту судна «С Джи Африкан», пришвартованного к причалу в порту Кисмайо. Согласно сопроводительной документации, этот контейнер планировалось выгрузить в Массаве, Эритрея, в декабре 2015 года.

120. При поддержке Временной администрации Джуббы Группа контроля проинспектировала образцы оружия в порту 14 февраля 2017 года. На тот момент Временная администрация Джуббы сообщила о своем намерении уничтожить эти пистолеты в Кисмайо; вместе с тем в официальном письме, направленном Временной администрации Джуббы 17 августа 2017 год, содержалась просьба разъяснить судьбу конфискованных пистолетов, но ответа на это письмо получено не было. Ввиду того, что эти пистолеты легко переделать в пистолеты для стрельбы боевыми патронами, по мнению Группы контроля этот груз представляет собой материальные средства, подпадающие под действие оружейного эмбарго, введенного в отношении Сомали.

121. Полный отчет об изъятых пистолетах «Экол» содержится в пунктах 14–17 доклада по Эритрее и приложении 1 доклада Группы контроля по Сомали и Эритрее.

⁹³ Аналогичные выводы были сделаны группой экспертов по Йемену. См. заключительный доклад Группы экспертов по Йемену ([S/2017/81](#), таблица 3).

В. Выполнение федеральным правительством Сомали взятых обязательств в рамках частичной отмены оружейного эмбарго

122. В 2013 году Совет разрешил федеральному правительству Сомали импортировать неограниченное количество оружия и боеприпасов, определенного калибра и типа, а также другую военную технику⁹⁴. После частичной отмены оружейного эмбарго федеральное правительство Сомали обязано заблаговременно информировать Комитет обо всех видах поддержки, оказанной его силам безопасности, а также консультировать по вопросам, касающимся доставки и распределения всех видов оружия и боеприпасов; представлять раз в шесть месяцев Совету доклады о структуре и составе своих сил; и разработать эффективные процедуры управления запасами оружия и боеприпасов.

Уведомления⁹⁵

123. Комитет получил семь предварительных уведомлений о поставках военных материальных средств федеральному правительству Сомали в период действия мандата: шесть уведомлений были направлены федеральному правительству Сомали⁹⁶. Группа контроля подтвердила прибытие четырех из этих партий оружия, боеприпасов и других военных материальных средств, предназначенных для сил безопасности федерального правительства Сомали, в период действия мандата. Из них лишь одна партия оружия была поставлена в полном соответствии с требованиями, касающимися предварительного уведомления о поставке и уведомления после поставки. Комитет не был заблаговременно уведомлен о поставке в двух случаях. Комитет был информирован об этих поставках только после их осуществления и после соответствующих запросов Группы контроля. Хотя Комитет был заблаговременно уведомлен федеральным правительством Сомали о поставках и получил уведомление после доставки партии оружия, в представленной информации выявлены расхождения.

124. Выполнению федеральным правительством Сомали обязательства направлять уведомление после поставки мешает неэффективный обмен информацией, в том числе между государствами-членами и федеральным правительством Сомали, а также внутри государственных структур.

125. В августе 2017 года Группа контроля получила информацию о том, что большая партия военной техники прибыла в Вилла-Байдабо из Китайской Народной Республики, в отношении которой Комитет не получил предварительного уведомления. Группа контроля взаимодействовала с федеральным правительством Сомали, и в результате такого взаимодействия 21 августа федеральное правительство Сомали направило Комитету письмо, содержащее просьбу подтвердить поставки военного имущества без представления подробной информации о типах и количестве поставленной военной техники⁹⁷.

⁹⁴ См. резолюцию [2093 \(2013\)](#) Совета Безопасности, пункты 33–39.

⁹⁵ См. резолюцию [2142 \(2013\)](#) Совета Безопасности, пункты 3–7. Обзор требований в отношении уведомлений в связи с поддержкой сил безопасности федерального правительства Сомали, см. уведомление № 2 об оказании помощи, Комитет Совета Безопасности, учрежденный резолюциями 751 (1992) и [1907 \(2009\)](#), краткая информация об ограничениях, введенных в отношении Сомали и Эритреи в соответствии с оружейным эмбарго, включая изъятия из режима эмбарго, 14 марта 2016 года, пункты 9–17.

⁹⁶ Несмотря на то, что на федеральном правительстве Сомали лежит главная обязанность уведомлять Комитет, государства-члены или организации, участвующих в поставках, также могут направлять предварительные уведомления, «проконсультировавшись» с федеральным правительством Сомали. См. резолюцию [2142 \(2014\)](#) Совета Безопасности, пункт 4.

⁹⁷ [S/AC.29/2017/NOTE.41](#).

29 августа Группа контроля проинспектировала часть груза, хранившегося на оружейном складе в Халане⁹⁸. В ответ на запрос Группы контроля Китай 22 сентября информировал Группу о том, что военная техника, оружие и боеприпасы были поставлены федеральному правительству Сомали в июле 2017 года, и что федеральному правительству были представлены соответствующие документы.

126. Дополнительная путаница в том, что касается ответственности за представление уведомлений возникла тогда, когда Соединенные Штаты проинформировали федеральное правительство Сомали о своем намерении осуществить 29 августа 2017 года поставку партии оружия и боеприпасов для оказания поддержки сомалийской национальной армии. Федеральное правительство Сомали придерживается той точки зрения, что предварительное уведомление уже было направлено в отношении материальных средств и в этой связи не представило никакой дополнительной информации Комитету⁹⁹. При этом инвентарная опись партии материальных средств, которая прибыла 29 августа, отличается от описи в предварительном уведомлении, на которое ссылались федеральное правительство Сомали.

Доклады о силах безопасности, представляемые федеральным правительством Сомали Совету Безопасности

127. За время, прошедшее после представления предыдущего заключительного доклада, Совет Безопасности получил от федерального правительства два доклада в соответствии с требованиями, содержащимися в пункте 9 резолюции [2182 \(2014\)](#), срок действия которых был недавно продлен в пункте 7 резолюции [2317 \(2016\)](#).

128. В своем докладе от октября 2016 года, в дополнение к диаграммам, на которых показаны поставки оружия, иллюстрирующим руководящие структуры сомалийской национальной армии, сомалийских полицейских сил, Национального управления разведки и безопасности и пенитенциарной службы, федеральное правительство Сомали представило таблицу с указанием числа военнослужащих в каждой бригаде сомалийской национальной армии. Вместе с тем данные о численности военнослужащих, указанной в таблице, не согласуются с различными другими оценками численности военнослужащих сомалийской национальной армии, включая внутренние оценки федерального правительства/сомалийской национальной армии, проанализированные Группой контроля, и не включают подробные данные о приблизительной численности личного состава батальонов, местах дислокации батальонов и бригад или данные о командирах батальонов и бригад. При этом не представлялась дополнительная информация о сомалийской национальной армии, Национальном управлении разведки и безопасности или пенитенциарных учреждениях.

129. Доклад от марта 2017 года был представлен в переходный период нынешним органам управления федерального правительства. В нем содержалась подробная информация о структуре региональных сил безопасности Сомали с ориентировочными данными о численности личного состава региональных сил Пунтленда, Временной администрации Галмудуга и Временной администрации юго-запада. В докладе указывается, что Временная администрация Джуббы не обменивалась подробными данными о численности военнослужащих с федеральным правительством Сомали и что недавно созданная Временная администрация Хир-Шабелле не осуществляла управление какими-либо силами во время представления доклада.

⁹⁸ См. [S/AC.29/2017/SEMG/OC.122](#) и приложение 8.1.

⁹⁹ [S/AC.29/2015/NOTE.66](#).

130. Несмотря на некоторые незначительные улучшения, данные о силах безопасности, имеющиеся в распоряжении федерального правительства Сомали, по-прежнему являются неполными и недостаточно подробными¹⁰⁰. Эти недостатки могут частично объясняться слабыми связями между федеральным правительством и региональными администрациями. Вместе с тем они скорее всего обусловлены нежеланием или неспособностью должностных лиц сектора безопасности представлять надлежащую и достаточную информацию.

Управление запасами оружия и боеприпасов

131. С учетом обеспечения более широкого доступа к складским помещениям для хранения оружия в период действия мандата Группа контроля по Сомали и Эритрее отметила совершенствование методов управления и сбора данных об импортируемых материальных средствах на центральном оружейном складе в Халане, а также в области распределения и отслеживания оружия. Группе контроля в процессе проведения анализа оказывали поддержку совместная группа по проверке и Институт Организации Объединенных Наций по исследованию проблем разоружения (ЮНИДИР)¹⁰¹. Группа с удовлетворением отмечает готовность федерального правительства Сомали продолжать укреплять имеющиеся механизмы. Тем не менее существующие системы на момент подготовки настоящего доклада по-прежнему являются слабыми и подверженными манипулированию.

Процедуры регистрации и маркировки оружия и боеприпасов

132. Группе контроля три раза предоставлялся доступ на центральный склад оружия в Халане в Могадишо, и еще пять раз Группа обращалась с просьбой о предоставлении доступа на этот склад¹⁰². 26 апреля 2017 года и 29 августа 2017 года Группа контроля провела две отдельные ревизии оружия и боеприпасов на центральном складе оружия в Халане.

133. Подробная информация о результатах инспекции центрального склада оружия, проведенной Группой контроля, содержится в приложении 8.1.

134. Группа контроля отметила, что процедуры регистрации и маркировки оружия применялись в отношении оружия, поставленного двумя партиями в период действия мандата, даже если и были выявлены определенные несоответствия. В то же время процесс регистрации боеприпасов нуждается в совершенствовании.

135. Описание нынешних процедур управления запасами оружия на центральном складе оружия в Халане см. в приложении 8.2.

¹⁰⁰ См. приложение 8.2 к документу [S/2016/91](#), касающемуся предыдущей оценки данных федерального правительства Сомали.

¹⁰¹ В ответ на письмо Генерального секретаря от 3 апреля 2014 года на имя Председателя Совета Безопасности ([S/2014/243](#)) и заявление Председателя Совета Безопасности от 22 мая 2014 года ([S/PRST/2014/9](#)) и в соответствии с резолюцией [2182 \(2014\)](#) Совета Безопасности федеральное правительство учредило совместную группу по проверке для проведения регулярных проверок arsenалов государственных сил безопасности, учетной документации о товарно-материальных запасах и цепочек поставок оружия в целях ограничения возможностей перенаправления оружия и боеприпасов.

¹⁰² Центральный склад оружия в Халане является официальным первоначальным местом хранения всех вооружений, боеприпасов и военного имущества, прибывающих в Сомали, и находится на территории комплекса аэропорта Могадишо.

136. На момент подготовки настоящего доклада использовались семь из восьми машин для маркировки оружия — три в Халане, три — в министерстве внутренней безопасности федерального правительства Сомали и две маркировочные машины на местах. По заявлению федерального правительства Сомали по состоянию на 30 марта 2017 года была обеспечена маркировка в общей сложности 8800 единиц оружия¹⁰³.

Управление запасами оружия и боеприпасов

137. В ходе своего визита в Халане 26 апреля 2017 года Группе контроля были предоставлены копии форм разрешений на распределение оружия, датированные декабрем 2015 года. Группа контроля также рассмотрела соответствующие журналы, содержащие подробную информацию о распределении в общей сложности 1 366 970 единиц боеприпасов для сомалийских сил безопасности в период с декабря 2015 года по март 2017 года.

138. Несмотря на то, что Группа контроля отметила улучшения в распределении боеприпасов на центральном складе оружия в Халале, по-прежнему возникают проблемы, вызывающие озабоченность. Например, не разработаны стандартизированные процедуры регистрации планируемых пунктов назначения материальных средств: в некоторых случаях указывался только город или сектор и не указывались подразделения, которым предназначались материальные средства. 31 июля 2017 года Группа запросила дополнительную информацию у федерального правительства Сомали относительно получателей боеприпасов. В своем ответе от 18 августа федеральное правительство признало, что вспомогательная документация по некоторым партиям не была представлена, как это требуется в соответствии с пунктами 6 и 7 резолюции 2142 (2014). Соответственно Группа контроля не смогла проверить, дошли ли эти боеприпасы до предполагаемых получателей.

139. Результаты анализа документации федерального правительства Сомали о распределении оружия и боеприпасов см. в приложении 8.3 (совершенно секретно).

140. 29 августа 2017 года Группа контроля провела углубленный анализ документации, касающейся доставки, регистрации и последующей поставки партии оружия, которая прибыла в июне 2017 года из Джибути¹⁰⁴. Хотя был подготовлен большой объем документации, не представлялось возможным отследить доставку каждой единицы оружия в пункт предполагаемого назначения. В регистрационном журнале записи в некоторых случаях не соответствовали данным разрядки на материальные средства и уведомительным документам после их распределения.

¹⁰³ Доклад федерального правительства Сомали, представленный 30 марта 2017 года Совету Безопасности во исполнение пункта 9 резолюции 2182 (2014). Порядка 6000 единиц оружия было промаркировано сомалийской национальной армией, а министерство внутренней безопасности промаркировало 2800 единиц оружия, принадлежавшего Национальному управлению разведки и безопасности, сомалийским полицейским силам, гражданским служащим и частным охранным компаниям. Группа контроля отметила, что федеральное правительство Сомали также уведомило Группу (S/AC.29/2017/NOTE.24/Add.1) о том, что с тех пор было промаркировано еще 1600 единиц оружия, предоставленного на безвозмездной основе Джибути.

¹⁰⁴ Предварительное уведомление было направлено Комитету 26 мая 2017 года (см. S/AC.29/2017/NOTE.24). Уведомление после поставки и распределения материальных средств было направлено федеральным правительством 17 августа 2017 года вместе с дополнительной информацией, представленной федеральным правительством Сомали 6 сентября 2017 года (см. S/AC.29/2017/NOTE.24/Add.1).

141. Более подробную информацию см. в приложении 8.4 (совершенно секретно).

142. Подробная информация о маркированном федеральным правительством оружии, захваченном в ходе операций по обеспечению безопасности, проведенных федеральным правительством, или задокументированном на рынках вооружений, содержится в приложении 8.5.

С. Другие учреждения сомалийского сектора безопасности: соблюдение режима оружейного эмбарго

143. Если Комитет даст соответствующее разрешение, другие учреждения сомалийского сектора безопасности смогут получить помощь и материальные средства, которые в противном случае были бы запрещены в соответствии с режимом оружейного эмбарго¹⁰⁵. Как отмечалось в 2016 году, государства-члены продолжали оказывать значительную поддержку Силам, не связанным с федеральным правительством, в период действия нынешнего мандата (см. S/2016/919, приложение 8.3). Тем не менее в этот период Комитет получил только одно уведомление о поставках оружия полицейским силам Сомалиленда.

Поставка партий оружия в Кисмайо и Байдабо без направления соответствующего уведомления

144. В период действия мандата Группа контроля пыталась получить от правительства Эфиопии разъяснения относительно сообщений о поставках оружия региональным силам безопасности в Кисмайо и Байдабо. В августе 2017 года представитель правительства Эфиопии продемонстрировал два сертификата конечного пользователя от 18 февраля 2016 года и 23 сентября 2016 года, подтверждающих поставку оружия канцелярии главы Временной администрации юго-запада, и заказ на закупку оружия от канцелярии главы Временной администрации Джуббы от 20 июля 2016 года. В заказе, полученном от канцелярии главы Временной администрации Джуббы, содержится заявка на закупку различных материальных средств, включая:

- a) 1000 автоматов АК-47;
- b) 20 пулеметов ПКМ;
- c) 50 противотанковых гранатометов (РПГ-7);
- d) 30 легких пулеметов ДШК;
- e) 5 14,5-мм пулеметов.

145. На момент подготовки настоящего доклада, несмотря на соответствующие просьбы, Группа не располагает конкретной информацией об этих поставках Временной администрации Юго-Западного Сомали и Временной администрации Джуббы.

¹⁰⁵ См. пункт 11(а) резолюции 2111 (2013) Совета Безопасности.

D. Создание военной базы Объединенных Арабских Эмиратов в Бербере

146. В конце 2016 года Группа контроля получила информацию о планах по созданию военной базы Объединенных Арабских Эмиратов в Бербере, Сомалиленд. 18 января 2017 года Группа контроля направила письма Объединенным Арабским Эмиратам и Сомалиленду, запросив разъяснения относительно их договоренности по вопросу о создании военной базы и предложив оказать консультативную помощь по вопросам соблюдения оружейного эмбарго¹⁰⁶. 12 февраля до того, как Группа контроля получила ответ на свои письма, парламент Сомалиленда одобрил решение о размещении на его территории военной базы¹⁰⁷.

147. Во время поездки в мае 2017 года в Сомалиленд, высокопоставленный член кабинета сообщил Группе о том, что администрация Сомалиленда дала разрешение Объединенным Арабским Эмиратам на ремонт и использование существующих объектов в аэропорту Берберы в качестве военной базы, которая будет использоваться исключительно военно-воздушными силами Объединенных Арабских Эмиратов в течение 25 лет. Это должностное лицо также проинформировало Группу контроля о том, что эта база будет использоваться в первую очередь для морского патрулирования в целях борьбы с пиратством, и не будет использоваться для нанесения воздушных ударов¹⁰⁸. С другой стороны, второе высокопоставленное должностное лицо публично объявило, что Объединенные Арабские Эмираты будут использовать эту базу для целей профессиональной подготовки, наблюдения и проведения военных операций в Йемене¹⁰⁹.

148. Спутниковые снимки, полученные в период с декабря 2016 года по сентябрь 2017 года, свидетельствуют о том, что в настоящее время ведется строительство новых постоянных объектов, включая новый причал на побережье, приблизительно в 2 км к северу от взлетно-посадочной полосы аэропорта в Бербере. В приложении 9 содержатся спутниковые снимки строительной площадки.

149. Создание иностранной военной базы в Бербере, предусматривающее передачу военных материальных средств на территорию, будет представлять собой нарушение режима оружейного эмбарго, действующего в отношении Сомали: информация, имеющаяся в распоряжении Группы контроля о функциях базы свидетельствует о том, что применение каких-либо нынешних постоянных изъятий из оружейного эмбарго является маловероятным. Кроме того, в случае оказания любого содействия, что будет равносильно оказанию поддержки сомалийским органам безопасности в Сомалиленде, необходимо будет

¹⁰⁶ S/AC.29/2015/SEMG/OC.03, 18 января 2015 года.

¹⁰⁷ Правительство Объединенных Арабских Эмиратов ответило на письмо Группы контроля от 8 августа 2017 года, рекомендовав Группе «обратиться к соответствующим властям Сомали, если у них возникнут какие-либо вопросы относительно деятельности в пределах своей территории» (2017/338).

¹⁰⁸ 25 мая 2017 года члены Группы контроля провели собеседование с высокопоставленным должностным лицом кабинета Сомалиленда в Харгейсе. Группа контроля была информирована о том, что в ответ Объединенные Арабские Эмираты согласилась построить новый гражданский аэропорт в близлежащем районе и восстановить дорогу из Берберы до границы с Эфиопией в Ваджаале.

¹⁰⁹ Статья Абдельазиза Османа, озаглавленная «Сомалиленд заявляет, что ОАЭ могут совершать нападения с новой базы», «Голос Америки», 26 мая 2017 года, имеется на веб-сайте по адресу: <https://www.voanews.com/a/somaliland-says-united-arab-emirates-launch-attacks-new-air-base/3872972.html>.

уведомить Комитет и получить его согласие в соответствии с пунктом 11(a) резолюции 2111 (2013).

150. И наконец, решение о налаживании в одностороннем порядке взаимодействия с администрацией Сомалиленда в целях осуществления проекта такого характера и масштаба приведет к дальнейшему подрыву отношений между федеральным правительством Сомали и администрацией Сомалиленда и, тем самым, подрывет усилия, направленные на обеспечение долгосрочной стабильности в Сомали.

Е. Военная техника, захваченная в ходе наступательных операций Миссии Африканского союза в Сомали и силами безопасности федерального правительства Сомали

151. В пункте 6 своей резолюции 2182 (2014) Совет Безопасности просил сомалийскую национальную армию и Миссию Африканского союза в Сомали фиксировать и регистрировать всю военную технику, захваченную в ходе наступательных операций, и оказывать содействие Группе контроля в проведении соответствующей проверки. В пункте 12 резолюции 2317 (2016) Совет Безопасности настоятельно призвал Миссию Африканского союза в Сомали «более активно сотрудничать в выполнении этого обязательства».

152. В период действия мандата руководство АМИСОМ распространяло инструкции и указания, регламентирующие управление запасами захваченного оружия, однако их осуществление на уровне секторов по-прежнему сопряжено с проблемами. Несмотря на более активное участие и готовность к сотрудничеству, АМИСОМ предоставила Группе контроля лишь ограниченную информацию о семи единицах оружия, захваченных в течение этого периода.

153. Группа контроля также просила федеральное правительство Сомали обеспечить доступ к оружию, которое неоднократно захватывалось в ходе наступательных операций, но федеральное правительство не смогло оказать содействие в обеспечении такого доступа.

Г. Реформирование сектора безопасности

154. В связи с повышением вероятности вывода войск АМИСОМ из южной и центральной частей Сомали в предстоящий двухлетний-пятилетний период, в последнее десятилетие высказывается более серьезная озабоченность по поводу способности сомалийских сил добиться поддержания и укрепления безопасности.

155. Вопросам реформирования сомалийского сектора безопасности уделялось пристальное внимание в преддверии и в ходе Лондонской конференции по Сомали, состоявшейся 11 мая 2017 года, итогом которой стало подписание представителями федерального правительства Сомали и международного сообщества Пакта о безопасности. Пакт о безопасности содержит политическое соглашение, заключенное между федеральным правительством Сомали и региональными администрациями о новой национальной конфигурации сомалийских сил¹¹⁰; план поэтапного реформирования сектора безопасности Сомали; и обязательства международных партнеров в целях поддержки этого процесса¹¹¹.

¹¹⁰ В рамках предложенной новой системы безопасности для обеспечения равного регионального представительства в сомалийской национальной армии, вероятно, потребуются пересмотреть систему представленности кланов в сомалийской национальной

156. Против этих планов выступали многие субъекты, в том числе высокопоставленные представители федерального правительства Сомали и сомалийской национальной армии, особенно в том, что касается децентрализации функций по управлению силами из Могадишо и расширения полномочий региональных администраций¹¹².

157. Предпринимаемые с 2015 года усилия по интеграции в сомалийскую национальную армию региональных сил безопасности, включая 3000 военнослужащих даравиш (регулярные силы Пунтленда)¹¹³ не увенчались успехом, главным образом по причине отсутствия политической воли (см. S/2016/919, пункт 52). Еще не известно, проявят ли новое федеральное правительство Сомали и региональные администрации готовность коллективно и целенаправленно формировать новую систему безопасности. Однако, на момент подготовки настоящего доклада не было уверенности в том, что удастся добиться достижения контрольных показателей, намеченных на Лондонской конференции по Сомали на октябрь 2017 года, на который запланирована последующая деятельность по итогам Конференции.

158. Группа контроля выражает озабоченность по поводу того, что попытки навязать новую систему обеспечения безопасности влиятельным, но отвергающим ее субъектам приведет к возникновению дестабилизирующих сил в этом процессе и потенциально быстрому ухудшению положения в области безопасности в южной и центральной частях Сомали.

IV. Препятствия на пути оказания гуманитарной помощи

159. Предупреждение об опасности голода, с которым выступила Организация Объединенных Наций 2 февраля 2017 года, послужило поводом для существенного расширения масштабов гуманитарной деятельности в Сомали¹¹⁴. В то время как местные неправительственные организации и общины несли бремя ответственности за оказание основной поддержки и брали на себя все связанные с этим риски, новая вспышка конфликтов, активизация операций по борьбе с группировкой «Аш-Шабааб» и неудобопроходимые маршруты снабжения препятствовали доступу к гуманитарной помощи. Группировка «Аш-Шабааб» умело затрудняла и использовала в своих интересах гуманитарную

армии. Таким образом, по всей видимости потребуется снизить уровень представленности кланов, в настоящее время доминирующих в сомалийской национальной армии, особенно подкланов Абгаал и Хабер-Гедир клана Хавийе.

¹¹¹ Министерство по вопросам международного развития Соединенного Королевства, министерство иностранных дел и по делам Содружества и министерство обороны, «Пакт о безопасности», документ по вопросам политики от 11 мая 2017 года. Имеется на веб-сайте по адресу: www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/613720/london-somalia-conference-2017-security-pact.pdf.

¹¹² Беседы с представителями международного дипломатического корпуса и консультантами, занимающимися вопросами реформирования сектора безопасности в Найроби и Могадишо, состоявшиеся в период с мая по август 2017 года. Группа контроля также проанализировала внутреннюю документацию сомалийской национальной армии, свидетельствующую об отклонении просьб международных партнеров о выдаче региональными администрациями разрешения на оказание помощи.

¹¹³ Интеграция даравиш (регулярные силы Пунтленда) в составе сомалийской национальной армии по-прежнему остается одной из главных задач администрации Пунтленда. Беседа с Абдинасиром Софе, руководителем аппарата президента Пунтленда, Найроби, 29 августа 2017 года.

¹¹⁴ К концу июля были получены или объявлены взносы на сумму 897 млн долл. США в поддержку мер гуманитарного реагирования Организации Объединенных Наций в Сомали в 2017 году.

деятельность как в районах, находящихся под ее контролем, так и за их пределами.

А. Группировка «Аш-Шабааб»¹¹⁵

160. В 2011 году отказ группировки «Аш-Шабааб» предоставить доступ к гуманитарной помощи явился причиной гибели от голода 260 000 людей в Сомали. С другой стороны, в течение срока действия нынешнего мандата группировка «Аш-Шабааб» принимала широко разрекламированные меры реагирования, формируя региональные комитеты по борьбе с засухой и содействуя активизации деятельности «Аль-Хасан», ее гуманитарного подразделения¹¹⁶. В марте 2017 года группировка провела ряд важных мероприятий по распределению продовольствия и поставке воды в регионах Бей, Баколь, Галгадуг, Хиран, Нижняя Шабелле и Мудуг. В то же время в результате применения группировкой «Аш-Шабааб» других методов действий ухудшилось положение нуждающегося населения как внутри, так и за пределами находящихся под ее контролем районов¹¹⁷. К числу таких методов относятся следующие:

- а) введение в большинстве районов постоянного запрета на деятельность официального гуманитарного сектора; для обеспечения соблюдения этого запрета применяются меры по изъятию и уничтожению продовольственной помощи и наказанию лиц, принимающих гуманитарную помощь;
- б) повышение налогов на общинные активы, собранный урожай и гуманитарную помощь (включая переводы денежных средств), зачастую взимаемых с применением насилия¹¹⁸;
- в) резкий рост числа арестов и похищений гуманитарных работников и старейшин, пытающихся вести переговоры по вопросу о гуманитарном доступе¹¹⁹;
- г) увеличение числа контрольно-пропускных пунктов и создание помех в доставке коммерческих и гуманитарных грузов в районы, находящиеся под контролем правительства¹²⁰.

¹¹⁵ Тематические исследования, рассмотренные в настоящем разделе, основаны на подтвержденных опросах национальных и международных гуманитарных работников, региональных и окружных органов власти, местных журналистов, общинных старейшин и лиц, получавших гуманитарную помощь, в Байдабо, Галькайо и Могадисхо в период с декабря 2016 года по 1 сентября 2017 года. Группа контроля также провела дистанционные собеседования с бывшими членами группировки «Аш-Шабааб», местными старейшинами и представителями общин, находящимися в районах, контролируемых группировкой «Аш-Шабааб», или перемещенными из этих районов.

¹¹⁶ Группировка «Аш-Шабааб» проводила широкую кампанию по пропаганде осуществляемой ею гуманитарной деятельности и подвергала критике усилия, предпринимаемые международным сообществом. См., в частности, интервью с шейхом Али Деро, официальным представителем группировки «Аш-Шабааб» на «Радио Аль-Фуркан», <http://radioalfurqaan.com/?p=9523> (на сомалийском языке) (по состоянию на 20 сентября 2017 года).

¹¹⁷ Гуманитарная ситуация в некоторых районах, находящихся под контролем группировки «Аш-Шабааб», является критической: в июне 2017 года в округе Матабан показатель острого недоедания составлял по оценкам 6 процентов, т.е. в три раза превышал чрезвычайный пороговый показатель.

¹¹⁸ В марте 2017 года группировка «Аш-Шабааб» в Средней Шабелле похитила пять старейшин из деревни Гаалефто и осуществила поджог домов и школ через три недели после того, как местная община отказалась выплачивать налоги по повышенным ставкам, которые пыталась взимать группировка.

¹¹⁹ В Кориолее в Нижней Шабелле один старейшина был убит группировкой «Аш-Шабааб» 25 апреля 2017 года за участие в таких переговорах.

161. Что касается отказа группировки «Аш-Шабааб» от внешней гуманитарной помощи, существуют определенные исключения. В феврале 2017 года группировка обратилась к местным неправительственным организациям с просьбой принять меры реагирования на вспышку холеры в ряде мест. В начале марта группировка «Аш-Шабааб» дала разрешение одному подклану в Средней Джуббе на мобилизацию средств диаспоры и закупку продовольственной помощи для общины; тем не менее все собранные средства подлежали налогообложению.

162. Группировка «Аш-Шабааб» разрешает пользоваться ограниченной свободой передвижения тем, кто пытается покинуть ее опорные пункты для получения доступа к помощи¹²¹. Однако, возвращение домой гарантируется не во всех случаях. Группа контроля зафиксировала случаи уплаты налога перемещенными семьями в Нижней Шабелле с помощью денежных переводов по каналам мобильной связи для сохранения прав собственности на землю. В некоторых районах области Бей за возвращение домой для обработки почвы после наступления сезона дождей «гу» взималась плата в размере 15 долл. США и отбиралась часть собранного урожая.

В. Бюрократические препоны¹²²

163. 28 февраля 2017 года федеральные и региональные власти обязались устранить «все препятствия, мешающие доставке помощи, включая импортируемые и экспортируемые продовольственные товары и предметы первой необходимости, а также денежные переводам, [и] временно отменить новые бюрократические требования на местном уровне, предъявляемые к организациям, оказывающим помощь¹²³. Несмотря на некоторые скромные шаги, это обязательство не было выполнено¹²⁴. В период с января по август 2017 года Управление по координации гуманитарных вопросов зафиксировало 62 случая создания бюрократических препятствий для гуманитарных операций. В отсутствие четких рамочных механизмов, регулирующих гуманитарную деятельность, по-прежнему применяется обструкционистская практика, направленная на создание препятствий для гуманитарных операций и нецелевое использование гуманитарной помощи, включая¹²⁵:

¹²⁰ 1 июля боевики «Аш-Шабааб» напали на колонну из девяти гужевых повозок, следовавших в Ваджиид из Буурдхуксунле, убили животных и сожгли продукты питания.

¹²¹ В Бакуле наблюдалось сильное расхождение во мнениях между двумя лидерами группировки «Аш-Шабааб» по вопросу о том, следует ли разрешать населению уезжать, что привело к вооруженным столкновениям.

¹²² Группа контроля определяет бюрократические препоны как правила и практику, вводимые авторитетными органами, которые преследуют цель, заключающуюся в предотвращении доступа к гуманитарной помощи, или приводят к этому, включая нецелевое использование гуманитарной помощи. См. S/2016/919, приложение 6.1.

¹²³ Коммюнике по итогам встречи высокого уровня «за круглым столом» в Могадишо в связи с засухой в Сомали, 28 февраля 2017 года, <https://unsom.unmissions.org/communique-following-high-level-roundtable-meeting-held-mogadishu-drought-response-somalia>.

¹²⁴ Министерство планирования и международного сотрудничества Временной администрации юго-запада приостановило осуществление своего закона о неправительственных организациях для содействия принятию мер по борьбе с засухой.

¹²⁵ В своей резолюции 2317 (2016) Совет Безопасности настоятельно призывает федеральное правительство Сомали усовершенствовать рамки регулирования деятельности доноров (пункт 27). Хотя проект федерального закона о неправительственных организациях был разработан без консультаций и согласования на региональном уровне и без включения его в более широкую нормативно-правовую базу, он, как правило, будет препятствовать, а не способствовать гуманитарной деятельности.

- a) налогообложение гуманитарных грузов;
- b) введение незаконной регистрации, контроля за проектами, просмотр контрактов и введение кадровой проверки и денежных сборов;
- c) введение требования оказывать содействие в обеспечении безопасности и покрывать связанные с этим расходы и прекращение оказания помощи в деле обеспечения безопасности в целях навязывания переговоров;
- d) введение Пунтлендом периодических запретов на доступ к гуманитарной помощи, доставляемой по суше из Сомалиленда.

164. Федеральные и региональные власти также затрудняют гуманитарную деятельность, изгоняя национальных и международных гуманитарных работников из находящихся под их контролем районов. По меньшей мере в трех случаях, рассмотренных Группой контроля в период действия мандата, такая высылка гуманитарных работников осуществлялась с целью сокращения намерения воспрепятствовать законной деятельности этих организаций, вымогательства средств или сведения личных счетов.

165. И наконец, периодическое закрытие границ Кении и Эфиопии препятствует доставке гуманитарной помощи, при этом доступ к гуманитарной помощи можно получить, лишь нарушая официальные процедуры и правила.

С. Главные маршруты доставки грузов

166. Незаконные контрольно-пропускные пункты, контролируемые федеральными и региональными силами, ополченцами кланов и группировкой «Аш-Шабааб», затрудняют доставку помощи и способствуют повышению стоимости коммерческих товаров. Это в свою очередь влияет на стоимость гуманитарной помощи: более 80 процентов продовольственной помощи в рамках мер по борьбе с засухой оплачивалось наличными средствами или ваучер-чеками.

167. В ходе оценки основных транзитных маршрутов в центральной и южной частях Сомали, проведенной одной гуманитарной организацией в августе 2017 год, были выявлены 82 платные контрольно-пропускные пункта: 20 из них были под контролем «Аш-Шабааб». Большинство остальных пунктов контролируются сомалийской национальной армией в дополнение к пяти другим контрольно-пропускным пунктам, часть доходов от которых получают силы Временной администрации юго-запада.

168. Местные власти и вооруженные субъекты использовали в своих интересах мероприятия по борьбе с засухой, увеличив в три раза размер сборов на контрольно-пропускных пунктах в некоторых районах. В апреле 2017 года 60 грузовиков были задержаны в Валавейне, Нижняя Шабелле, когда силы безопасности федерального правительства Сомали предприняли попытку вынудить коммерческого перевозчика погасить «задолженность», якобы образовавшуюся в то время, когда он использовал альтернативный маршрут в Байдабо, контролируемый группировкой «Аш-Шабааб»¹²⁶. Перевозчики во многих местах предпочитают использовать контролируемые группировкой «Аш-Шабааб» маршруты, на которых соблюдаются установленные правила оплаты груза, выдаются квитанции об оплате и удается избежать насилия, связанного с силами безопасности¹²⁷.

¹²⁶ Собеседования с сотрудниками Организации Объединенных Наций, проведенные 17 апреля и 7 августа 2017 года.

¹²⁷ Контрольно-пропускные пункты, обслуживаемые военнослужащими федеральных и

169. Усилия, предпринятые Миссией Африканского союза в Сомали, Временной администрацией Галмудуга и федеральным правительством Сомали во втором квартале 2017 года в целях обеспечения надежных маршрутов снабжения, были относительно успешными, хотя в некоторых случаях проблемы стали возникать в других местах, поскольку стационарные контрольно-пропускные пункты были заменены мобильными пунктами.

D. Нецелевое использование гуманитарной помощи¹²⁸

170. Опираясь на уроки, извлеченные из засухи в 2011–2012 годах, гуманитарное сообщество стало принимать более активные меры реагирования на засуху, более глубоко осознавая возникающие риски и задействуя новый набор механизмов управления рисками и контроля. Тем не менее, Группа контроля получила заслуживающую доверия информацию и подтверждение нецелевого использования гуманитарной помощи от правительственных должностных лиц, сотрудников неправительственных организаций и Организации Объединенных Наций, а также бенефициаров, касающуюся:

- a) совершаемых членами комитетов по борьбе с засухой хищений средств, выделяемых на цели оказания помощи;
- b) вымогательства со стороны «контролеров» и собственников земельных участков, на которых расположены лагеря для внутренне перемещенных лиц, которыми иногда являются государственные должностные лица;
- c) сфабрикованного распределения гуманитарной помощи, связанного с оплатой участия бенефициаров в мероприятии по распределению гуманитарной помощи, которых затем вынуждают сдать полученные ими средства;
- d) контроль за SIM-картами и сговор с поставщиками и торговцами с целью перенаправления полученных денежных средств и введения в заблуждение механизмов контроля;
- e) сговор между принимающими общинами и «контролерами» для установления «рисовых палаток» — бутафорских лагерей для внутренне перемещенных лиц — с целью их регистрации для получения гуманитарной помощи;
- f) злоупотребление полномочиями, связанными с обеспечением государственной безопасности, и административными полномочиями с целью принуждения к осуществлению гуманитарных операций¹²⁹.

171. Группировка «Аш-Шабааб» также осуществляла контроль в местах, якобы находящихся под юрисдикцией федерального правительства Сомали, взимая налоги с гуманитарных организаций и бенефициаров, требуя проведения переговоров по вопросу о доступе и в некоторых случаях вмешиваясь в управление деятельностью гуманитарных организаций.

региональных сил, по-прежнему являются местами вымогательства и насилия в отношении гражданских лиц.

¹²⁸ Эта сводная информация была получена в ходе собеседований с местными и международными гуманитарными работниками, региональными и федеральными должностными лицами, представителями общин-бенефициаров и бывшими должностными лицами группировки «Аш-Шабааб».

¹²⁹ Обновленную информацию о расследовании обвинений в адрес министра по вопросам безопасности временной администрации Джуббы Абдирахшида Хасана Абдинура см. в приложении 11.3.

Е. Нападения на гуманитарных работников

172. С 2016 года наблюдается резкое увеличение числа нападений на гуманитарных работников и случаев оказания на них давления и применения насилия во время распределения гуманитарной помощи¹³⁰.

173. В связи с ростом потребностей в получении гуманитарной помощи гуманитарные работники сталкивались с новыми рисками, обусловленными расширением масштабов гуманитарной деятельности в контролируемых группировкой «Аш-Шабааб» районах. Группировка «Аш-Шабааб» воспользовалась этим для ареста гуманитарных работников и наложения на них штрафов в случае любых изменений в согласованных гуманитарных мероприятиях и занималась вымогательством денежных и транспортных средств и оружия у связанных с ними кланов. По состоянию на 15 сентября 27 сотрудников гуманитарных организаций были похищены в 2017 году группировкой «Аш-Шабааб», а 6 гуманитарных работников по-прежнему находились в плену на момент составления настоящего доклада.

174. Группировка «Аш-Шабааб» подвергала аресту и пыткам сотрудников гуманитарных организаций, когда она вновь захватила эту территорию. В результате планируемого расширения масштабов наступательных действий против группировки «Аш-Шабааб» также возникли новые угрозы для гуманитарного сообщества: в мае 2017 года Соединенные Штаты запросили у гуманитарных организаций информацию о мерах по урегулированию конфликта, что вызывает опасения по поводу последствий воздушных операций.

175. Более 70 человек были убиты или ранены в результате насилия, вспыхнувшего в 2017 году во время распределения гуманитарной помощи, будь то по причине отчаяние тех, кто получает поддержку, но не имеет опыта управления, или предполагаемой необъективности при отборе бенефициаров¹³¹. Гражданские лица также несут большие потери вследствие нападений на персонал гуманитарных организаций: 16 апреля группировка «Аш-Шабааб» взяла на себя ответственность за нападение на гуманитарную автоколонну, которая следовала через поселение для внутренне перемещенных лиц Видоу в Могадишо, в результате которого погиб один ребенок и два других лица получили ранения.

Ф. Манипулирование помощью в целях изоляции маргинализированных общин и разжигание конфликта

176. В период 2011–2012 годов, когда в стране свирепствовал голод, маргинализированные общины на юге Сомали, в том числе многие общины, находящиеся под контролем группировки «Аш-Шабааб», систематически лишались доступа к помощи. Хотя такие запреты на доступ к гуманитарной помощи неоднократно вводились в период действия нынешнего мандата, имеются свидетельства того, что гуманитарное сообщество приступает к решению этой проблемы. В приложении 10.1 приводятся примеры отказа в доступе, а также усилий по борьбе с систематической изоляцией этих общин.

¹³⁰ По данным Управления по координации гуманитарных вопросов в стране произошло более 110 инцидентов с применением насилия, которые затронули гуманитарные организации в период с января по август 2017 года и в результате которых погибли четыре сотрудника гуманитарных организаций.

¹³¹ Почти все эти инциденты, связанные с насилием в отношении гражданского населения, происходили в тех случаях, когда распределение продовольствия не осуществлялось с использованием существующих гуманитарных структур и разработанных процедур.

177. Разработка модели гуманитарной деятельности в Сомали наряду с определением ее масштабов и роли в экономике страны создает благоприятную почву для нецелевого использования гуманитарной помощи в целях продвижения интересов кланов и деловых кругов, включая разжигание конфликта (см. [S/2015/801](#), приложение 5.3). Результаты проведенного Группой контроля анализа деятельности одной базирующейся в Нижней Шабелле неправительственной организации представлены в приложении 10.2 (совершенно секретно).

178. Необходимо обеспечить более эффективное управление рисками гуманитарным сообществом с учетом результатов ситуационного анализа и анализа конфликта, помимо конфликта, связанного с группировкой «Аш-Шабааб», с упором на более эффективный обмен информацией и меры раннего предупреждения по вопросам подотчетности, особенно между учреждениями системы Организации Объединенных Наций, и попытаться решить некоторые проблемы, порождаемые глубоко укоренившимися центрами власти в самом гуманитарном сообществе.

V. Нарушения норм международного гуманитарного права, связанные с действиями, направленными против гражданских лиц

179. Хотя абсолютные уровни насилия в отношении гражданского населения в целом оставались неизменными с 2013 года, появление все большего числа вооруженных субъектов и применение более разрушительных методов ведения войны приводило к повышению летальности — увеличению числа погибших в результате каждого нападения, совершенного на гражданских лиц в течение срока действия мандата. В приложении 11.4 содержится ряд диаграмм, подготовленных для Группы контроля, описывающих эти тенденции¹³².

A. Группировка «Аш-Шабааб» и Исламское государство Ирака и Леванта

180. Группировка «Аш-Шабааб» по-прежнему несет ответственность за наибольшее число инцидентов, связанных с нападениями на гражданских лиц и жертвами среди гражданского населения, во время кампании крупномасштабных нападений на гостиницы и гражданские объекты в городских районах, которые активизировались в период с ноября 2016 года по январь 2017 года¹³³.

¹³² Эти диаграммы были подготовлены для Группы контроля в рамках проекта по сбору данных о географии вооруженных конфликтов и связанных с ними событиях. Информация об этом проекте, в рамках которого осуществляется сбор и проводится анализ данных о политическом насилии в развивающихся государствах, см. www.acleddata.com.

¹³³ Согласно данным, полученным в рамках проекта по сбору данных о географии вооруженных конфликтов и связанных с ними событиях, группировка «Аш-Шабааб» принимала участие в 188 нападениях на гражданское население, в результате которых официальное число жертв в период с 1 сентября 2016 года и 1 августа 2017 года составило 356 человек. См. www.acleddata.com. Организация Объединенных Наций установила, что по состоянию на 21 июня 2017 года группировка «Аш-Шабааб» несла ответственность за 46 процентов жертв среди гражданского населения в 2017 году.

181. Группировка «Аш-Шабааб» все чаще прибегает к насилию для коллективного принуждения или наказания общин в районах, находящихся под ее контролем. В связи с повышением спроса на ресурсы во время засухи для обеспечения соблюдения налоговых требований группировка сжигала деревни, похищала и обезглавливала старейшин¹³⁴. В июне 2017 года группировка «Аш-Шабааб» также начала кампанию по похищению детей, пожилых людей и учителей, с тем чтобы заставить общины отдавать детей для пополнения ее рядов (см. приложение 11.2).

182. Роль «Аш-Шабааб» в разжигании межкланового и межгосударственного насилия стала носить более явный характер. В Нижней Шабелле, группировка «Аш-Шабааб» и силы, ведущие борьбу с этой группировкой, активизировали взаимодействие с противоборствующими сторонами в продолжительном конфликте между кланами Хабер Гедир и Бималь (и Дигил) из-за ресурсов и контроля над территорией. В ходе серии нападений, начавшихся в октябре 2016 года и вновь активизировавшихся в мае и августе 2017 года, группировка «Аш-Шабааб» сжигала дома, убивала и похищала гражданских лиц из общин Бималь и Дигил (там же).

183. Возможно, в ответ на известность, которую снискала ИГИЛ, группировка «Аш-Шабааб» ввела более жесткие наказания — ампутацию конечностей, обезглавливание и забивание камнями — в отношении лиц, признанных виновными в шпионаже, дезертирстве или нарушении норм шариатского права¹³⁵.

184. Сомалийская ячейка ИГИЛ, как правило, концентрирующая внимание на военных целях, в период действия мандата изменила курс действий и стала практиковать обезглавливание гражданских лиц, что привело к перемещению более 22 000 человек в ходе захвата Кандалы в конце октября 2016 года, а также стала совершать политические убийства, поджигать дома и угонять скот (см. приложения 2.1 и 11.4).

В. Федеральные и региональные силы, клановые ополченческие формирования и другие преступные элементы

185. В целях сохранения позитивной тенденции, отмеченной Группой контроля в 2016 году, силы федерального правительства Сомали не принимали участия в крупномасштабных нападениях на гражданских лиц¹³⁶. Тем не менее в период с 1 января по 30 июня 2017 года Организация Объединенных Наций установила, что сомалийская национальная армия несет ответственность за 129 жертв среди гражданского населения, включая гибель 76 человек: 42 из этих жертв связаны с незаконными операциями на контрольно-пропускных пунктах и операциями по вымогательству.

¹³⁴ В Харардере, боевики «Аш-Шабааб» обезглавили старейшин, подожгли дома и угнали скот; в результате нападения около 20 человек погибли, когда община отклонила новые налоговые требования в конце ноября 2016 года.

¹³⁵ В середине мая 2017 года группировка «Аш-Шабааб» предала огласке случай ампутации рук двух мужчин за кражу, совершенную в Тиеглоу в качестве первого наказания подобного рода в соответствии с нормами шариатского права после вывода эфиопских войск за несколько дней до этого. В августе два молодых мужчины из этнической группы «банту», которые пытались дезертировать из группировки «Аш-Шабааб» и присоединиться к перебежчику, с которыми Группа контроля встречалась в Кисмайо, были обнаружены и обезглавлены.

¹³⁶ В апреле было заявлено о причастности военнослужащих сомалийской национальной армии к нападениям на ряд деревень в Средней Шабелле. См. приложение 11.1.

186. Вместе с тем региональные силы несут ответственность за большинство жертв среди гражданского населения, связанных с конфликтом, которые являлись предметом расследования, проведенного Группой контроля. В октябре 2016 года в городе Галькайо вновь разразились боевые действия, в основном между Пунтлендом, Временной администрацией Галмудуга и местными вооруженными формированиями с применением тяжелых вооружений обеими сторонами¹³⁷. Более 90 000 человек были вынуждены спасаться бегством, по меньшей мере 45 человека были убиты и 162 получили ранения.

187. В результате засухи разгорелась ожесточенная борьба между клановыми группировками за доступ к воде и пастбищам. Только за период с 1 мая по 22 августа 2017 года в ходе межкланового конфликта погибли по крайней мере 175 гражданских лиц¹³⁸. Оценка последствий насилия со стороны ополченческих клановых формирований осложняется тем, что ополченцы часто действовали в качестве элементов федеральных или региональных сил, а в некоторых случаях, сражались вместе с группировкой «Аш-Шабааб».

188. Несмотря на приверженность федерального правительства Сомали соблюдению моратория на смертную казнь, введенного еще в 2011 году, число случаев вынесения смертных приговоров резко возросло в период действия мандата, в частности в Пунтленде¹³⁹. В некоторых случаях в процессах, закончившихся вынесением обвинительных приговоров, не обеспечивались основные гарантии соблюдения надлежащей правовой процедуры, в том числе в ситуациях, когда обвиняемый не мог полагаться на защиту со стороны клана. Группа контроля получила достоверные сообщения о применении пыток для получения признательных показаний в нарушение норм международного права.

189. Хотя с 2014 года наблюдается незначительное увеличение общего числа инцидентов, связанных с использованием самодельных взрывных устройств, применяемых группировкой «Аш-Шабааб» или другими субъектами, в период с 1 января 2016 года по середину августа 2017 года по оценке Организации Объединенных Наций в результате 533 инцидентов с применением самодельных взрывных устройств пострадали 1432 гражданских лица, в том числе погиб 931 человек¹⁴⁰.

190. Убийства отдельных лиц в связи с избирательным процессом 2016/17 года породили новую тенденцию к насилию после 8 февраля 2017 года, в частности в Могадишо. Различные применяемые методы и тот факт, что группировка «Аш-Шабааб» взяла ответственность лишь за 8 из 90 убийств, совершенных в течение первых трех месяцев 2017 года, наводит на мысль о том, что эти убийства совершались скорее всего по личным, а не политическим мотивам, хотя не следует исключать их связь с выборами.

¹³⁷ Подробная информация об этом конфликте приводится в приложении 3.1. Федеральные силы также обвинялись в участии в боевых действиях.

¹³⁸ Internal UN report, 24 August 2017.

¹³⁹ По состоянию на 10 сентября было зарегистрировано 24 случая приведения смертных приговоров в исполнение федеральными властями и региональными администрациями в 2017 году; половина из них приходится на Пунтленд.

¹⁴⁰ Статистические данные, предоставленные Службой Организацией Объединенных Наций по вопросам деятельности, связанной с разминированием (ЮНМАС), Сомали. Смертность в результате совершенных нападений и масштабы применение дистанционного насилия возросли в целом в период действия мандата. См. приложение 11.4.

191. Группа контроля продолжала собирать убедительные доказательства и заявления, касающиеся ответственности Абдирахшида Хассана Абдинуру, министра безопасности во Временной администрации Джуббы за акты пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, незаконного содержания под стражей и незаконной выдачи отдельных лиц (см. S/2016/919, приложения 7.8 и 7.8.1 (совершенно секретно) и приложение 11.3 к настоящему докладу).

С. Миссия Африканского союза в Сомали (АМИСОМ) и международные силы

192. В период действия мандата Группы контроля международные силы неоднократно выводились без предупреждения из районов в Баколе, Галгадуда, Хирана и Нижней Шабелле¹⁴¹. После их вывода в эти районы сразу же возвратилась группировка «Аш-Шабааб», которая начинала убивать, пытаться, похищать членов местных общин, уничтожать предметы гуманитарной помощи и заниматься принудительной вербовкой¹⁴². Вывод международных сил и периодические потери и повторное взятие ключевых пунктов также подрывают готовность общин оказывать поддержку коалиции, ведущей борьбу с группировкой «Аш-Шабааб».

193. К 31 августа 2017 года Группа контроля получила сообщения, касающиеся 32 авиаударов, нанесенных Кенией, Соединенными Штатами и неустановленными силами в 2017 году¹⁴³. Имеются определенные признаки совершения более избирательных нападений: представители общин из долины Джуббы информировали Группу контроля о том, что с 2016 года число ударов с воздуха по гражданскому населению сократилось¹⁴⁴.

194. Организация Объединенных Наций возложила на АМИСОМ ответственность за гибель 81 гражданского лица в период с января 2016 года по июнь 2017 года¹⁴⁵. Хотя АМИСОМ несет ответственность лишь за 4 процента всех инцидентов, связанных с нанесением ущерба гражданскому населению в 2016 году, разочарование в связи с отсутствием информации о расследованиях и отсутствием транспарентности процесса выплаты компенсации способствует формированию представления о том, что международные силы несут ответственность за расширение масштабов насилия¹⁴⁶. Это мешает выполнению поставленных задач АМИСОМ и ее стратегическими партнерами.

¹⁴¹ В своих публичных и частных заявлениях эфиопские власти объяснили вывод международных сил неспособностью Эфиопии нести «бремя» в Сомали в течение неопределенного срока; другие комментаторы увязывали такой вывод с продолжающимися политическими волнениями в Эфиопии.

¹⁴² 1 ноября пять гражданских лиц, включая двух бизнесменов, которые оказывали вспомогательные услуги эфиопским силам, были убиты боевиками «Аш-Шабааб», когда они вновь захватили Тиеглоу в Баколе.

¹⁴³ В то же время за тот же период в 2016 году Группа контроля зарегистрировала 29 воздушных ударов. См. S/2016/919, приложение 7.7.

¹⁴⁴ Организация Объединенных Наций зарегистрировала 36 жертв среди гражданского населения в результате применения авиационных средств при нанесении 58 авиаударов в период с января 2016 года по июнь 2017 года. Опасаясь воздушных ударов, гражданское население перемещается в другие районы; приблизительно 1200 человек из Гедо в июне 2017 года были перемещены в результате авиаударов в районы, прилегающие к Бардере.

¹⁴⁵ Сообщение по электронной почте сотрудника Организации Объединенных Наций от 15 сентября 2017 года.

¹⁴⁶ Стандартные оперативные процедуры в рамках мер реагирования на жертвы среди гражданского населения, ответственность за которые несет АМИСОМ, были, наконец,

Вынужденное перемещение населения

195. По состоянию на конец июля 2017 года Организация Объединенных Наций зарегистрировала с 1 ноября 2016 года более 859 000 случаев перемещения населения в результате засухи¹⁴⁷. В период с января по июль 2017 года 87 000 человек были перемещены из Нижней Шабелле по причине конфликта и отсутствия безопасности¹⁴⁸.

196. Принудительное выселение вынужденных переселенцев продолжалось в 2017 году, когда к концу июля было зарегистрировано свыше 90 000 случаев выселений, причем большинство из них — в Могадишо. Выселения проводились как частными субъектами, что вызывало споры между «контролерами» и жителями по вопросам распределения гуманитарной помощи, так и в соответствии с политикой федерального правительства и региональных органов власти¹⁴⁹.

197. 16 ноября 2016 года правительство Кении объявило о том, что оно перенесло на 31 мая 2017 года закрытие лагеря для вынужденных переселенцев Дадааб, которое было запланировано на конец ноября 2016 года. Пересмотренный конечный срок истек, и не было предпринято никаких усилий в целях обеспечения принудительного возвращения беженцев в массовом порядке, хотя отдельные случаи принудительного возвращения были зарегистрированы Организацией Объединенных Наций

D. Вербовка и использование детей

198. Несмотря на то, что в последние три месяца 2016 года наблюдалось сокращение числа зарегистрированных случаев вербовки и использования детей на 50 процентов; в конце июня 2017 года масштабы вербовки детей группировкой «Аш-Шабааб» резко расширились, особенно в областях Хиран, Гальгудуд и Мудуг. Проводимая группировкой «Аш-Шабааб» кампания сопровождалась похищением старейшин, учителей и членов семьи, в результате чего семьи бежали или отправляли своих детей из этого района в безопасное место.

199. Обзор по вопросам вербовки детей и их использования в течение срока действия мандата Группы содержится в приложении 11.2.

приняты в июле 2017 года. Они содействуют стандартизации процедур по рассмотрению заявлений о нанесении ущерба гражданскому населению, определению размера компенсации и обращению к соответствующим инстанциям в целях принятия других мер. Миссия Африканского союза в Сомали сообщила Группе по контролю, что она не смогла внедрить стандартные оперативные процедуры по причине отсутствия средств.

¹⁴⁷ См. Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ), «Сомали: информационная панель по вопросам перемещения населения — Сеть наблюдения за обеспечением защиты и возвращения перемещенного населения, перемещение населения в течение июля 2016 года», 29 августа 2017 года.

¹⁴⁸ УВКБ, «Сомали: оперативный отчет — обновленные данные Сети наблюдения за обеспечением защиты и возвращения перемещенного населения», 10 августа 2017 года.

¹⁴⁹ Только в Байдабо в первую неделю августа были выселены более 5000 внутренние перемещенных лиц. В период с мая по июнь 2017 года Министерство внутренних дел Сомалиленда издало распоряжение о сносе неформальных поселений в районе Айнабо в Суле, что привело к перемещению 327 семей, которые бежали из районов, затронутых засухой.

VI. Нарушения запрета на торговлю древесным углем

200. Общие масштабы незаконного экспорта древесного угля из Сомали аналогичны масштабам, наблюдавшимся в период действия предыдущего мандата Группы; при этом возникли некоторые новые тенденции, которые стоит отметить. В отличие от периода 2015–2016 годов, когда группировка «Аш-Шабааб» периодически вводила запрет на торговлю древесным углем в контролируемых ею районах (см. S/2016/919, пункт 129), она возобновила систематический сбор налогов с добычи древесного угля на контрольно-пропускных пунктах на пути к местам хранения запасов древесного угля вблизи портов Бур-Габо и Кисмайо. По самым скромным оценкам, группировка «Аш-Шабааб» получает за счет незаконной торговли древесным углем по меньшей мере 10 млн долл. США в год.

201. Дубай, Объединенные Арабские Эмираты, и, в частности порт Эль-Хамрия, продолжают оставаться главными пунктами назначения экспорта, несмотря на определенные попытки торговцев древесным углем использовать другие порты в регионе, в том числе в Бахрейне, Кувейте и, возможно, Омане. Наиболее распространенным видом поддельных документов, используемых для сокрытия сомалийского происхождения партий древесного угля в период действия нынешнего мандата, были сертификаты происхождения, выданные в Джибути. Кроме того, транснациональные преступные сети, базирующиеся главным образом, в Дубае и Кисмайо, как представляется, стремятся создать более официальную структуру для совместных действий.

202. За одним важным исключением — усилий, предпринимаемых Объединенными военно-морскими силами и Кувейтом, — отмечается ненадлежащее соблюдение введенного запрета на торговлю древесным углем, особенно Временной администрацией Джуббы и контингентом кенийских сил обороны в составе АМИСОМ в Сомали и Объединенными Арабскими Эмиратами, входящими в число стран-импортеров. Отсутствие приверженности последовательному осуществлению санкций, а в некоторых случаях явно сознательное нежелание соблюдать запрет на торговлю древесным углем содействуют финансированию группировки «Аш-Шабааб» и подрывают усилия по борьбе с терроризмом в Сомали.

А. Производство, перевозка и запасы

203. В Сомали по-прежнему добывается большое количество древесного угля, в том числе с целью его незаконного вывоза. Согласно данным, полученным в результате анализа спутниковых снимков, проведенного Продовольственной и сельскохозяйственной организацией Объединенных Наций (ФАО), в период 2011–2017 годов имелось в общей сложности около 26 000 объектов, на которых добывался древесный уголь, причем 4000 объектов были выявлены в 2017 году¹⁵⁰. В 2017 году древесный уголь добывался в основном в районе к югу от Бадхадхе, Нижняя Джубба, на юго-восточной оконечности Сомали; в то время как вторичная добыча древесного угля производилась в районе, расположенном вблизи Буале, Средняя Джубба. Оба этих района являются территорией, оккупированной «Аш-Шабааб».

¹⁵⁰ Совещание с участием сотрудников ФАО, состоявшееся в Найроби 14 июля 2017 года.

204. Группа контроля получила информацию о том, что, в отличие от тактики, применявшейся в период действия предыдущего мандата Группы, группировка «Аш-Шабааб» возобновила систематический сбор налогов с добычи древесного угля на контрольно-пропускных пунктах по пути следования из районов производства древесного угля в порты. Ставка налогообложения составит 2,50 долл. США за мешок древесного угля, или около 750 долл. США за грузовик с мешками древесного угля. Древесный уголь, добытый в районе к югу от Бадхадхе, перевозится по малым дорогам в хранилище в Буур-Гаабо, а древесный уголь, добытый в районе вблизи Буале, перевозится по дороге, проходящей через Джилиб, и доставляется в хранилище в Кисмайо.

205. Запасы древесного угля, которые хранятся в Кисмайо и Буур-Гаабо, по-прежнему являются основным источником экспорта древесного угля в Бараве, в то время как запасы, хранящиеся в Бараве, могут также создавать угрозу для мира и безопасности. 11 и 12 июня 2017 года члены Группы контроля обнаружили запасы древесного угля, которые находились вблизи порта Кисмайо. Группа контроля впоследствии получила фотографии третьего склада в Кисмайо, расположенного в северной части города, на котором хранились запасы древесного угля. 11–14 июня члены Группы обнаружили хранилища запасов древесного угля неподалеку от порта Кисмайо и в Буур Гаабо (см. спутниковые снимки хранилищ в приложении 12.1). И наконец следует отметить, что Группа контроля по-прежнему обеспокоена тем, что запасы древесного угля в Бараве представляют угрозу для мира и безопасности, поскольку это хранилище может подвергнуться нападению в ходе наступления группировки «Аш-Шабааб» или стать источником конфликта между торговцами древесным углем (см. S/2016/919, пункт 131). 3 марта 2017 года в ходе встречи с главой Временной администрации юго-запада Группа контроля вновь заявила о том, что Временной администрации юго-запада в консультации с федеральным правительством Сомали следует испросить рекомендации Комитета в отношении хранилища запасов древесного угля в Бараве¹⁵¹.

В. Незаконный экспорт древесного угля

206. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что масштабы незаконного экспорта древесного угля из Сомали существенно не изменились по сравнению с периодом действия предыдущего мандата Группы контроля. По консервативным оценкам Группы контроля, за исключением сезона дождей в период с августа по октябрь, около пятнадцати каботажных судов «дау» в месяц или около 135 каботажных судов «дау» в год отплывали из Кисмайо и Буур-Габо с грузом древесного угля¹⁵². В среднем объем грузов составлял 30 000 мешков, каждый весом 25 кг, что составляет 750 000 тонн на каждое каботажное судно «дау» и свыше 100 000 метрических тонн ежегодно экспортируемого древесного угля. Сметная стоимость одного мешка древесного угля на рынках оптовой торговли составляет 30 долл. США (S/2016/919, приложение 9.2); стоимость приблизительно четырех миллионов мешков ежегодно экспортируемого древесного угля составит порядка 120 млн долл. США.

¹⁵¹ Встреча с Шариф Хасан Шейх Аденом, Найроби, 3 марта 2017 года.

¹⁵² Такая экстраполяция основывается на выборочных результатах проверки грузов древесного угля из Сомали и подкрепляется замечанием Группы контроля, касающимся общих тенденций в области экспорта в период действия предыдущих и нынешнего мандатов Группы контроля.

207. Объединенные Арабские Эмираты, в частности порт Аль-Хамрия в Дубае, по-прежнему являются главным пунктом назначения незаконного экспорта древесного угля из Сомали. Группа контроля также получила информацию в период действия нынешнего мандата, касающуюся импортируемого сомалийского древесного угля через порт Эль-Фуджайра, Объединенные Арабские Эмираты, хотя количество импортируемого угля все еще не подтверждено. Было также подтверждено, что страны-члены Совета сотрудничества стран Залива (ССЗ), такие как Бахрейн и Кувейт, являются странами назначения сомалийского древесного угля (см. приложение 12.2) Группа контроля также получила сообщения о транспортировке древесного угля на каботажных судах «дау», направляющихся в порты Султаната Оман, однако такие сообщения подтверждены не были.

С. Документация и преступные сети

208. Использование поддельных таможенных документов, таких как сертификаты происхождения, по-прежнему является основным методом, применяемым для облегчения незаконного импорта сомалийского древесного угля. В период действия предыдущего мандата основные типы поддельных документов, касающихся древесного угля, изготавливались на Коморских Островах, в Гане и Пакистане (S/2016/919, пункт 138 и приложение 9.7). В течение срока действия нынешнего мандата наиболее распространенным типом поддельных документов был джибутийский сертификат происхождения древесного угля; такая документация предъявлялась в порту Аль-Хамрия, Объединенные Арабские Эмираты, а также в порту Дохи, Кувейт. Проведенные Группой контроля расследования свидетельствуют о том, что главным изготовителем поддельных документов является гражданин Джибути Башир Халиф Мооса, в настоящее время проживающий в Дубае (см. приложение 12.2.2). Поддельные сертификаты происхождения, изготовленные в Гане, также предъявлялись в портах Эль-Фуджайра и Аль-Хамрия в период действия нынешнего мандата. В настоящее время Группа контроля проводит расследование, касающееся использования поддельных документов, включая сертификаты происхождения, изготовленных в Кот-д'Ивуаре и Объединенной Республике Танзания. Группа контроля также выявила случаи использования торговцами древесным углем поддельных шриланкийских документов о регистрации судов (см. приложение 12.2.3)

209. Модели незаконной торговли древесным углем, отмеченные Группой контроля, свидетельствуют об участии транснациональных преступных сетей, действующих в Сомали и Объединенных Арабских Эмиратах (S/2016/919, приложение 9.6). В период действия нынешнего мандата Группы деятельность этих транснациональных преступных сетей, возможно, приобрела более официальный характер. Группа контроля получила информацию о деятельности компании "All Star Group", которая также известна как "All Star General Trading Company" и в состав которой входят основные осуществляющие незаконную деятельность поставщики древесного угля и инвесторы в Кисмайо и Дубае. Группа контроля не смогла подтвердить многочисленные сообщения о том, что компания "All Star" заключила эксклюзивное соглашение с главой Временной администрации Джуббы, Ахмедом Мадобе, об экспорте древесного угля из Сомали. Аналогичным образом, Группа контроля не имела возможности подтвердить заявления относительно соглашения о распределении доходов между компанией "All Star" и группировкой «Аш-Шабааб». Это, однако, согласуется с информацией о том, что Али Ахмед Нааджи, бывший сборщик налогов группировки «Аш-Шабааб», в настоящее время работающий в компании "All Star" и давно являющийся партнером Мадобе (S/2016/919, пункт 133), получал угро-

зы убийства со стороны Амнията, требовавшего возобновления дележа доходов от продажи древесного угля¹⁵³.

D. Соблюдение запрета на торговлю древесным углем

210. Несмотря на то, что Совет в пункте 22 резолюции [2317 \(2016\)](#) вновь заявил о том, что сомалийские власти должны принимать необходимые меры для предотвращения экспорта древесного угля из Сомали, на практике федеральное правительство Сомали не контролирует порты в Кисмайо или Буур-Гаабо. Временная администрация Джуббы, которая по-прежнему зависит от доходов от незаконного налогообложения экспорта древесного угля для финансирования своих операций, систематически не соблюдала запрет на торговлю древесным углем, поскольку он был введен в феврале 2012 года. АМИСОМ, чьи контингенты кенийских сил обороны по-прежнему развернуты в портах Кисмайо и Буур-Гаабо, не оказывала содействие сомалийским властям в деле обеспечения соблюдения запрета на торговлю древесным углем и не облегчала доступ Группы контроля к портам, из которых осуществляется экспорт древесного угля, как это предусмотрено в пункте 23 резолюции [2317 \(2016\)](#). 14 июня 2017 года трем членам Группы контроля, прибывшим в Буур-Гаабо на вертолете Организации Объединенных Наций из Кисмайо, не было разрешено покинуть базу АМИСОМ, место дислокации контингента кенийских сил обороны, для инспектирования находившегося поблизости хранилища запасов древесного угля¹⁵⁴.

211. Следует отметить непоследовательное соблюдение другими государствами запрета на торговлю древесным углем. Объединенные Арабские Эмираты, несмотря на прогресс, достигнутый в период действия предыдущего мандата, включая конфискацию несколько партий незаконно экспортируемого древесного угля, сделали шаг назад с точки зрения согласованного и эффективного соблюдения запрета (см. приложение 12.2.2 и приложение 12.2.4). Джибути, в особенности посол Джибути в Объединенных Арабских Эмиратах, Осман Мусса Дарар, несет значительную ответственность за несоблюдение запрета на поставки древесного угля посредством неоднократного подтверждения правомочности с юридической точки зрения представления поддельных сертификатов происхождения (см. приложение 12.2.2) Кувейт продемонстрировал высокую степень твердой приверженности делу обеспечения соблюдения введенного запрета и активно сотрудничал с Группой контроля (см. приложение 12.2.3) Бахрейн также заслуживает упоминания за его сотрудничество с Группой контроля, результатом которого явился частичный захват одной партии груза (см. приложение 12.2.1).

212. Группа контроля хотела бы отметить сотрудничество с Объединенными военно-морскими силами, в частности с отдельной целевой группировкой (ОЦГ 152), в деле обеспечения соблюдения запрета на торговлю древесным углем. Такое сотрудничество включало оперативный обмен информацией и содействие в налаживании контактов Группы с властями Кувейта в апреле и мае, что позволило конфисковать партии древесного угля, обнаруженного на борту

¹⁵³ Беседа с источником, базирующимся в Кисмайо, 14 июня 2017 года.

¹⁵⁴ Причина, указанная командующим сектором кенийских сил обороны, по которой не было обеспечено сопровождение и не было разрешено покинуть базу АМИСОМ, заключается в том, что Группа контроля перед прибытием на базу не обращалась по официальным каналам с просьбой о проведении проверки хранилища древесного угля в Буур-Гаабо. Соображения безопасности не являлись главной причиной такого отказа, поскольку в этом районе уже была обеспечена безопасность, и вертолет Организации Объединенных Наций мог совершить в нем безопасную посадку.

двух каботажных судов «дау» (см. приложение 12.2.3) В июле и августе Объединенные военно-морские силы осуществляли воздушное наблюдение за пятью каботажными судами «дау», следовавшими из Сомали в порт Аль-Хамрия, в котором члены Группы контроля видели эти суда на якорной стоянке. Объединенные военно-морские силы представили описания судов, данные об их местонахождении и их снимки властям Объединенных Арабских Эмиратов, которые обладают полномочиями подниматься на борт и производить досмотр каботажных судов «дау» в территориальных водах страны. На момент подготовки настоящего доклада информация о результатах такого досмотра еще не поступала. (см. приложение 12.2.4).

VII. Исправление к предыдущему докладу Группы контроля по Сомали и Эритрее, представленному в соответствии с резолюцией 2244 (2015) Совета Безопасности (S/2016/919)

213. В сноске к пункту 77 предыдущего доклада Группы контроля (S/2016/919) Группа контроля сообщила, что Управление по контролю за иностранными активами Соединенных Штатов применило в отношении компании «Хормууд Телеком» санкционный режим. Группа хотела бы уточнить, что Управление по контролю за иностранными активами Соединенных Штатов никогда не вводило санкции в отношении компании «Хормууд».

VIII. Сотрудничество государств и других сторон с Группой контроля по Сомали и Эритрее

214. Взаимодействие с федеральным правительством Сомали осложнялось в результате осуществления политического переходного процесса после выборов, состоявшихся в феврале 2017 года. Группа контроля хотела бы отметить сотрудничество новой администрации, продемонстрированное в ответ на многочисленные официальные письма, направленные ей к концу срока действия мандата Группы. Центральный банк Сомали также оказывал очень полезное содействие Группе контроля в ходе проводимых ею исследований.

215. Группа контроля хотела бы выразить признательность властям Пунтленда за их сотрудничество, особенно в проведении исследований в отношении Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ).

216. Группа контроля хотела бы выразить признательность Исламской Республике Иран за укрепление сотрудничества, инициированного в период действия предыдущего мандата Группы, которая пригласила Группу посетить Исламскую Республику Иран во второй раз в сентябре 2017 года.

217. Группа контроля хотела бы выразить признательность Кувейту за его сотрудничество в обеспечении соблюдения запрета на торговлю древесным углем, а также Франции — за облегчение инспекции оружия, захваченного фрегатом ВМФ «Прованс», и Турции — за помощь, оказанную в проведении исследования в отношении поставок пистолетов для стрельбы холостыми патронами.

218. Группа контроля хотела бы выразить признательность Объединенным военно-морским силам за их сотрудничество в обеспечении соблюдения запрета на торговлю древесным углем и в рамках операции «Аталанта» военно-морских сил Европейского союза (ЕВНАВФОР), а также за сотрудничество в

проведении расследований, касающихся незаконного оборота оружия и пиратства.

219. Базирующаяся в Вашингтоне, О.К., неправительственная организация “C4ADS” оказывала содействие Группе контроля в проведении многочисленных расследований. Базирующаяся в Соединенном Королевстве консалтинговая компания “Arquebus Solutions” предоставила Группе контроля результаты проведенного полезного анализа, касающегося пистолетов для стрельбы холостыми патронами и другого оружия.

Отказ от сотрудничества

220. Группа контроля хотела бы отметить постоянное нежелание телекоммуникационной компании «Турайя» обмениваться информацией, особенно в том, что касается расследований в связи с контрабандой оружия.

IX. Осуществление целенаправленных санкций

221. Фарес Мохаммед Манаа (SOi. 008) был включен в санкционный перечень Комитета по санкциям, учрежденного резолюцией 1844 (2008), 12 апреля 2010 года в нарушение пункта 8 резолюции 1844 (2008) Совета Безопасности, в котором определены критерии, касающиеся нарушений оружейного эмбарго. Согласно дополнительной информации, в резюме с изложением оснований для включения в перечень говорится, что Манаа является «известным оружейным контрабандистом». На Манаа распространяются действие запрета на поездки и меры по замораживанию активов в рамках режима санкций, введенного в отношении Сомали.

222. Манаа предъявлены обвинения в рамках уголовного дела в Бразилии, связанного с перенаправлением оружия из Джибути в Йемен. Прокуроры также утверждают, что Манаа совершил в январе 2015 года поездку в Бразилию, где он посетил завод, принадлежащий производителю оружия Форхасу Таурису СА¹⁵⁵. По мнению группы экспертов, в январе 2015 года Манаа совершал поездки в Бразилию, Чехию, Египет и Францию, используя йеменский дипломатический паспорт. Манаа, возможно, также совершил поездки в две страны Африки в октябре и ноябре 2016 года (см. S/2017/81, пункт 117 и диаграмма VII). Группа экспертов по Йемену, с которой по-прежнему сотрудничает Группа контроля, расследовала совершенные Манаа нарушения режима оружейного эмбарго, введенного в отношении Йемена (S/2017/81, пункт 80 и приложение 41), в том числе проводила расследование сделок, которые могут свидетельствовать о несоблюдении положений о замораживании активов.

¹⁵⁵ Lisandra Paraguassí « Exclusive Brazil’s Taurus sold arms to trafficker for Yemen war, prosecutors allege », Reuters, 5 September 2016. Available from www.reuters.com/article/us-brazil-arms-taurus/exclusive-brazils-taurus-sold-arms-to-trafficker-for-yemen-war-prosecutors-allege-idUSKCN11B1KM.

Х. Рекомендации

А. Угрозы миру и безопасности

223. Группа контроля рекомендует Совету Безопасности:

- а) определить, что критерии для включения в перечень за хищение финансовых ресурсов (см. пункт 2(с) резолюции [2060 \(2012\)](#) Совета Безопасности) применяются в отношении хищений, совершаемых в штатах-членах Федерации и региональных администрациях;
- б) призвать федеральное правительство Сомали, штаты-члены Федерации и региональные администрации заключить соглашение о совместном использовании ресурсов, в котором установлен порядок распределения ресурсов, а также уточняются их права и обязанности в рамках федеральной системы.

В. Оружейное эмбарго

224. Группа контроля рекомендует Совету Безопасности:

- а) обратиться к государствам-членам, сомалийским властям и частному сектору с призывом сотрудничать в ходе проводимых Группой контроля расследований, включая предоставление таможенных и транспортных документов, связанных с экспортом в Сомали химических веществ, которые могут быть использованы в качестве окислителей для изготовления самодельных взрывных устройств, в частности прекурсоров нитрата аммония, хлористоводородного калия, калийной селитры и хлората натрия;
- б) призвать федеральное правительство Сомали, штаты-члены Федерации и региональные администрации обеспечивать Группе контроля полный доступ ко всем импортируемым оружию и боеприпасам до их распределения;
- с) призвать федеральное правительство Сомали, штаты-члены Федерации и региональные администрации разработать стандартные оперативные процедуры управления запасами оружия и боеприпасов, включая систему регистрации выдачи и получения оружия для отслеживания всех видов оружия после их распределения.

225. Группа контроля рекомендует Председателю Комитета:

- а) направить письма от имени Комитета федеральному правительству Сомали, АМИСОМ, региональным администрациям, штатам-членам Федерации и соответствующим международным партнерам, напомнив им об их обязательствах в соответствии с режимом эмбарго, в частности положениями пункта 11(а) резолюции [2111 \(2013\)](#) Совета Безопасности, и приложив памятку № 2 по порядку осуществления оружейного эмбарго для использования в справочных целях.

С. Международное гуманитарное право

226. Группа контроля рекомендует Совету Безопасности:

- а) просить Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека (УВКПЧ) провести аналитический обзор серьезных нарушений норм международного гуманитарного права и грубых нарушений стандартов в области прав человека в Сомали с учетом прецедента, касающегося аналитического обзора, проведенного УВКПЧ в Демократиче-

ской Республике Конго в 2008 году и в Центральноафриканской Республике в 2017 году.

D. Запрет на торговлю древесным углем

227. Группа контроля рекомендует Совету Безопасности:

а) уполномочить государства-члены накладывать арест в соответствии со своим внутренним законодательством и в своих территориальных водах и морских портах на суда при наличии доказательств нарушения ими режима эмбарго на экспорт древесного угля из Сомали с последующей реализацией таких судов на публичных аукционах, причем государство-член, гражданами которого являются члены судового экипажа, несет ответственность за обеспечение возвращения членов экипажа на родину.

E. Санкционный перечень

228. Группа контроля рекомендует Комитету:

а) рассмотреть вопрос о применении всех имеющихся критериев для включения в перечень, в том числе для включения в перечень новых позиций помимо тех, которые связаны с группировкой «Аш-Шабааб» или ИГИЛ.

F. Отказ от увязывания двух санкционных режимов

229. Группа контроля рекомендует Совету Безопасности:

а) рассмотреть вопрос о прекращении увязывания между собой санкционных режимов в отношении Эритреи и Сомали¹⁵⁶.

¹⁵⁶ См. рекомендации Группы контроля в заключительном докладе 2017 года (готовится к изданию). Группа отмечает, что федеральное правительство Сомали высказалось в поддержку прекращения увязывания между собой санкционных режимов.

Annex 1.1: Al-Shabaab procurement of weapons following attacks on AMISOM

Attack on UPDF base in Baledogle, Lower Shabelle with 120 mm mortar

1. On 23 April 2017, Al-Shabaab attacked a Uganda People's Defence Forces (UPDF) base in Baledogle, Lower Shabelle region. Photographic evidence from the scene shows the remnants of the tail of a 120 mm mortar round.¹

Figures 1 and 2: Round tail of a 120 mm mortar found in a crater at the scene of the attack on the UPDF base in Baledogle.

2. This is the first time the SEMG has established that Al-Shabaab has used a 120 mm mortar. Although Al-Shabaab has used 60 mm and 80 mm mortars since 2009, 120 mm mortars have the potential to cause much higher civilian casualties.² The SEMG has received multiple reports that Al-Shabaab acquired several 120 mm mortar launchers and projectiles from its attacks on 26 June and 1 September 2015 on Burundian and Ugandan AMISOM contingents based at Leego and Janale, respectively (see [S/2015/801](#), para. 91).

¹ Photographic evidence from a security advisor to the Somali National Army on 12 July 2017.

² A 120 mm mortar is able to penetrate deeper into a building and can cause more damage than smaller mortars. It can also cause greater fragmentation over a wider area. "Military Systems Ground Mortars", GlobalSecurity. Available from <http://www.globalsecurity.org/military/systems/ground/mortars.htm> (accessed 20 July 2017).

Attack on KDF base in Kulbiyow on the Somalia/Kenya border

3. On 27 January 2017, Al-Shabaab detonated a vehicle borne improvised explosive device (VBIED) at the perimeter of a Kenya Defence Forces (KDF) camp at Kulbiyow, a base straddling Kenya and Somalia's Lower Juba region. The VBIED was followed by an armed attack of Al-Shabaab fighters armed with AK-pattern rifles and RPG launchers. According to an Al-Shabaab spokesperson, at least 67 KDF soldiers were killed and a number of others were taken prisoner. Among the significant items seized by Al-Shabaab were one OTO-Melara Mod 56, one 105 mm Howitzer, and one WZ-551 armoured personnel carrier. In addition, Al-Shabaab also captured an 81 mm mortar launcher, as well as an M240B heavy machine gun.

Figure 3: Still from Al-Kataib media wing of Al-Shabaab suggests a 105 mm L5 Pack Howitzer may have been captured at Kulbiyow.

4. The SEMG has been unable to find evidence of Al-Shabaab's use of the 105 mm artillery. The group may not have access to the required ammunition or may not possess the necessary technical knowledge to operate this type of weapon.³

Figure 4: Armoured Personnel Carrier WZ-551 captured at Kulbiyow.

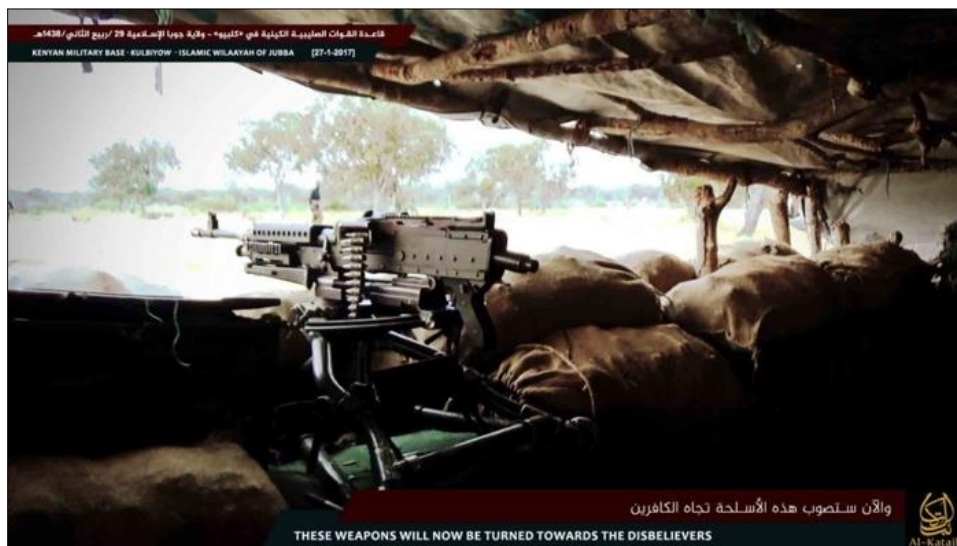

³ Interview with senior AMISOM official in Mogadishu, 26 April 2017.

Figure 5: 81 mm mortar launcher captured by Al-Shabaab at Kulbiyow.

Figure 6: M240B machine gun captured by Al-Shabaab at Kulbiyow.

**Annex 1.2: Al-Shabaab use of improvised explosive devices (IEDs)
(STRICTLY CONFIDENTIAL)***

Annex 1.3: 2 January 2017 VBIED attack in Mogadishu

1. On 2 January 2017, two large vehicle-borne improvised explosive devices (VBIEDs) exploded near the perimeter of the Adan Adde International Airport complex.¹ The first VBIED, which was smaller in explosive size was detonated around noon, next to a checkpoint on the Jaale Siyaad road. The first explosion cleared the path for a large truck laden with explosives to pass through the checkpoint and detonate a few minutes later adjacent to the Peace Hotel. Estimates of the net explosive quantity (NEQ), or TNT equivalence, of the second explosion range from 200 kg to as much as 1,200 kg (see below).

Figure 1: Google Earth satellite imagery of the blast site.

¹ “Massive blast hits near Mogadishu airport”, Al Jazeera English, 2 January 2017. Available from <http://www.aljazeera.com/news/2017/01/somalia-massive-blast-rocks-mogadishu-airport-170102091229184.html>.

Figures 2 and 3: Images of the vehicle carrying the VBIED and of the blast.

Assessments by explosives experts

2. The SEMG has reviewed assessments by several independent explosives experts, some of whom were among the first at the scene following the VBIED explosion. These experts concluded that the NEQ of the blast was in the range of 800 kg, based on the dimensions of the crater and damage to the surrounding buildings.²

3. An independent explosives engineer consulted by the SEMG used a range of explosive engineering formulae and tools to estimate the explosive mass of the VBIED.³ This analysis was based on crater dimensions obtained by the SEMG, and data derived from witness reports and the available imagery. This specialist concluded that the NEQ of the blast was approximately 1,200 kg (TNT equivalent), as shown in Table 1, below.

Table 1: Summary of NEQ estimations

	<i>Methodology</i>	<i>NEQ (kg) estimate</i>	<i>Remarks</i>
1	US Homeland Security Table (Glazing Damage)	1,042	Based on damage to glazing at 480 m.
2	UK Building Damage Predictive Equations	1,255	Based on damage to buildings at 27 m and 54 m.
3	Italian Cratering Predictive Equations for Blast Loading of Concrete Paving Slabs	1,315	Based on the assumption that the distance between the road and the base of the truck was 0.45 m.
4	Mean of 1, 2, and 3	1,204	

² Report from independent explosives experts in Mogadishu received on 16 September 2017.

³ These findings were also peer reviewed and agreed by a UK-based qualified blast analysis engineer.

Figure 4: Blast crater.

UNMAS assessment

4. Experts at UNMAS reported to the SEMG their assessment that NEQ of the VBIED was between 200 kg and 500 kg.⁴ By the time UNMAS personnel accessed the scene, the crater dimensions and characteristics could not be properly assessed as the crater had been partially filled in. UNMAS stated that the damage to buildings close to the blast site required additional analysis, as it was not clear whether the damage was caused by the primary explosion or large pieces of fragmentation projected through the walls.⁵ UNMAS experts also suggested that a more detailed analysis of the damage to Peace Hotel is required, taking into account the original construction of the hotel.⁶

Figure 5: Damage to adjacent buildings.

⁴ Email received from UNMAS operations officer on 14 September 2017.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

Annex 1.4: Puntland IED seizures

1. During this mandate, Puntland has witnessed an increased IED threat from Al-Shabaab, possibly as a response to the group's rivalry with the expanding ISIL faction in Bari region.
2. On 26 April 2017, five suspected members of Al-Shabaab were arrested on the outskirts of Bosaso with IED components hidden inside containers loaded on a Suzuki vehicle.⁷ The components included explosives, detonator cords, and a 12-volt vehicle battery alarm, to be used as a source of power for the IED. There was also a remote-control device, as well as electric detonators manufactured in India (see "C-DET electric detonators", in annex 1.2 (strictly confidential)). The three cylinders captured in the seizure are commonly used by Al-Shabaab in the construction of roadside IEDs (see figure 3, below).⁸

Figure 1: IED components seized by Puntland security forces on 26 April 2017.

3. On 6 June 2017, the SEMG conducted interviews with the five suspects at Bosaso Central Prison. Four of the men admitted to being members of Al-Shabaab.
4. The SEMG noted that four of the suspects were from Baidoa, the capital of Bay region, the surrounding area of which is an Al-Shabaab stronghold. They had been instructed to travel to Puntland's Galgala region between three and seven months prior to their arrest. During that time, they were based in different locations in the Golis Mountains. According to the suspects, they met for the first time by the roadside along the highway to Bosaso on 26 April, and according to one of the prisoners, they were given their instructions by an Al-Shabaab leader named Abdullahi Mohamed. None of the prisoners admitted receiving IED training. They claimed that they had not seen the IED materials before they were loaded onto the vehicle.

⁷ Information and photographs received via SMS from a journalist in Bosaso, 26 April 2017.

⁸ Interview with explosives expert in Mogadishu, 13 June 2017, and via Skype, 22 August 2017.

5. The items discovered in the seizure suggest that the plot was at an advanced stage, and all the necessary components for an IED attack were present.⁹ On 30 June, the five IED suspects were executed by Puntland authorities.¹⁰

Figure 2: Seizure of IED components near Bosaso, Puntland on 30 May 2017.

6. In a second incident, on 30 May 2017, Puntland security forces arrested two people and seized explosives as well as other materials hidden in a truck carrying vegetables, at a checkpoint near Bosaso. They discovered explosive materials in cylindrical containers, computer drives, at least 16 radio aerials, military fatigues, and vehicle number plates from Somalia and Somaliland. According to Puntland security forces, the seized vehicle originated from Belet Weyne in Hiran region.

7. The presence of radio aerials suggests that they were to be used as a means of communicating internally within the cell, during the planning and execution of attacks.¹¹ Alternatively, the radio aerials could also have been intended for use components in a radio-controlled IED attack.¹²

Figure 3: Cylinders seized by Puntland security forces on 26 April 2017.

⁹ Interview an UNMAS operations officer in Mogadishu, 13 June 2017.

¹⁰ "Somalia's Puntland executes 5 Al-Shabaab militants", Xinhua, 9 April 2017. Available from http://news.xinhuanet.com/english/2017-04/09/c_136194170.htm.

¹¹ Interview with an UNMAS operations officer in Mogadishu on 13 June 2017.

¹² Ibid.

Annex 1.5: Al-Shabaab financing in Bay and Bakool regions

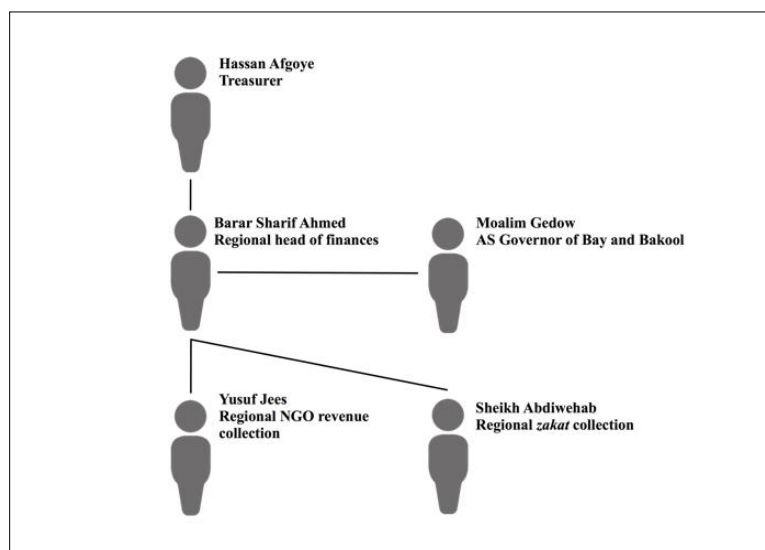
1. The following annex provides a snapshot of Al-Shabaab financing in Bay and Bakool regions, largely based on the testimony of a former Al-Shabaab senior finance officer, and partially corroborated by regional intelligence officials.

2. Al-Shabaab remains in control of considerable territory in Bay and Bakool regions. In addition, Al-Shabaab is currently running at least three training camps in the region.¹³ Al-Shabaab covers the costs of its regional operations in Bay — which includes paying salaries for soldiers, Amniyat operatives, and financial officers — through taxation at local markets and checkpoints. *Zakat* is also collected, once or twice a year.¹⁴ However, protection money paid by companies and NGOs is also transferred directly to the national-level Al-Shabaab Treasurer, Hassan Afgoye.¹⁵

Structure

3. Al-Shabaab has divided Bay and Bakool into five administrative regions: Baidoa, Berdale, Dinsor, Qansah Dere, and Burhakaba. Formerly, each administrative region had an autonomous financial officer, but significant defections during 2017 have prompted the centralization of Al-Shabaab's regional governance.¹⁶ Based on information from interviews conducted with Somali authorities and Al-Shabaab defectors, the financial structure of Al-Shabaab in Bay and Bakool is mapped in figure 1, as follows:¹⁷

Figure 1: Regional financial structure for Al-Shabaab in Bay and Bakool.

¹³ Intelligence report, 29 July 2017, on file with the Secretariat.

¹⁴ See S/2016/919, annex 1.6.

¹⁵ Interview with a defected Al-Shabaab financial officer, Baidoa, 30 August 2017.

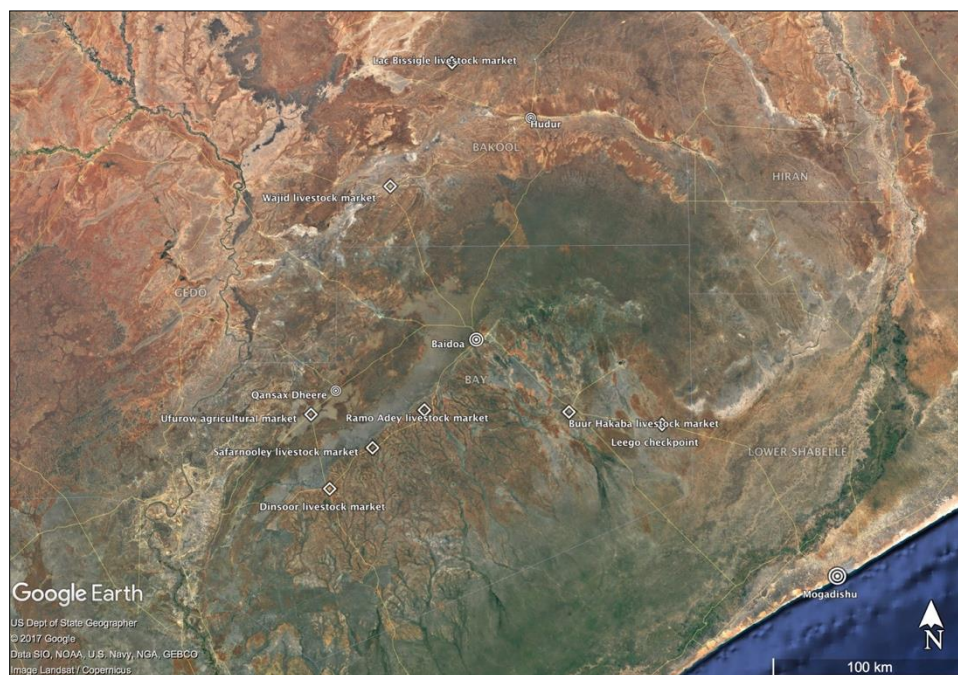
¹⁶ "Several al-Shabaab militants defect to government forces", Garowe Online, 24 July 2017. Available from <http://www.garoweonline.com/en/news/somalia/somalia-several-al-shabaab-militants-defect-to-government-forces>.

¹⁷ Interview with intelligence officer specializing in Al-Shabaab financing, Baidoa, 2 September 2017.

Revenue

4. Al-Shabaab derives significant revenue from taxation at local markets and checkpoints within Bay and Bakool regions. This includes revenue from livestock markets, agricultural exports, and checkpoint taxation of imported goods.¹⁸ For example, the checkpoint at Leego generates \$4,700 to \$5,000 per day taxing trucks arriving with goods from Mogadishu at a rate of \$800 each.¹⁹ The livestock market at Safarnooley generates an estimated \$30,000 to \$33,000 per week for Al-Shabaab, and the livestock market at Wajid generates an estimated \$17,000 per week for Al-Shabaab. Al-Shabaab also taxes trucks departing the agricultural market at Ufurow that are transporting local produce, such as maize and peanuts, for markets in Mogadishu.

Figure 2: Map indicating regional markets and checkpoints under discussion.

5. Major companies operating in Bay and Bakool are another source of revenue for Al-Shabaab. The Monitoring Group has received information regarding three companies, which pay Al-Shabaab a monthly sum of between \$25,000 and \$70,000 in exchange for the safety of their employees and security of their infrastructure.²⁰

¹⁸ Locations and Al-Shabaab revenue estimates provided by a NISA officer specializing in Al-Shabaab financing, interviewed in Baidoa, 2 September 2017; and locations and Al-Shabaab activities confirmed by another source in Baidoa, 4 September 2017.

¹⁹ This is marginally less than the typical rate of \$1,000 per truck at other checkpoints. Interview with intelligence officer specializing in Al-Shabaab financing, Baidoa, 2 August 2017, interview with intelligence officer, Baidoa, 1 September 2017.

²⁰ Interview with intelligence officer specializing in Al-Shabaab financing, Baidoa, 2 August 2017; and interview with an Interim South-West Administration official, Baidoa, 1 September 2017.

6. Al-Shabaab also extorts payments from NGOs operating in the region, and is increasingly generating revenue through kidnappings of NGO workers. On 8 August 2017, for example, four local staff members of a NGO were kidnapped in Burhakaba, Bay region. One was subsequently released while the other three were transported by the leader of the operation, Isaq Daliil, to Bullo Fulay, in Bay region. At the time of writing clan elders had started negotiations with Al-Shabaab on the release of the hostages. Al-Shabaab also conducted a number of abductions of local NGO staff during the mandate in Bay region, including where NGOs were fined for violating access agreements. Payments to secure the staff members' release have subsequently been negotiated between clan elders and Al-Shabaab.²¹

Expenditure

7. Revenues collected from local communities are primarily spent on the salaries of Al-Shabaab members working within the region. Tax collectors receive a salary of \$100 each month; soldiers receive a salary of between \$20 and \$150 each month; and Amniyat operators receive a salary of \$500 per month.²² A former Al-Shabaab operative whose responsibility was to distribute the salaries of Al-Shabaab forces within the region told the Monitoring Group that for local forces he distributed cash, and for troops further in the field he made payments using Taaj, a Somalia-based mobile money transfer service.²³

²¹ Interview with intelligence officer specializing in Al-Shabaab financing, Baidoa, 2 August 2017.

²² Interview with a defected Al-Shabaab financial officer, Baidoa, 30 August 2017.

²³ Ibid.

Annex 2.1: ISIL occupation of Qandala

1. On 6 March 2017, the SEMG conducted a day mission to Qandala by sea, facilitated by the Puntland President's Office and the Puntland Maritime Police Force (PMPF). From October to December 2016, Qandala had been the seat of the ISIL faction — and the first settlement in Somalia captured by the group — until it was retaken by Puntland forces in early December.
2. On 26 October 2016, between 80-90 ISIL militants swept into Qandala from the surrounding mountainside, declaring it the seat of the Islamic Caliphate in Somalia. According to local clan elders, a spokesman for the group urged residents to remain in the town and join the ISIL faction; one clan elder recalled the spokesmen boasting to the crowd that “we will capture Asia, Africa, and the whole world”.¹ However, representatives of the local inhabitants refused to assist the militants, telling them that they would vacate Qandala if ISIL remained. In response, the militants began ransacking the town, looting the police station, school, and the medical clinic, and torching residences. Prior to vacating Qandala in advance of approaching Puntland forces in December, the militants damaged the town's water reservoir with gunfire.
3. Residents of Qandala left the town during the ISIL occupation, and according to town elders many families remained displaced at the time of the SEMG's visit. Residents of Khooriga, a village just east of Qandala and a former arms smuggling hub, recounted that members of the group had threatened to kill anyone who did not agree with their interpretation of Islamic law, and reported a similar displacement of local inhabitants by ISIL militants.²
4. Residents of Qandala reported witnessing English-speaking foreign fighters among the group, including “whites”, but the SEMG has so far been able to confirm the presence of only a limited number of foreigners serving within the group.³ Identification of the militants was complicated by the fact that they covered their faces in turbans while in the town.

¹ Interviews with clan elders and other residents of Qandala, 6 March 2017. Residents identified the names of two spokesmen: “Asad” a.k.a. “Omar”, and “Usama” — almost certainly not their real names.

² Interviews with residents of Khooriga, 6 March 2017.

³ Interviews with clan elders and other residents of Qandala, 6 March 2017.

Figure 1: Arabic graffiti left by ISIL militants on the wall of the police station in Qandala, reading “The Islamic Caliphate on the path of the Prophet”.

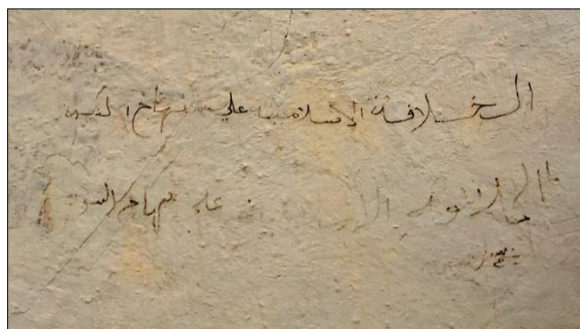

Figure 2: Residence used as a billet by ISIL fighters in Qandala, which they torched before leaving.

Isse Mohamoud Yusuf “Yullux”

5. At the time of the SEMG’s visit to Qandala, the bulk of the *Darawish* (Puntland regular forces) garrisoning the town — roughly 200 troops — were comprised of the militia of the former pirate and arms smuggler Isse Mohamoud Yusuf “Yullux”, a member of the dominant Ali Salebaan sub-clan and cousin of ISIL leader Abdulqader Mu’min.⁴ Prior to the offensive to retake Qandala, the Puntland administration had reached an agreement with “Yullux”, whereby his militia would be integrated into the *Darawish*; his forces subsequently participated on the frontlines of the offensive. However, the agreement later fell apart primarily due to a disagreement over pay, and “Yullux” retreated with his militia to his home town of Timirshe, where he has resumed his material assistance to the ISIL faction, including through the provision of arms and ammunition.⁵

Figure 3: Undated photograph of Isse Mohamoud Yusuf “Yullux”.

⁴ Isse “Yullux’s” activities have been detailed in several previous SEMG reports; see, for instance, [S/2013/413](#), annexes 1.7 and 3.1.c.

⁵ Interviews with an intelligence and a security officer in Bosaso, 8 March and 11 April 2017; interview with a former associate of “Yullux”, Nairobi, 18 April 2017; interview with Abdinasir Sofe, Chief of Staff to the Puntland President, Nairobi, 29 August 2017.

Captured weaponry⁶

6. By the time of the SEMG mission to Qandala on 6 March 2017, the weapons and ammunition captured from ISIL by Puntland security forces had already been redistributed. However, a local data collector from the UK-based organization Conflict Armament Research had previously photographed and documented six weapons and 161 rounds of ammunition captured from ISIL fighters in Qandala (see figures 4-7, below). Most of the weapons appear to be older legacy arms, which are difficult to trace. The bulk of the seized ammunition consisted of 12.7x108 mm rounds, likely intended for use with DShK heavy machine guns. According to intelligence sources in Puntland, as well as ISIL defectors interviewed by the SEMG, the majority of arms supplied to the ISIL faction originate in Yemen.

Figures 4: Several AK-pattern assault rifles, PK machine guns, 12.7x108 mm ammunition, and 7.62x39 mm ammunition. A rocket propelled grenade, and RPG munition.

⁶ Images in this annex courtesy of the UK-based organization Conflict Armament Research.

Figure 5: An RPG manufactured in Bulgaria (serial number IHH-17-56).

Figure 6: 12.7x108 mm ammunition; factory markings on the metal packaging indicate they were manufactured in the Russian Federation.

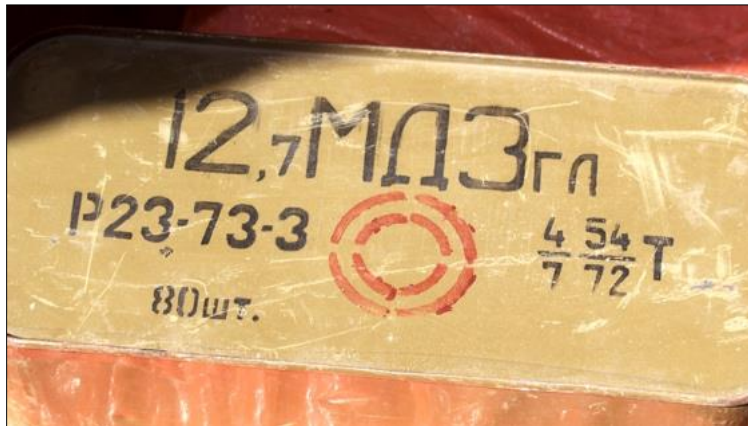

Figure 7: Norinco branded NP-34 pistol, a tracing request was sent to the relevant Member State on 3 July 2017 (S/AC.29/2017/SEMG/OC.81).

Annex 2.2: Leadership of the ISIL faction

1. Since its 2016 report (S/2016/920, annex 1.2), the SEMG has further developed its understanding of the Islamic State of Iraq and the Levant (ISIL) faction's membership and leadership structure, primarily through interviews with former members of the group facilitated by the Puntland administration.⁷ While the SEMG was able to confirm the names or *noms de guerre* of 14 ISIL leaders, their exact roles in the group are less clear; preliminary indications are that the ISIL leadership structure is less hierarchical and more fluid than that of Al-Shabaab, with individuals lacking rigid titles or functions.

- (a) Abdulqader Mu'min (Darod/Majeerteen/Ali Salebaan): Emir of the ISIL faction, former spiritual head of Al-Shabaab North-East (ASNE) in the Golis Mountains. Designated as a Specially Designated Global Terrorist by the U.S. Department of State in August 2016.⁸
- (b) Abdirahman Fahiye Isse Mohamud a.k.a. Ahmed Aden; Khalid; Yaqub; Burane (Darod/Harti/Deshishe): Deputy to Mu'min, second in command of the ISIL faction. Born in 1985 in Bosaso; former member of ASNE in the Golis Mountains. Identified by Puntland authorities as being the coordinator of the 23 May 2017 suicide bombing in Bosaso (see annex 2.5, strictly confidential).⁹
- (c) Mahad Moalim (Majeerteen/Ali Salebaan): cousin of Abdulqader Mu'min; previously reported to be Mu'min's deputy; current role may relate to preaching (*dawa*). Former member of ASNE in the Golis Mountains.
- (d) Abdihakim Dhuqub (Majeerteen/Ali Salebaan/Ismail Ali): Senior leader, aged 50-55 years; involved in the creation in 2004 of the first Bosaso cell of Al-Itihaad al-Islamiya (AIAI), an ideological predecessor to Al-Shabaab.¹⁰ Former member of ASNE in the Golis Mountains.
- (e) Abdiqani "Luqmaan" (Darod/Leelkase): Aged 25-30 years; lead commander in charge of military operations; former member of ASNE in the Golis Mountains.
- (f) "Abu Hafsa" (Hawiye/Galjaal): Deputy of "Luqmaan", aged approximately 30 years. Former member of Al-Shabaab from Hiran region; possible recruiter of fighters from southern Somalia in conjunction with an individual known as "Jabal".
- (g) Hamza Farey (Darod/Majeerteen): head of preaching (*dawa*) and orientation. Former member of ASNE in the Golis Mountains.

⁷ On 11 and 12 April 2017, the SEMG conducted interviews with 10 defected and captured ISIL fighters being held at Bosaso Central Prison.

⁸ U.S. Department of State, "State Department Terrorist Designation of Abdiqadir Mumin", press release, 31 August 2016. Available from <https://www.state.gov/j/ct/rls/other/des/266486.htm>.

⁹ According to information provided by a relative of Mohamud, he was born in 1985 in Bosaso, and joined the Al-Shabaab insurgency in the Golis Mountains in 2008 before switching his allegiance to the ISIL faction in October 2015 at the behest of his close associate Abdulqader Mu'min. He is described as 1.75 m in height and 70 kg in weight, light skinned, and bearded.

¹⁰ See S/2013/413, annex 1.7.

- (h) Abdibasid a.k.a. Mukhtar (Majeerteen/Ali Salebaan): aged approximately 30 years, but younger looking; possible role involves intelligence gathering and/or the procurement of weapons.

2. Other significant figures in the organization, identified through interviews with intelligence and security sources, as well as phone network analysis, include: Abdiweli Mohamed Aw-Yusuf “Walah” (Majeerteen/Ali Salebaan/Ismail Ali); Abshir Mahamoud Mire Mahamoud a.k.a. Abshir Gardhere; Jama Ismail Said Salah a.k.a. Jama Dhere; Ahmed Omar Ali “Beerdhagax” (a suspected arms supplier); Abdirahman Yusuf Mahamud Adan; and Mohamed Bile Gash Yusuf (see annex 2.3, strictly confidential, for a mobile phone network analysis of the ISIL leadership).

3. As noted in the SEMG’s 2016 report (S/2016/919, para. 28), the arms dealer and former pirate, Isse Mohamoud Yusuf, or “Yullux” (Darod/Majeerteen/Ali Salebaan), continues to provide material support, including arms and ammunition, to the ISIL faction.¹¹ “Yullux” had briefly integrated his 200-strong militia into the Puntland security forces, where they participated in the recapture of Qandala in November and December 2016. However, a dispute over pay with the Puntland administration led to “Yullux” to abrogate the agreement and withdraw his forces to his home area of Timirshe in May 2017, where he reignited his ties with ISIL leadership, including his cousin Abdulqader Mu’min.¹²

Phone network analysis of ISIL leadership

4. In contrast with the arms trafficking networks the SEMG has tracked in Puntland, phone network analysis of the ISIL faction presents a far greater challenge, inasmuch as ISIL leaders routinely change SIM cards to avoid detection and potential targeted kinetic action by local forces and Member States. Consequently, the SEMG’s analysis of ISIL phone records by necessity involves a more disjointed analysis across discrete, limited timeframes.

Abbas Mahamoud Yusuf

5. One such snapshot occurred between 10 November and 13 December 2016, during the ISIL faction’s occupation of Qandala. Abbas Mahamoud Yusuf, a local resident of the Qandala area, was forcibly recruited by the ISIL faction on 10 November, and tasked with supplying food, water, and other goods to the group.¹³ He reported his direct superior to be Abdiqani “Abu Sufiyan”, originally from Galkayo, and that “Abu Sufiyan” would regularly call him on his mobile phone, as did two other ISIL commanders.¹⁴ On 13 December, Yusuf was captured by Puntland forces in Qandala, and accordingly his phone activity ceased. Yusuf’s phone records, therefore, provide a useful window into ISIL mobile phone activity during the one month he worked for the group.

¹¹ Interviews with an intelligence and a security officer in Bosaso, 8 March and 11 April 2017; interview with a former associate of “Yullux”, Nairobi, 18 April 2017; interview with Abdinisir Sofe, Chief of Staff to the Puntland President, Nairobi, 29 August 2017.

¹² International agency security officer in Bosaso, 4 June 2017. The area around Timirshe remains a stronghold for the ISIL faction.

¹³ Interview with Abbas Mahamoud Yusuf in Bosaso Central Prison, 12 April 2017.

¹⁴ Ibid. Yusuf described “Abu Sufiyan” as approximately 40 years old, dark-skinned, with a large black beard and a bent little finger on his right hand. He believed “Abu Sufiyan’s” role within the ISIL faction involved preaching (*dawa*) and orientation for new recruits.

**Annex 2.3: Mobile phone analysis of Abbas Mahamoud Yusuf and the ISIL
faction (STRICTLY CONFIDENTIAL)***

Annex 2.4: ISIL attack on International Village Hotel

1. On 8 February 2017, two ISIL-affiliated gunmen stormed the International Village Hotel in Bosaso, in the first attack of its kind by the militant group. The likely target was the former governor of Bari region, Abdisamad Gallan, whose militia had joined with Puntland forces during the offensive to retake Qandala in November and December 2016.¹⁵ While the operation was poorly planned, it nonetheless demonstrated the group's ability and determination to carry out attacks in Puntland's economic capital.

Narrative of the attack

2. At 05:30 UTC +3 on 8 February, the two ISIL gunmen arrived at the main gate of International Village Hotel. According to a senior police official, one of the attackers was known to a hotel guard, which accounted for the guard's willingness to open the gate.¹⁶ Once the gate was open the attackers gunned down two hotel guards and entered the compound, proceeding along different routes towards Gallan's villa in a flanking manoeuvre.¹⁷

3. Gallan was protected by four bodyguards stationed outside his villa; presumably unknown to the attackers, a delegation of businessmen from the United Arab Emirates (UAE) was staying in a neighbouring villa, guarded by a detachment of six port police officers. The first attacker, who was in the courtyard without any cover, was killed by Gallan's bodyguards. Two of the bodyguards were also killed, and the remaining two were wounded. The surviving attacker then circled around the rear of Gallan's villa and was quickly shot and killed by the detachment of port police guarding the UAE villa.¹⁸ Additional Puntland police arrived at the hotel approximately 15 minutes after the assault had begun.

Analysis of the attack

4. While the attack demonstrated a higher degree of sophistication in intelligence-gathering than previously displayed by the ISIL faction, it lacked critical elements of planning. The attackers had obtained accurate intelligence on the villa at which Gallan was staying, and knew the identity of the guard on duty at the main gate. However, the planners committed a fatal tactical error in failing to account for the contingent of port police at the hotel, who, when combined with Gallan's bodyguards, meant the ISIL gunmen were outnumbered five to one while on a mission to penetrate a fortified compound.

5. Most critically, however, the attack demonstrated the ISIL faction's possession of a valuable resource: adherents willing to face a high or near certain risk of death while carrying out the group's objectives. A further demonstration of this asset occurred on 23 May 2017, when the ISIL faction conducted its first suicide attack in Somalia (see annex 2.5, strictly confidential).

¹⁵ Abdisamad Gallan had previously launched an armed insurgency against the Puntland administration in June 2016 following his dismissal as governor of Bari region, which the SEMG detailed in annex 8.10 of [S/2016/919](#).

¹⁶ Interview with senior Puntland police commander in Bosaso, 7 March 2017.

¹⁷ Interview with Abdisamad Gallan in Bosaso, 8 March 2017.

¹⁸ Ibid.

**Annex 2.5: May 2017 ISIL suicide bombing in Bosaso (STRICTLY
CONFIDENTIAL)***

Annex 3.1: Galkayo conflict: 7 October to 18 November 2016

1. In S/2016/919, the SEMG documented the outbreak of conflict between the Interim Galmudug Administration (IGA), the Puntland administration, and their allied militia in late 2016, and its impact on civilians.¹⁹ The most recent phase of the Galkayo conflict commenced on 7 October 2016.
2. The city of Galkayo has long been the site of tensions between the majority inhabitants of the north of the city — primarily Majeerteen/Omar Mohamud and Leelkase clans — and the south — Haber Gedir/Sa'ad.²⁰ Further to large scale conflict in 1991, the Mudug Agreement of June 1993 held relatively steadily for 22 years. The formation of the IGA in 2015, however, prompted renewed contestation for territories and resources.²¹ The conflict which erupted between the IGA, Puntland and their allied militia in November/December 2015 exacted a significant toll on the city's inhabitants, with 30 to 40 people killed, over 100 injured and the bulk of the population displaced.
3. The December 2015 agreement intended to prevent the reoccurrence of the conflict was poorly implemented.²² As noted by the SEMG in 2016,²³ by August 2016 a series of assassinations and attacks attributed to Al-Shabaab based in south Galkayo had reignited mistrust between the parties, with Puntland officials accusing actors in Galkayo of providing cover for the attacks. In the wake of a double vehicle-borne improvised explosive device (VBIED) attack on 21 August 2016 — which destroyed government offices and part of the hospital in north Galkayo — anger reached a crescendo.²⁴ Some in north Galkayo alleged direct collaboration between the south Galkayo administration and Al-Shabaab. Others asserted that the south Galkayo administration did not have the capacity to challenge Al-Shabaab and arrest the perpetrators of the attacks.
4. Puntland and the north Galkayo administration's response to the increasing insecurity was to impose severe restrictions on vehicle movements from south Galkayo, causing major disruptions to both commercial and humanitarian traffic.²⁵ The IGA responded with its own restrictions. Tensions deepened when 13 IGA-affiliated forces were killed in a US airstrike on 27/28 September 2016 at Jeehdin.²⁶ The IGA-appointed Governor for

¹⁹ S/2016/919, annex 7.4.

²⁰ See Interpeace and Peace and Development Research Centre, *Galkacyo Conflict Assessment, December 2016 – March 2017*, on file with the Secretariat (Galkayo conflict assessment); see also, Heritage Institute for Policy Studies (HIPS), *Galkacyo Conflict: Drivers, Contributors and Potential Solutions*, December 2016; and Zakaria Yusuf & Abdul Khalif, "Galkayo and Somalia's Dangerous Faultlines", available from <http://blog.crisisgroup.org/africa/somalia/2015/12/10/galkayo-and-somalias-dangerous-faultlines/> (accessed 22 September 2017).

²¹ For a description of the process which led to the creation of the IGA see S/2015/801, annex 1.1.

²² A Ceasefire Agreement was signed on 2 December 2015 between the Puntland and Galmudug administrations. It provided, inter alia, that displaced people would be facilitated to return home and that both administrations would facilitate humanitarian access.

²³ S/2016/919, para. 99.

²⁴ The attack killed 27 people and injured over 90. Interview with UN staff member, 2 July 2017, Galkayo; interview with staff of hospital in north Galkayo, 5 July 2017, Galkayo.

²⁵ The Puntland President issued two decrees setting out the ban and related procedures on 8 September and 16 September 2016. The ban was rescinded on 20 September, generating public outcry and a series of angry public demonstrations in north Galkayo. The Puntland Vice President, Abdihakim Abdullahi Amey, was one of the key drivers of the suspension, and later the construction of the livestock market — to facilitate management of the blockade — which was the trigger of the 2016 fighting.

²⁶ Galmudug officials told the SEMG that in addition to the 13 military personnel, seven civilians and

Mudug accused Puntland authorities of complicity in the attack, calling for the Galmudug security agencies to “adopt measures to respond to the blatant aggression staged by Puntland militia who misled US forces with clan-motivated intelligence and logistical support”.²⁷

The conflict

5. Open conflict broke out in Galkayo on 7 October 2016. Once again it was a controversial construction project on the boundary in Garsoor neighborhood, this time a live-stock holding area, which prompted the renewal of the conflict.²⁸ The fighting was subsequently concentrated in south Garsoor and Wadajir neighborhoods, with Horumar and Israac neighborhoods also affected. While local militia were the first to engage, state-aligned regional forces joined the fray the following day, and the conflict continued sporadically for approximately one month.

*Weaponry deployed*²⁹

6. Both sides deployed heavy weaponry in the conflict, including:

- Zu-23 anti-aircraft artillery;
- Field artillery (85 mm);
- DShK and RPGs;
- B-10 recoilless rifles;
- Mortars.

7. Puntland authorities also deployed Type T24 tanks.³⁰

8. Although Puntland allegedly had a BM-21 “Grad” truck-mounted multiple rocket launcher deployed in Galkayo at the time, the SEMG does not assess it was used in the conflict.

9. The SEMG received a credible but unverified report that 300 AK-pattern rifles were distributed to Omar Mahmoud militia operating in South Garsoor directly from the Office of the President of Puntland.³¹

livestock were also killed in the strike. They also noted that there had been a ground encounter between Puntland and Galmudug forces prior to the strike. Interview with security and administrative officials, south Galkayo administration, 4 July 2017.

²⁷ See “Galmudug State condemns aerial bombardment that killed, soldiers, civilians in central Somalia”, press statement, 30 September 2017, available from <http://www.qaranimo.com/news/2016/09/30/galmudug-state-condemns-aerial-bombardment-by-u-s-forces-that-killed-soldiers-civilians-in-central-somalia/>.

²⁸ The livestock holding area (6°45'19.78" N, 47°24'51.40" E) was intended to ease the impact of the restrictions on cross-boundary movement and the requirement that there be a vehicle change-over for goods and animals coming from the south. Many livestock had died during the early months of the imposition of the ban. Although the contract for the construction was given to a north Galkayo businessman, when he tried to share the contract with a southern partner there was strong pushback from the community.

²⁹ SEMG in-person and phone interviews with individuals present during the conflict in Galkayo, April to August 2017; examination of video footage available of the conflict on social media.

³⁰ See video posted by Horseed Media News, 14 October 2016, <https://www.youtube.com/watch?v=i8SHbmH5iEw> (accessed 22 September 2017).

Key actors

10. For the IGA and south Galkayo, the military was led by Abdelaziz Abdullahi Abdi “Qooje Dagaari”.³² Colonel Hassan Farah Karshe was also in command. The main political actors supporting the engagement were the IGA Minister of Security, Cismaan Ciise Nuur, “Taar Dhuleed” and the IGA Minister of Ports, Burhan Warsame Igaal (Haber Gedir/ Sa’ad/ Abdalle).

11. In north Galkayo, the main fighting forces consisted of Mudug-based units of the Puntland *Darawish* (regular forces) under the command of Lieutenant Colonel Abdirashid Mohamud Ashkir “Qodhob”. A contingent of Garowe-based Darawish, under the command of Colonel Jimcale Jaamac Takar, and the Qardho-based commander Cabdigaadir Cabdi Ciise “Caagadeyste”, were also deployed to provide further support.³³ General Said Mohamed Hersi a.k.a. “Sayeed Dheere”, Chief of the Puntland Defence Forces, was largely absent during the conflict, with lower-ranking officers on the ground reportedly by-passing his command.

12. South Galkayo authorities claimed that they had retrieved a Puntland Security Force (PSF) ID from the body of a dead combatant.³⁴ The SEMG was unable to verify this information and received no other information relating to the participation of the PSF, who have a base in Galkayo.³⁵

13. The Minister of Environment, Tourism and Wildlife, Ali Abdullahi Warsame (Majeerteen/ Omar Mohamud, and a Norwegian citizen) and the then Minister of Public Works, Housing and Transportation, Abdirashid Mohamed Hirsi (Lelkase), now Minister of Fishery and Marine Resources, were the main political actors driving the conflict on the Puntland side, appointing elders to muster the local community and mobilize clan militia and managing the financing of the war effort.³⁶ The Minister of Commerce Abdiweli Hersi Abdulle (Indhaguran) and Abdiqani Gelle Mohamed, the Minister of

State for Aviation and Airports were also on the ground, although the former actively engaged in the peace negotiations.

³¹ SEMG phone interview with individual with knowledge of the fighting, 10 August 2017. See video of fighting involving militia at Garsoor village in Galkayo, date indeterminate. Available from https://www.youtube.com/watch?v=_E3DseWi3E4 (accessed 22 September 2017).

³² Commander Dagarri was later dismissed from his position by IGA President Ahmed Duale “Haaf”.

³³ See video footage of contingent of Puntland forces listing to speech by Colonel Jimale and receiving the welcome of the community at https://www.youtube.com/watch?v=_XX8AFhFAOQ (accessed 22 September 2017). Colonel Jimale assures his troops that they are well prepared and equipped and thanks the Puntland leadership for their support in terms of morale and logistics.

³⁴ SEMG interview with security and administrative officials, south Galkayo administration, 4 July 2017.

³⁵ Abdirahman Mahmoud Haji Hassan, the Director of the Puntland Maritime Police Force (PMPF) was in Galkayo for some of the conflict period, along with some of his forces and vehicles but there were no reports that they actively participated in the conflict.

³⁶ Reflecting their antagonistic stance towards the peace negotiations, Warsame and Hersi were ordered by President Abdiweli Mohamed Ali “Gass” to withdraw from Galkayo in June 2017, in order to facilitate the signing of the 22 June accord (see below). Hersi later engaged in the process, however, and was present at the September 2017 peace conference.

Allegations of involvement of federal forces

14. During the 2015 phase of the conflict, Puntland had alleged that the FGS had provided weapons in support of IGA forces.³⁷ During the 2016 conflict, Puntland claimed that a unit of the National Intelligence and Security Agency (NISA) forces, based in Adado, participated in support of Galmudug. On 12 October Minister Ali Abdullahi Warsame presented two defected soldiers at a press conference in north Galkayo.³⁸ The defectors claimed to be NISA personnel, who had fought against Puntland under the command of NISA's Ali Dhere.³⁹

Non-governmental actors

15. In comparison with the 2015 phase of the conflict, the Galkayo business community was more actively involved in the fighting in 2016. While in 2015 the community had largely played a conciliatory role between the two sides, during the hostilities in 2016 key figures provided logistical support — including food and fuel — to the combatants.⁴⁰ Certain clan elders also energetically mobilized to prolong the conflict, including on social media.

Aggravating factors

16. The historically rooted origins of the conflict and the upheaval caused by the creation of the IGA which sharpened clan divisions, have been described above. There were three additional interlinked factors: the role of the media; the role of Al-Shabaab and its relationship with the parties to the conflict; and the conflict economy.

*Media*⁴¹

17. Both parties to the conflict deployed media outlets to leverage fears.⁴² Local media — particularly radio — were used to fuel tensions, circulate misinformation, and generate

³⁷ See, for example, “Somalia: Federal Govt delivers arms consignment to Galmudug”, Garowe Online, 27 November 2015, available from <http://www.garoweonline.com/en/news/puntland/somalia-federal-govt-delivers-arms-consignment-to-galmudug-report>.

³⁸ See video of the press conference at <https://www.youtube.com/watch?v=i8SHbmH5iEw> (accessed 22 September 2017).

³⁹ Unofficial translation of statements of Omsan Abdullahi Jama and Abdi Osman Mahmoud, on file with the Secretariat. The two Marehan soldiers identified themselves and described how they were NISA personnel based in Aadado, where they had assisted with the securing the state formation process. Their involvement in Galkayo had begun when they had been told that there were being deployed to deal with clearing a roadblock on the Galinsoor-Galkayo road near Banderadley, but then found themselves taken to the city and ordered to fight. They then defected.

⁴⁰ Some who spoke to the SEMG linked the greater involvement of the business community to Al-Shabaab's increasing influence and control of the conflict dynamic.

⁴¹ For an overview of challenges to freedom of expression in Somalia and the role of the media, see UNSOM Human Rights, Report on the right of freedom of expression: striving to widen democratic space in Somali's political transition, available from http://www.ohchr.org/Documents/Countries/SO/UNSOM_FreedomExpressionReport_Aug312016.pdf (accessed 22 September 2017).

⁴² The levels of fear and mistrust between populations on either side of the line dividing Galkayo is such that some civilians opt never to venture to the other side, creating what has been described as an “*Isbaaro*

waa Qalbi” or a “clan-defined roadblock”. The Galkayo conflict assessment found that, “the media are perceived as a key aggravating actor in north and south Galkacyo, igniting tensions and fueling conflict, yet present huge potential for resilience and positive impact”.

support for the prosecution of the conflict more broadly. These broadcasts contributed both to the virulence and length of the hostilities, and incentivized fundraising in support of the conflict. This was recognized in the 1 November 2016 agreement which halted the conflict: one of the five key provisions was an undertaking to “refrain from anything exchanged through the media that can create conflict”.⁴³

18. Social media, including chat groups, was also exploited. The SEMG documented how particular elders and others in diaspora fuelled the fighting — and later opposed peace efforts — using the tool.⁴⁴ In the context of the Puntland Vice President’s arrival in Galkayo for the September 2017 peace conference, for example, one elder told his community that the Vice President’s intention was to give their land to Galmudug and that they should be prepared to confront him. Evidence indicates that his words sparked mobilization of militia in north Galkayo. Social media was also used, including by individuals in diaspora, to incite attacks to impede the peace negotiations.

*Al-Shabaab*⁴⁵

19. Al-Shabaab operations and influence were strengthened by the outbreaks of conflict in Galkayo in 2015 and 2016. The 2015 hostilities created space for the group’s expansion into Puntland during 2016; the second phase enabled consolidation of those gains.

20. As in many parts of Somalia, Al-Shabaab in Galkayo cultivated a presence in all strata of society, from traditional elders and clan militia, to businessmen, to military and government officials.⁴⁶ Al-Shabaab thus became a party to, and resource used by parties to, the conflict. For example, the businessman Abdirisak Hussein Tahlil (Alol Geel) was one of those who prominently assisted the troops on the Galmudug side with logistic support during the conflict.⁴⁷ In late July 2017, he was arrested by Puntland and US forces and accused of involvement in Al-Shabaab operations.⁴⁸

21. Al-Shabaab in turn leveraged its influence and ability to intimidate within clan, business, military and political structures on both sides, in order to prolong the conflict. In addition to contributing to conflict operations, Al-Shabaab actively attempted to prevent resolution efforts: one individual with knowledge of the peace negotiations told the SEMG that in Galkayo throughout 2017 Al-Shabaab regularly called certain elders and directed them to sabotage the effort.⁴⁹ Payments were also made to induce collaboration.

⁴³ Communique from Member States of the Federal Government of Somalia, Puntland, Jubbaland, South-West, Galmudug and HirShabelle, 1 August 2017, on file with the Secretariat.

⁴⁴ The SEMG reviewed copies of circulated material, details suppressed in order to safeguard interlocutors.

⁴⁵ Conversations with security and civil society experts in Galkayo and Nairobi, April to July 2017.

⁴⁶ The SEMG was provided with details of senior military and political figures connected with both administrations who were alleged to have close family or other links with named Al-Shabaab members, including allegations that a number were in close communication with Al-Shabaab throughout the conflict. The SEMG was not able to verify this information.

⁴⁷ Another prominent South Galkayo businessman, “Abass” — alleged to be allied with Al-Shabaab — was observed by some in the community wearing a military uniform during the fighting. SEMG phone interview with individual with knowledge of the conflict, 11 August 2017.

⁴⁸ See para. 18.

⁴⁹ SEMG interview with NGO staff member, 24 April 2017, Nairobi.

Conflict economy

22. In previous inter-clan conflicts the SEMG documented how social media was used to raise money in the diaspora, not only for humanitarian support, but also to purchase logistics and weapons to support and prolong the fighting.⁵⁰ In Galkayo, diaspora funding facilitated the payment of medical treatment for fighters, and the procurement of fuel, weapons and ammunition. A recording of a conversation between an IGA commander and an individual in diaspora during the conflict, for example, includes expressions of thanks to those outside the country for their willingness to support the fighting.⁵¹ The SEMG received information on one instance in which military leaders in north Galkayo specifically sought funds from both the local population and the diaspora to “defend the community” and subsequently bought more heavy weaponry.⁵²

23. Credible allegations emerged late in the SEMG’s investigation, however, of an additional dimension: that certain individuals among the military, political and clan leadership deliberately created opportunities to profit from and prolong the conflict. Through a variety of social media platforms — including the messaging apps WhatsApp and Telegram — these actors warned of imminent threats against their communities, and the need for funds to counter them. Some of this money was simply diverted. In one instance documented by the SEMG, a group of elders requested funds to help mobilize a sub-clan which had not yet joined the conflict: funds were sent and subsequently appropriated for private gain.

24. The conflict was also funded from regional budgets: in Puntland it was claimed by one SEMG source that five per cent of revenue from Bosaso port — estimated at approximately \$20,000 per week — was allocated to the conflict during some of the period. There were credible but unverified allegations that some of these funds were embezzled by government officials.

⁵⁰ During its investigation into the Hawalde-Surre conflict in Hiran between 2013 and 2015, for example, the SEMG received evidence of fundraising for the parties in the UK. For an account of that conflict see S/2015/801, annex 6.3 (a) and strictly confidential annex (b).

⁵¹ See https://www.youtube.com/watch?v=JhuLb_10Z3Q (accessed 22 September 2017). The Commander expresses appreciation for the supplies which have been brought to the battlefield and promises that the apostates will be destroyed. Although the title of the recording indicates the speaker is the Commander of the IGA forces, General Daagari, the SEMG has been able to verify that it was not him, but another unnamed IGA commander.

⁵² SEMG phone interview with an individual from Galkayo with knowledge of the request and the outcome, 21 July 2017, Galkayo.

Impact of the conflict on the civilian population⁵³

25. In contrast with the 2015 phase of the conflict, in 2016 the fighting was largely concentrated away from the centre of the town.⁵⁴ Nevertheless the 2016 conflict had severe consequences for civilians in Galkayo.⁵⁵ Over 90,000 people were displaced — many for the second time since 2015, including all internally displaced persons in south Galkayo.⁵⁶ When the most violent phase of the conflict came to an end in early November 2016, the UN assessed that 45 people had been killed and 162 injured.⁵⁷ Other casualty estimates were much higher: one NGO calculated that 100 people were killed and over 200 injured between early October and late December 2016.⁵⁸

26. Significant civilian harm was caused by indiscriminate and disproportionate fire. The UN assessed, for example, that at least 88 civilian casualties were the result of indiscriminate shelling between Puntland and IGA forces.⁵⁹ Residential compounds in southern Garsoor, mostly deserted by civilians, were also damaged in the fighting. At the height of the conflict the hospital in south Galkayo was forced to move its patients to a location seven kilometres outside the town when a mortar shell landed 150 metres from the facility.⁶⁰ Officials in south Galkayo told the SEMG that 5 Star Hotel, the University of Galkayo and numerous civilian homes were damaged by shelling by Puntland forces.⁶¹

27. There were reports of other violations against civilians, including an increase in incidents of sexual and gender-based violence in the wake of rounds of combat, and abductions of civilians.⁶²

28. The conflict dangerously undermined community reserves in a time of drought with families forced to rent vehicles to flee and to forgo income-generating activities. Early in the conflict, for example, food aid was required for an estimated 60,000 people displaced from the north of the city.⁶³ Even when the conflict ended, many families were unable to send their children back to school due to the collapse of their livelihoods.⁶⁴

⁵³ See, Human Rights Watch, “Dispatches: Clashes in Galkayo, Somalia Harm Civilians -Tens of Thousands Displaced by Three Weeks of Fighting”, 25 October 2016, available from <https://www.hrw.org/news/2016/10/25/clashes-galkayo-somalia-harm-civilians>.

⁵⁴ One interlocutor suggested that international community statements on civilian harm at the end of the 2015 conflict impacted this decision, although few agreed with this analysis. SEMG interview with a humanitarian worker, 10 November 2016.

⁵⁵ SEMG interviews with UN and NGO staff members, 1-5 July 2017, Galkayo.

⁵⁶ For an assessment of the initial impact of the fighting on civilians, see, OCHA Somalia, “Flash Update #2 Humanitarian impact of fighting in Gaalkacyo”, 24 October 2016.

⁵⁷ By 10 November 2016 OCHA was reporting that 90,000 had been displaced 45 killed and 162 injured. See OCHA Somalia, “Flash Update #3 Humanitarian impact of fighting in Gaalkacyo”, 10 November 2016.

⁵⁸ Confidential NGO report on file with Secretariat. North Galkayo hospital, for example, recorded treating 60 wounded fighters and 11 wounded civilians during the October/November conflict period. Email from medical official, 22 July 2017.

⁵⁹ Internal UN report reviewed by the SEMG.

⁶⁰ SEMG interview with medical staff in south Galkayo, Galkayo, 4 July 2014.

⁶¹ SEMG interview with security and administrative officials, south Galkayo administration, Galkayo, 4 July 2017.

⁶² On 30 October 2016, for example, Sa’ad and Omar Mohamud elders exchanged four civilians who had been abducted by militia from both sides from the green line the previous week. Email from an NGO staff member, 1 November 2016.

⁶³ For an overview of the immediate humanitarian impact of the conflict see OCHA, “Consolidated Inter-

29. Beyond the community in Galkayo, the blocking of the Bosaso-Galkayo corridor — the main supply route for World Food Programme (WFP) supplies to Mudug, Galgaduud and Hiran regions — significantly increased the cost of delivery to beneficiaries in those areas. It also had an adverse impact on the cost of transporting commercial goods, further undermining drought resilience.⁶⁵

30. Due to the location, direction and intensity of the fighting, most of those killed or injured were combatants: the scale of these casualties was the most difficult to assess. One estimate provided to the SEMG by a humanitarian worker present during the conflict was that at least 80 fighters were killed on the Puntland side and likely more on the Galmudug side. A hospital in south Galkayo recorded 71 casualties on one day during the fighting in October — mostly combatants — of whom 10 died.⁶⁶

Responsibility for international crimes

31. Almost all those who offered suggestions for a resolution in Galkayo cited the need for action to be taken against those who commit international crimes.⁶⁷ As noted above, with widespread use of indiscriminate and disproportionate fire, targeting of civilian areas, and large-scale forced displacement, there was credible evidence that international crimes were committed on both sides during both phases of the conflict.⁶⁸

32. In a joint statement in the midst of the 2015 Galkayo conflict, key members of the international community came together declared that they would “not tolerate impunity and the continued needless killing of innocent civilians”.⁶⁹ They added that “[t]hose found to be responsible [...] of the killing and displacement of civilians must be held accountable” and that “[a]ny deliberate shelling of civilian areas of Gaalkacyo may constitute crimes against humanity that must be fully investigated and vigorously prosecuted”.

Cluster Rapid Assessment Report, Impact of Fighting in Gaalkacyo”, 19 October 2016.

⁶⁴ SEMG Skype interview with resident of Galkayo, 28 July 2017. Education results for local children deteriorated due to lengthy school closures. Email from a community leader, 21 July 2017. Both the 2015 and 2016 conflicts had a visible impact on the economy of Galkayo, with businesses closed or transferred to other cities. In Galkayo in July 2017 the SEMG met with a number of people who described how they had sent their families to live elsewhere in Somalia after the first round of the fighting.

⁶⁵ SEMG interview with a senior humanitarian official, 24 July 2017.

⁶⁶ SEMG interview with director of a south Galkayo hospital, 4 July 2017.

⁶⁷ The Heritage Institute recommended that, “[t]here should be no impunity for individuals fueling or allowing the continuance of the Gaalkacyo conflict. They should be held accountable for their actions. The killing and displacement of civilian population is a serious violation of national and international humanitarian law. The UN should take a leading role in the investigation of violations of human rights and humanitarian law committed in Gaalkacyo”. Heritage, *op cit* at footnote 2. For an analysis of the culture of impunity across different layers of political and social life in Galkayo which has contributed to the virulence of the conflict, see Galkayo Conflict Assessment, *op cit* at footnote 2.

⁶⁸ Somalia is not a party to the Additional Protocol II to the Geneva Conventions governing non-international armed conflicts. It is, however, a party to the four Geneva Conventions which it ratified on 12 July 1962. Common article 3 sets out the minimum standards which apply to conflicts “not of an international character”. There is also an extensive evolving body of customary international law governing the conduct of non-international armed conflict.

⁶⁹ “International community condemns renewed outbreak of fighting in Gaalkacyo”, statement issued on behalf of the United Nations, the African Union Mission in Somalia (AMISOM), the Inter-Governmental Authority on Development (IGAD), the European Union (EU), the United States, the United Kingdom, Sweden and Italy, 3 December 2015, available from <https://unsom.unmissions.org/international-community-condemns-renewed-outbreak-fighting-gaalkacyo>.

33. No prosecutions ever took place. Further, when conflict did break out again in October 2016, despite multiple statements by UNSOM and international partners on the crisis in 2016, the issue of accountability was not addressed. Nevertheless, all the same factors, actors and elements of civilian harm were present.

Ceasefire and aftermath of the conflict

34. On 1 November, the parties announced that an agreement had been reached in Abu Dhabi. Both sides would enforce a ceasefire, refrain from inflammatory media statements, and appoint a joint committee to work on finding a lasting solution, with a meeting in Kismayo scheduled for 20 November 2016 for further discussions.⁷⁰ The November meeting never occurred. A ceasefire came into effect on 18 November with the creation of a 2 km long buffer-zone between both sides, and the establishment of an 18-member Joint Ceasefire Committee (JCC).⁷¹ Two key elements of the agreement — the complete withdrawal of forces to their original bases and the removal of roadblocks — were slow to materialize.

35. On 30 November, there was further exchange of fire between the parties, resulting in injury to civilians, and damage to a school and a community centre in north Galkayo and south Galkayo, respectively.⁷² Sporadic fighting continued during December 2016 including one incident in which a shell landed in a UN compound.⁷³

36. On 1 January 2017, the parties once again renewed their commitment to resolving the conflict with the signing of a new agreement in Mogadishu, including an undertaking to allow movement of vehicles and population between the two regions.

37. Despite continued assassinations of government and security officials in north Galkayo during February and March 2017,⁷⁴ Puntland finally agreed to remove checkpoints on the boundary on 30 March.⁷⁵ The IGA reopened the road to Hobyo but did not clear its most controversial roadblock on the road to Adado.⁷⁶

38. Assassinations in Galkayo in April and May continued to stoke tensions. On 22 April 2017, for example, Al-Shabaab claimed responsibility for the killing of a member of the Puntland Presidential Guard in Issrac neighbourhood. Encounters between Sa'ad and Omar Mohamud clan militia and civilians in rural areas continued periodically with an attack by one clan prompting reprisal by the other.

39. The inauguration of a new IGA president, Ahmed Duale Gelle “Haaf”, on 29 May 2017 provided an occasion for renewed commitments to easing the conflict, including an undertaking by the IGA to open the Adado road.⁷⁷ Although inter-clan violence contin-

⁷⁰ Communiqué, “Member States of the Federal Government of Somalia, Puntland, Jubbaland, South West, Galmudug and Hirshabelle”, 1 November 2016, on file with the Secretariat.

⁷¹ The international community created a Gaalkacyo Ceasefire Team – Advisory Group (GCTAG) to support the JCC. Interview with UN official, 30 June 2017, Nairobi.

⁷² Email UN staff member, 31 November 2017.

⁷³ Security assessment reports and pictures of the shell and debris provided to the SEMG, on file with the Secretariat.

⁷⁴ On 8 March, for example, MP Abdul Qadir Farah Botan was seriously injured when an IED attached to his car exploded. He later died in hospital in Nairobi.

⁷⁵ SEMG interview with UN official, Galkayo, 2 July 2017.

⁷⁶ Some interlocutors asserted that the persistence of this roadblock was heavily influenced by Al-Shabaab.

⁷⁷ The directive was not able to be put into effect. One interlocutor with close knowledge of the security

ued, negotiations between the administrations and local authorities finally culminated in a new agreement between the IGA and Puntland administration on 22 June 2017.⁷⁸ The agreement stipulated a new set of mechanisms and arrangements intended to deescalate the conflict, enhance security cooperation, and build inter-communal trust.⁷⁹ These included the establishment of a joint police unit to conduct monitoring of boundary areas and collaborate against terrorism; a guarantee of access to grazing areas for both communities; and the launching of awareness campaigns to restore community confidence. The agreement was negotiated by a 23-member joint ad hoc committee, consisting of a range of local and regional elements from both sides.⁸⁰

40. After protracted and fragile negotiations, the joint police unit was established in mid-July 2017.⁸¹ The graduation ceremony for 100 members of the unit was celebrated on 8 August, and a new joint base for the force declared. If successful, the joint patrol mechanism could serve as a model for tackling conflicts in other areas in Somalia. At the time of writing, however, there remained many threats to its success, ranging from deliberate sabotage by spoilers,⁸² to the risk of further insecurity prompting the withdrawal of forces by both sides, to the failure to find a sustainable funding instrument.⁸³

41. In early September a new peace conference, led by the IGA and Puntland Vice Presidents, was convened. The Communique adopted by the parties contained important new elements, for the first time directly addressing two key areas: accountability for violence and challenging spoilers to peace. The new elements included: holding of a reconciliation conference within 90 days; decision making on accountability for incidents since the Balibusle killings,⁸⁴ and the drafting by the Peace Committee of a law to contain the

dynamics in Galkayo alleged that the blockade is effectively operated and controlled by Al-Shabaab through clan militia, against which authority the local and regional administration is powerless.

⁷⁸ On 13 June 2017, four children aged between five and 16 years old and their mother, Shekaal clan, were killed, and another woman injured, by Sa'ad militia at Balibusle. The militia had mistakenly thought that the family belonged to the Omar Mohamud clan. The targeting of women and children however was a very unusual element. Interviews with UN and NGO staff in Galkayo, 1 to 4 July 2017.

⁷⁹ Communique, Galkayo, Puntland and Galmudug Administrations, 18 June 2017. Text of English translation on file with the Secretariat. The agreement was drafted and agreed on 18 June and signed on 22 June.

⁸⁰ The joint ad hoc committee which negotiated the agreement comprised 23 members each side: 11 elders and intellectuals, four security officials, four politicians, the governor, the mayor, and two representatives from the religious and business community. This committee replaced the 18 member JCC created by the November 2016 agreements. It has not met since the 18 July 2017 dissolution of the Puntland cabinet.

⁸¹ SEMG interview with UN staff members 1-6 July 2017, Galkayo. Violence escalated during the period of the negotiations appearing almost deliberately designed to create tensions between the parties. When the SEMG met with south Galkayo officials during the period, for example, they expressed serious concerns about the commitment of the community on the Puntland side. They described, for example, how on 24 June one woman was raped by a Puntland *Darawish* soldier outside Jexin, and the following day a woman was shot in the market in Galkayo. Interview with security and administrative officials, south Galkayo administration, 4 July 2017.

⁸² On 6 July, for example, an elder/businessman involved in the peace process, Abdirisak Musa el Nour "Jaxeere", was killed by a IED attached to his vehicle. He had also been part of a committee responsible for fundraising for the Puntland military campaign against Al-Shabaab in March 2016. During July, inter-clan militia violence continued in the rural areas.

⁸³ The Puntland authorities undertook to fund the joint patrol — elements from both sides — for the first three months.

⁸⁴ See footnote 81, above.

criminal incidents. Finally, the agreement also provided that the parties would recognize spoilers and “jointly face” those “against the implementation of the peace and reconciliation between the brethren people of Galmudug and Puntland”.

Annex 4.1: Currency management

1. The Monitoring Group investigated unregulated currency printing in Puntland during its previous mandate, concluding that counterfeit currency printed in the State Bank of Puntland without any regulation or approval from the Central Bank of Somalia had caused inflation and civil unrest on multiple occasions.¹ In resolution 2317 (2016) the Security Council expressed “concern at the generation and distribution of counterfeit Somali currency”.² The investigations conducted by the Monitoring Group during the current mandate indicate that counterfeit currency is still being distributed in Puntland, and the impact on peace and security has been significant. Puntland businessmen refer to the newly printed 1,000 shilling notes — which are often found in neat, plastic wrapped bundles and display sequential serial number — “Puntland money”.

Figure 1: “Puntland money” at currency market in Bosaso in March 2017.

2. On 10 January 2017, the Inji market in Garowe was shut down after a protest against fluctuations in the Somali shilling turned violent. A non-violent protest occurred on the following day at the Parliament building of Puntland. On 26 January, another demonstration in Inji market ended up with police dispersing the crowd by firing at it.³

3. On 6 February, Puntland Presidential Guards protested over unpaid salaries in Garowe. The cashier assigned to process the guards' salaries was abducted, but he was released later the same day. Another protest was held in Garowe on 26 February by the *Darawish* (Puntland regular forces). The protests ceased on 27 January at the same time as significant quantities of counterfeit Somali shillings appeared to the money exchange market in Garowe, strongly indicating that the Puntland forces had been paid in freshly printed money.⁴ Open source and confidential security reports from April and May 2017

¹ See S/2016/919, annex 4.1.

² See paragraph 18 of resolution 2317 (2016).

³ Confidential security report, 11 January 2017.

⁴ According to currency traders, it is often Puntland soldiers who bring counterfeit money to be exchanged. Phone interview with a Somali businessman in Garowe on 6 March 2017. “Puntland troops seize parliament HQ in Garowe over unpaid salaries”, Garowe Online, 26 February 2017. Available from <http://www.garoweonline.com/en/news/puntland/somalia-puntland-troops-seize-parliament-hq-in-garowe-over-unpaid-salaries>.

indicate that the security forces of Puntland were again on the brink of mutiny because of unpaid salaries.⁵

4. The unrest fuelled by “Puntland money” spread to Hiran region at the beginning of July. On 1 July, the members of the local business community in Belet Weyne refused to accept Somali shillings as a method of cash payment, insisting on US dollars.⁶ Demonstrations turned violent on 6 July, when a mob angered by the inflation started looting stores and *hawalas*. The market remained closed despite the efforts of the local authorities, who tried to enforce the validity of the Somali shilling. Dollar-based mobile payment services were shut down as well. The cabinet of Puntland issued a statement on 6 July accusing Al-Shabaab of banning the use of the Somali shilling, and demanding people not comply. A representative of the Puntland administration later told the SEMG that the crisis had been caused by “Al-Shabaab, and no one else”.⁷

5. Riots fuelled by the introduction of “Puntland Money” spread to Galkayo on 20 July. On 2 August, at least 15 people were injured when hundreds of violent protestors took to the streets of Bosaso, blocking the roads and looting stores. The demonstrations continued on the following day and the market remained closed. On 5 August, local businessmen were arrested for not accepting the Somali shilling, and on 6 August the governor of Bari region and the Minister of Finance of Puntland held a press conference declaring a fixed rate for the Somali shilling, and threatening anyone who would not comply, or who would not accept “old and new currency”, with arrest.⁸

6. Also in July, businessmen in Khatumo region gradually abandoned the Somali shilling and eventually only accepted US dollars and occasionally Somaliland shillings. The final decision to stop using the Somali shilling was made in a meeting of businessmen headed by the Somaliland governor of Sool region, Abdi Khayre Dirir, on 13 July. The representatives of the Khatumo business community informed the Monitoring Group that a vast shipment of counterfeit 1,000 Somali shilling notes had arrived from Garowe by road, and that the Somaliland troops manning the checkpoint at the border had let it pass uncontested. As a result, the Somali shilling became practically worthless and the markets and shops in Las Anod closed.⁹ By mid-September, the civil unrest had spread to other parts of Sool as well as Sanaag in Somaliland, and violent protests fuelled by the countermeasures taken by the local authorities — including mass detentions of currency

⁵ “Puntland soldiers stage mutiny, block main highway”, Garowe Online, 22 May 2017. Available from <http://www.garoweonline.com/en/news/puntland/somalia-puntland-soldiers-stage-mutiny-block-main-highway>.

⁶ Businessmen in Dhusamareb solved the problem by switching from the Somali shilling to the Ethiopian birr. Confidential security report, 12 July 2017.

⁷ Interview with the Puntland President’s Chief of Staff, Abdinasir Sofe, Nairobi, 29 August 2017.

⁸ The exchange rate was set at SOS 28,000 to 1 US dollar. See: “Bari Governor warns foreign exchange and business owners over rejecting shilling”, Raxanreeb, 3 August 2017. Available from <http://www.raxanreeb.com/2017/08/somalia-puntlands-bari-governor-warns-foreign-exchange-and-business-owners-over-rejecting-shilling/>.

⁹ Phone interview with a Khatumo-based businessman on 15 and 16 August. The events were covered by local media, see for example: “Somaliland oo gobolka Sool ka joojinaysa Lacagta Sh. Somali-ga”, Garowe Online, 14 July 2017. Available from <http://www.garoweonline.com/so/news/somaliland/somaliland-oo-gobolka-sool-ka-joojinaysa-lacagta-sh-somali-ga>.

traders refusing to comply with the fixed exchange rates introduced by the Minister of Finance of Puntland on 3 August — continued in Puntland.¹⁰

7. Though the President of Puntland, Abdiweli Mohamed Ali “Gass”, denied the existence of “Puntland Money” in a Parliament session held on 6 August, the Monitoring Group concludes the Puntland authorities continue to pay the salaries of the security forces by printing counterfeit money with a printing machine located in the State Bank of Puntland, Bosaso.¹¹ Both unregulated currency printing and the countermeasures taken by the Puntland administration against inflation not only endanger the peace and security in Somalia, but also promote the dollarization of the economy and complicate the goal of achieving an independent monetary policy in Somalia. The direct effect is most severe on the poorest consumers, who do not have access to US dollars.

¹⁰ Confidential security reports, 31 August, 5, 7, 11, and 13 September 2017. A phone interview with an FGS source, 13 September 2017. “Puntland faces worst Currency and Inflation crisis in its history”, Garowe Online, 23 August 2017. Available from <http://www.garoweonline.com/en/news/puntland/somalia-puntland-faces-worst-currency-and-inflation-crisis-in-its-history>.

¹¹ The former Deputy Minister of Finance, Ahmed Yassin, gave an interview to local media on 7 July 2017 admitting that his administration has a currency printing machines in Bosaso: “Money printing is important since there is a shortage of the current Somali banknotes in circulation. We have controlled a lot, but later we have noticed that it caused inflation in the exchange markets”. See also: “A member of Parliament accuses President Gaas of printing fake money”, Garowe Online, 7 August 2017. Available from <http://somaliamediamonitoring.org/august-7-2017-daily-monitoring-report/>.

Annex 4.2: Abdullahi Mohamed Nor

Jazeera Properties and the construction of a seaside hotel

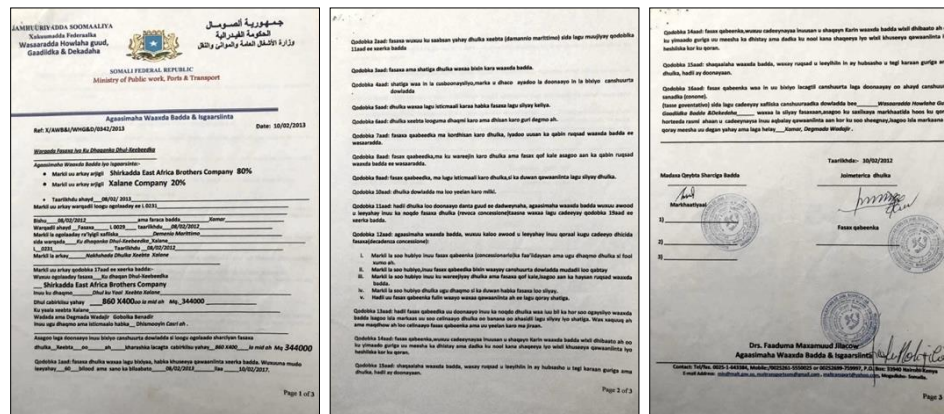
1. Abdullahi Mohamed Nor's preferential access to public land dates back to 2013, one year prior to his obtaining the position of State Minister of Finance within the Federal Government of Somalia (FGS). In February 2013, Nor and his business partner obtained usage rights from the then-FGS Ministry of Public Works, Ports, and Transport for an 860 m x 400 m, or 3.44 km² (344 hectares) plot of prime seaside land in Mogadishu, adjacent to Aden Abdulle International Airport (see figure 1, below, for a demarcation of the plot). At the time of writing, Nor was proceeding with the construction of a 100-room hotel on the land.

Figure 1: Demarcation of the Jazeera land plot.

2. A 10 February 2013 agreement from the Ministry granted Nor's company, East Africa Brothers Company (EABCO), and Xalane Company — which is owned by former warlord and current Member of Parliament, Cumar Maxamed Maxamuud a.k.a. Omar "Finnish" — use of the land from 8 February 2013 to 10 February 2017 (see figure 4, below, for a copy of this agreement). The terms of the agreement required EABCO and Xalane to pay an unspecified amount of annual tax on the land. A tax receipt dated 23 November 2013 attests that for that year EABCO paid \$10,320 in taxes on the land, or just \$0.03 per square metre (see figure 2), which Nor claimed was in accordance with Somali tax law, adjusted according to the 1980s exchange rate of the Somali shilling to

Figure 3: Articles of Association for Jazeera Properties.

7. In a letter to the SEMG dated 18 August 2017, the FGS wrote:

8. Multiple officials within the Benadir Regional Administration (BRA) have told the SEMG that Nor has refused to produce documentation asserting his rights to the land.

Furthermore, they have asserted that Nor has mobilized Somali National Army (SNA) soldiers personally loyal to his family to defy the Government's order.¹⁶ The SNA forces included those of Nor's brother, who commands troops in Jazeera district.¹⁷

9. Nor, for his part, has told the SEMG that the FGS has not supplied any legal justification for requesting him to cease construction on the Jazeera plot.¹⁸ He has furthermore alleged that the BRA has attempted to use police and National Intelligence and Security Agency (NISA) personnel to unlawfully occupy the plot, albeit unsuccessfully.¹⁹ Nor denied mobilizing SNA soldiers to enforce his claims to the land.²⁰

Kasram Trading Company Ltd.

10. On 24 May 2017, Kasram Trading Company Ltd. signed an agreement with the FGS to supply rations to the SNA, a contract worth approximately \$10 million annually (see figure 7, below). The contract was countersigned by Liban Abdi Mohamud on behalf of Kasram.

11. The Articles of Association of Kasram indicate that Abdullahi Mohamed Nor owns a one-third stake in the company (see figure 5, below). However, when contacted by the SEMG, Nor claimed that he had no relationship with Kasram and that he was not interested in "such kind of business".²¹ In a meeting with the SEMG in Nairobi on 14 September 2017, Nor again denied ownership in Kasram and claimed to be unfamiliar with Liban Mohamud.²² He criticized the procurement process for the SNA rations contract as "uncompetitive" and stated that the Parliamentary Committee of Financial Oversight of Public Institutions — which Nor chairs — had found serious fault with the process.²³

12. The bidding process for the SNA rations contract had indeed been fixed, in favour of Nor. Four companies took part in the bidding process for the SNA rations contract: Kasram, Sahal Enterprise Ltd., Fulcrum Company, and Wadajir Company (see figure 6, below, for the bidding document). The SEMG has determined, through examination of company documentation and correspondence, that both Sahal and Fulcrum, in addition to Kasram, are also part-owned by Nor. As of this writing the SEMG had been unable to determine the ownership of Wadajir Company.

¹⁶ Interview with a senior BRA official, 18 September 2017, and a second BRA official, 6 September 2017, as well as a former FGS cabinet minister in Nairobi, 25 July 2017.

¹⁷ Telephone with senior BRA official, 18 September 2017.

¹⁸ Interview with Abdullahi Mohamed Nor in Nairobi, 14 September 2017.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid.

²¹ Interview with Abdullahi Mohamed Nor via SMS, 11 September 2017.

²² Correspondence reviewed by the Monitoring Group demonstrated that Nor had been in contact with Mohamud on multiple occasions in September 2017.

²³ Interview with Abdullahi Mohamed Nor in Nairobi, 14 September 2017.

Figure 5: Articles of Association for Kasram Trading Company Ltd.

JAMHUURIYADDA SOOMAALIYA

Istida Nootayayda Iyo la talinta
Arrimaha dhaciga ee Kasib

Mogadishu - Somalia

مكتب كاسرام للتجارة
القانونية والتحكيم
مخبر - الصومال

**MEMORANDUM AND
ARTICLES OF ASSOCIATIONS**

OF

**KASRAM TRADING COMPANY
(LIMITED LIABILITY COMPANY)**

MUQDISHO - SOOMAALIYA

2017

KATO LAW OFFICE AND PUBLIC NOTARY SERVICE
Tel: +252-41-5880010 / +252-42-298040 / +252-499-988040

ERAY BIXIN (GLOSSARY)

A. Xaraba dhabada - was gudan sharciga ee ka kooban 10 la qabsatay koox qabsatay qabsatada dhabada iyo dhabadaha qabsatada (legal entity).

B. Gole sare (Board of Directors) - was Gole sare ee dhabada, koox u xilaynaysa Maamulka qabsatada, sida maamulka koox ee dhabada, sida maamulka qabsatada ee dhabada.

C. Gole Fadhii (Executive Director) - was Gole fadhii ee ka kooban 10 la qabsatay koox qabsatada dhabada koox ee dhabada, sida maamulka qabsatada ee dhabada.

D. Saam - was saam maalayad ee ka mid ah maamulka dhabada.

E. Maamulka qabsatada ee dhabada - was Maamulka qabsatada ee dhabada, sida maamulka qabsatada ee dhabada, sida maamulka qabsatada ee dhabada.

F. Gole sare (Board of Directors) - was Gole sare ee dhabada, koox u xilaynaysa Maamulka qabsatada, sida maamulka koox ee dhabada, sida maamulka qabsatada ee dhabada.

G. Gole Fadhii (Executive Director) - was Gole fadhii ee ka kooban 10 la qabsatay koox qabsatada dhabada koox ee dhabada, sida maamulka qabsatada ee dhabada.

H. Saam - was saam maalayad ee ka mid ah maamulka dhabada.

I. Maamulka qabsatada ee dhabada - was Maamulka qabsatada ee dhabada, sida maamulka qabsatada ee dhabada, sida maamulka qabsatada ee dhabada.

J. Gole sare (Board of Directors) - was Gole sare ee dhabada, koox u xilaynaysa Maamulka qabsatada, sida maamulka koox ee dhabada, sida maamulka qabsatada ee dhabada.

K. Gole Fadhii (Executive Director) - was Gole fadhii ee ka kooban 10 la qabsatay koox qabsatada dhabada koox ee dhabada, sida maamulka qabsatada ee dhabada.

7. Magacyada Aamannayaasha heshiiska dhex mury iyo Ciwaannada:

Sl. No	Magacyada Aamannayaasha iyo Ciwaannada	Saxiix
1	ABDULQADIR ABUKAR SHEIKH HAKSAN - Maamulka Maamulka ee was Pargasi lahaa: 17549552, ka dhaqay Maamulka, koox ee dhabada.	
2	Muhammad Ismail Wad - Maamulka Maamulka ee was Pargasi lahaa: 18824760, ka dhaqay Maamulka, koox ee dhabada.	
3	ABDULLAH MOHAMMED NAB - Maamulka Maamulka ee was Pargasi lahaa: 18888756, ka dhaqay Maamulka, koox ee dhabada.	

QORSHADA XARABA IYO ARTICLES OF THE ASSOCIATION:

Heshiiska was ee ka kooban 10 la qabsatay qabsatada, sida heshiiska qabsatada ee dhabada, sida heshiiska qabsatada ee dhabada, sida heshiiska qabsatada ee dhabada.

QORSHADA XARABA IYO ARTICLES OF THE ASSOCIATION:

Heshiiska was ee ka kooban 10 la qabsatay qabsatada, sida heshiiska qabsatada ee dhabada, sida heshiiska qabsatada ee dhabada, sida heshiiska qabsatada ee dhabada.

QORSHADA XARABA IYO ARTICLES OF THE ASSOCIATION:

Heshiiska was ee ka kooban 10 la qabsatay qabsatada, sida heshiiska qabsatada ee dhabada, sida heshiiska qabsatada ee dhabada, sida heshiiska qabsatada ee dhabada.

Figure 6: Bidding results for SNA rations contract, dated 21 May 2017.

JAMHUURIYADDA FEDERAALKA SOOMAALIYA
HOGGAANKA SAAKKA IYO TAAKULEYNTA XDS

QORSHADA XARABA IYO ARTICLES OF THE ASSOCIATION

Heshiiska qabsatada ee dhabada

Sl. No	Magacyada Aamannayaasha iyo Ciwaannada	Saxiix
1	ABDULQADIR ABUKAR SHEIKH HAKSAN - Maamulka Maamulka ee was Pargasi lahaa: 17549552, ka dhaqay Maamulka, koox ee dhabada.	
2	Muhammad Ismail Wad - Maamulka Maamulka ee was Pargasi lahaa: 18824760, ka dhaqay Maamulka, koox ee dhabada.	
3	ABDULLAH MOHAMMED NAB - Maamulka Maamulka ee was Pargasi lahaa: 18888756, ka dhaqay Maamulka, koox ee dhabada.	

Figure 7: FGS contract with Kasram Trading Company Ltd. to supply SNA rations.

JAMHUURIYADDA FEDERAALKA SOOMAALIYA

HESHIIS QANDARAAS

EE RAASHIINKA CIIDANKA XDS

una dhaxeeyo

TALISKA CIIDANKA XDS

IYO

SHIRKADDA GANACSIGA KASRAM

HESHIIS Lr: HST/KXS/2017/001

TAARIIX: 24th MAY 2017

HESHIIS QANDARAAS

Heshiiska was ee ka kooban 10 la qabsatay qabsatada, sida heshiiska qabsatada ee dhabada, sida heshiiska qabsatada ee dhabada, sida heshiiska qabsatada ee dhabada.

1. Maamulka qabsatada ee dhabada

2. Maamulka qabsatada ee dhabada

3. Maamulka qabsatada ee dhabada

4. Maamulka qabsatada ee dhabada

5. Maamulka qabsatada ee dhabada

6. Maamulka qabsatada ee dhabada

7. Maamulka qabsatada ee dhabada

8. Maamulka qabsatada ee dhabada

9. Maamulka qabsatada ee dhabada

10. Maamulka qabsatada ee dhabada

1. Maamulka qabsatada ee dhabada

2. Maamulka qabsatada ee dhabada

3. Maamulka qabsatada ee dhabada

4. Maamulka qabsatada ee dhabada

5. Maamulka qabsatada ee dhabada

6. Maamulka qabsatada ee dhabada

7. Maamulka qabsatada ee dhabada

8. Maamulka qabsatada ee dhabada

9. Maamulka qabsatada ee dhabada

10. Maamulka qabsatada ee dhabada

Annex 4.2.1: CADG Engineering Pte. (STRICTLY CONFIDENTIAL)*

Annex 5.1: Berbera port payoffs

1. On 9 May 2016, representatives of Somaliland and the Emirate of Dubai signed a Memorandum of Understanding concerning the port of Berbera, Somaliland. According to the contract, Dubai Ports World FZE (DP World) would develop a free zone in Berbera, invest and develop the port, and support the Somaliland authorities in building a road from Berbera to the Ethiopian border.²⁴ A preliminary document defining the shareholders' agreement indicates that DP World would have a 65 per cent share and the Berbera Port Authority would have a 35 per cent share of the joint venture, while five out of seven members of the board would be appointed by DP World, thus giving the company effective control over decision-making within the joint venture.²⁵ Another preliminary document regarding the concession agreement stipulates that DP World will be required to pay a \$15 million concession fee to Somaliland.²⁶

2. On 9 August 2016, the House of Representatives of Somaliland convened in Hargeisa. Seventy-three members were present, while nine members were absent for the session. The Chair informed the MPs that DP World had been chosen by the president of Somaliland to develop and manage the Port of Berbera. The MPs were also informed that DP World had already paid \$5 million as the first instalment of the \$15 million concession fee, routed through the Somaliland ambassador to the UAE, Basha Awil Omar, who is also the nephew of the president, to the Somaliland minister of finance, Zamzam Abdi Adan. It was further announced that all MPs supporting the joint venture would be paid \$15,000 each. In the ensuing vote, the motion was approved, with 69 votes in favour and four votes against. The members of Waddani, an opposition party, told the SEMG that they received their payoffs from Bashe Mohamed Farah, deputy speaker of the house of representatives of Somaliland.²⁷

Figure 1: Minister of finance of Somaliland, Zamzam Abdi Adan in the Bank of Somaliland with the \$5 million payment from DP World, 2 January 2017.

²⁴ "Memorandum of Understanding: Between the United Arab Emirates Represented by the Government of Dubai and the Government of the Republic of Somaliland Represented by the foreign minister of Somaliland", 9 May 2016, copy on file with the Secretariat.

²⁵ "Term Sheet in respect of the Shareholders Agreement", undated, copy on file with the Secretariat.

²⁶ "Term Sheet in respect of the Concession Agreement", undated, copy on file with the Secretariat.

²⁷ Interviews with four Members of Somaliland Parliament, 27 February 2017 in Hargeisa, 22 March 2017 in Dubai, and 24-25 May 2017 in Hargeisa.

3. On 12 February 2017, the house of representatives and the *Guurti* (upper house), were assembled to discuss a UAE military base planned to be built in Berbera. The Chair of the *Guurti*, Suleiman Mahmud Adan, presided over the session. He informed the MPs present that the president of Somaliland was requesting their approval for the UAE military base. Prior to the vote, eight members of Waddani who had objected to the deal were physically removed from the parliament building by security guards. The ensuing vote was cast 144 in favour and two against. The MPs who voted in favour of the military base were paid \$10,000 each. Bashe Mohamed Farah again distributed payments to members of Waddani party.²⁸

²⁸ Ibid.

Annex 5.2: Fishing governance

Figure 1: Letter from the MFMR to Puntland.

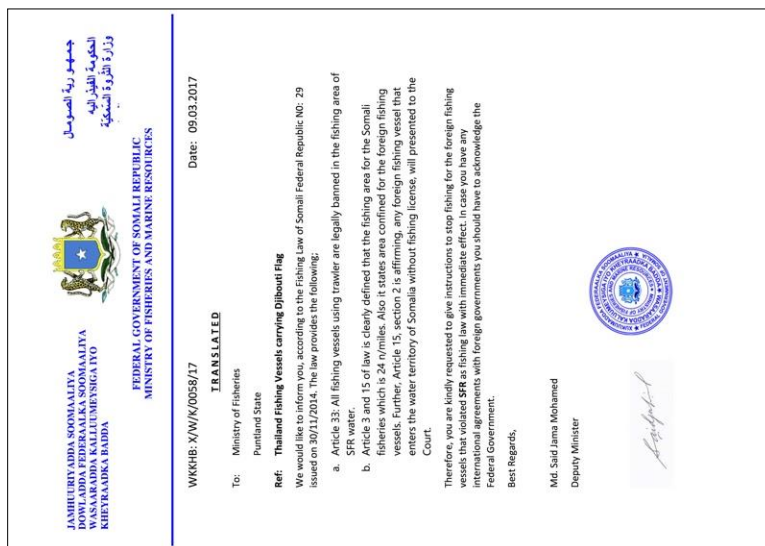

Figure 2: Letter from the MFMR to Thailand.

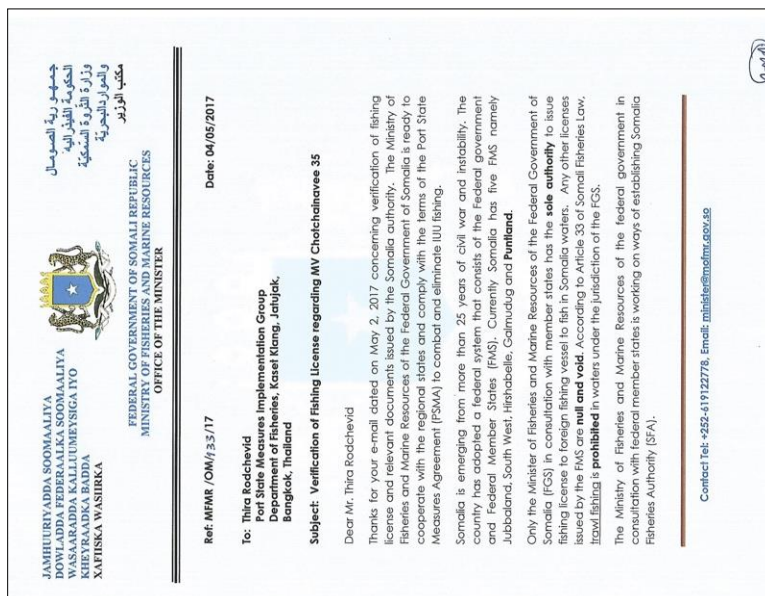

Figure 3: Puntland license for the fishing vessel Chotchainavee 35.

PUNTLAND STATE OF SOMALIA
Ministry of Fisheries and Marine Resources
Fishing Licence

Serial No. 1864

This licence is issued under the provisions of the Somali Fisheries Law No. 25 of 19 November 1988 and the Regulations thereunder, and is valid for the period specified herein below in carry out fishing activities within Puntland marine waters.

DURATION OF VALIDITY		VESSEL DETAILS	
From:	To:	Vessel Name:	Vessel No.:
27-2-017	25/5/2017	Chotchainavee 35	1864
		Vessel Type:	Motor vessel
		Official No.:	6121421
		Port of registry:	Djibouti
		LOA (m):	5.98
		Beam (m):	2.20
		Engine type and power:	Caterpillar 3500 HP
		Other craft on board:	
		Species permitted:	Demersal fishing
		Quota/limit:	2,200 kg
		Designated fishing area:	Offshore waters
		Fishing methods & gear:	Hand net
		Head Office:	Djibouti
		Address:	Djibouti
		Telephone:	253 4650
		E-Mail:	
		Agent in Puntland:	Adel
		Address:	
		Telephone:	799 4254
		E-mail:	799 4254
		International call sign:	ADP 6545
		Radio communication:	
		Normal transmitting frequency:	
		Access code and No.:	
		Type:	TRANSFERRABLE
		Code:	482
		OTHER FISHING EQUIPMENT	
		LOAN:	482
		OMEGA:	482
		DIRECT:	482
		AUDIO BLOYS:	482
		EMERGENCY:	482

Approved and signed by the Minister:
Abdullahi Sheikh Ali Ibrahim
Minister of Fisheries and Marine Resources

Figure 4: Interim Agreement on Tuna Licensing, dated 7 May 2017.

FEDERAL REPUBLIC OF SOMALIA
Interim Agreement on Issuance of Licenses for Tuna and Tuna-like Species
in the Somali EEZ
May 7, 2017

Recognizing the need to conserve, manage and sustainably exploit highly migratory offshore fisheries resources;
Recognizing the risk posed by illegal, unreported and unregulated fishing on marine resources and for the livelihood of the Somali citizens;
Recognizing the need for all Somali administrations to cooperate to secure our mutual interest;
Recognizing the need for Somalia to create a Federal Fisheries Authority with the mandate to conserve, manage and administer highly migratory offshore resources, including tuna and tuna-like species, in the Somali Exclusive Economic Zone (EEZ) as well as Somali flagged vessels fishing outside of Somali waters; and
However, acknowledging that the creation of an Authority through a Federal Somali law will require time, and that should not prevent Somalia to benefit from its fisheries and generate revenue through licenses issued to foreign fishing vessels, all parties agreed to the following:

- All the parties agreed that, the Federal Government of Somalia may issue licenses to fish for tuna and tuna-like species (species under the management mandate of the Indian Ocean Tuna Commission - IOTC) in the Somali EEZ from 500m to 200m from the baseline, only after prior consultation with, and agreement by the Federal Member States of the Federal Republic of Somalia, i.e. Puntland, Galmudug, Hirshabelle, South-West, and Jubbaland.
- All parties agreed that fisheries within 500m of shore shall be under the management of the Federal Member States of the Federal Republic of Somalia. Establishment of the National Committee on Offshore Licensing.
- As agreed by all parties, a National Committee for Offshore Licensing is established, hereafter the Committee.
- The Committee shall be comprised of:
 - the Minister responsible for Fisheries of the Federal Government of Somalia,
 - the Minister responsible for Fisheries of the Puntland State of Somalia,
 - the Minister responsible for Fisheries of the Galmudug State of Somalia,
- The Committee shall be chaired by the Minister responsible for fisheries of the Federal Government of Somalia.
- The Committee will review and approve offshore fishing license applications submitted for tuna and tuna-like species by foreign fishing vessels willing to operate in a legal and transparent fashion in Somali waters, as per the procedure described in Annex 1.
- Licensing fees shall be deposited in a designated account in the Central Bank of Somalia named "Revenue from Licenses for Tuna and Tuna-like Species" and administered by a committee consisting of the Ministers of Finance of the Federal Member States and chaired by the Federal Minister of Finance. The account will be overseen by the Financial Governance Committee. The funds in the designated account will be kept until such a time that the Federal Government of Somalia and all Federal Member States agree on revenue sharing.
- Revenue sharing will be decided by the President of the Federal Republic of Somalia and the Presidents of the Federal Member States.
- A statement of the account shall be sent by the Central Bank of Somalia to all members of the Committee on a quarterly basis.
- Licensing conditions will be drafted by the Federal Ministry responsible for fisheries and reviewed and agreed upon by the Committee.
- Criteria for setting license fees will be agreed by the Committee and individual licenses will be regulated by the Federal Ministry responsible for fisheries and the applicants in accordance with those criteria.
- A real-time list of all licenses delivered shall be published on the website of the Ministry responsible for Fisheries of the Federal Government of Somalia, and will include fees deposited in the account. Each time the list is updated, all members of the Committee will be notified by email.
- The Federal Government and Federal Member States will continue to work towards a revenue sharing scheme for income generated by foreign licenses for tuna and tuna-like species.
- All parties agree that the Federal Fisheries Law does not yet fully provide the adequate framework for fisheries management in Somalia, and that the Federal government and the Federal Member States will work towards revision and amendment of that law.
- All parties agree that the Federal Government and Federal Member States will also work towards harmonization of existing and future Federal and State fisheries legislation and regulations.
- In the meantime, Federal regulations for tuna and tuna-like fisheries shall be established by the Federal Ministry responsible for fisheries in consultation and agreement with the Federal Member States.
- This agreement in no way sets a precedent or precludes future negotiations and agreement on the assignment of responsibilities for management of long marine resources within Somali waters through federal law.
- Once signed, any unilateral change to this agreement will void this agreement.
- This is an interim arrangement valid until December 31, 2019. All licenses issued under this arrangement will expire with this arrangement.

Abdullahi Omar Ashir
Deputy Minister of Fisheries
Federal Republic of Somalia

Kulmiye Abdirahman Jama
State Minister of Fisheries
Puntland

Hassan Mohamed Warsame
Minister of Fisheries
Galmudug

Mohamed Mohamed Khalil
Minister of Fisheries
Hirshabelle

Mohamed Hussein Aliyow
Minister of Fisheries
South-West

Abdullahi Sheikh Ali Ibrahim
Deputy Minister of Finance
Federal Republic of Somalia

Muhammed Ahmed Farah
Deputy Minister of Finance
Galmudug

Mohamed Mohamed Abdulle
Minister of Finance
Hirshabelle

Hassan Ibrahim Hassan
Minister of Finance
South-West

Abdullahi Sheikh Ali Ibrahim
Minister of Fisheries
Jubbaland

2

Annex 5.3: Oil governance

Resource sharing agreement

1. As noted by the SEMG in its previous report (S/2016/919, para. 148), a resource sharing agreement among the FGS and federal member states should be implemented before any further oil contracts. In 2016, then Prime Minister Omar Abdirashid Ali Sharmarke signed an “Interim Petroleum Sharing Agreement” with the president of the Interim Galmudug Administration (IGA) and with the president of the Interim Southwest Administration (ISWA), but not with Puntland and the other interim administrations. Even though the terms of these agreements are identical, the risk of conflict over natural resources would be lower if resource sharing was negotiated collectively among the FGS and the regions rather than bi-laterally. Furthermore, any sector-specific resource sharing agreement among the FGS and federal member states should be made explicitly on an interim basis, subject to compatibility with an overall resource sharing framework derived through the constitutional review process. Important issues for the constitutional review process to clarify are not only the distribution of revenue among the FGS and federal member states, but also control over the resources (i.e. who has authority to agree contracts with companies). This currently remains subject to dispute as the FGS cites authority under the 2008 Petroleum Law, while Puntland and certain interim administrations cite authority under the 2012 Provisional Constitution.

Model Production Sharing Agreement

2. A production sharing agreement (PSA), rather than a joint venture, has become the most common structure for contracts with oil companies. In a press release dated 28 December 2015, the MPMR announced that the law firm IMMMA Advocates, a member of the DLA Piper Africa Group based in Dar es Salam, Tanzania, had been engaged through the African Legal Support Facility of the African Development Bank to develop a model PSA. Mohamed Mukhtar Ibrahim, then Minister of Petroleum and Mineral Resources, stated, “It is only after finalizing this model along with other ongoing political and legal issues that Somalia will be able to enter into PSA agreements”.²⁹ An initial draft of the model PSA was sent to the Financial Governance Committee (FGC) for confidential review, and the FGC’s recommendations have been incorporated by the MPMR into a revised model PSA. The FGC further recommended that the model PSA should be the basis for any specific PSAs, which should then also be approved by the Interim National Procurement Board and the Cabinet.³⁰ However, it remains unclear when the model PSA itself will be formally approved.

Petroleum Law

3. The MPMR, with the assistance of two World Bank consultants, has revised and updated the 2008 Petroleum Law in the form of a draft 2017 Petroleum Law to be submitted to Parliament.³¹ The draft states that income from petroleum will be distributed

²⁹ Ministry of Petroleum and Mineral Resources, Press Release: The Federal Government of Somalia engages international legal counsel to support it in the development of a model Production Sharing Agreement, 28 December 2015.

³⁰ Financial Governance Committee, *Financial Governance Report*, March 2017.

³¹ Federal Republic of Somalia, Ministry of Petroleum and Mineral Resources, Petroleum Law Draft 2017.

in accordance with the Federal Constitution of Somalia (Article 4), although the constitution has yet to be adopted. The text articulates the role of MPMR and establishes and outlines the functions of the Somali Petroleum Authority (SPA) (Articles 11-13). The draft 2017 Petroleum Law defers establishment of the Somali National Oil Company (SONOC) to another subsequent law (Article 14). It establishes a Petroleum Registry, including a provision allowing for public access to information (Article 16). The draft 2017 Petroleum Law further includes transparency-related content regarding public access to SPA information and obligations to disclose and publish payments, including those made by SONOC (Articles 38-39). The proposed legislation also stipulates that contracts with the Somali Democratic Republic up to 30 December 1990 can be converted into PSAs within a timeframe of one year from the law coming into force (Article 44). At the time of writing, it remains unclear when the draft 2017 Petroleum Law will be submitted to the Parliament for consideration.

Registry of concessions

4. The MPMR does not have complete, comprehensive information regarding existing concessions. Compiling a central registry of concessions has been a priority of the MPMR, but little progress has been made (S/2016/919, para. 84). The MPMR dispatched letters to oil companies during the previous mandate, with an uneven response rate. According to a letter from the MPMR to the SEMG dated 18 August 2017, some companies have terminated their *force majeure* claims, while others have not replied to the MPMR. One obstacle remains incomplete MPMR records regarding the pre-1991 *force majeure* claims. Another obstacle is a lack of transparency and MPMR access to information regarding oil contracts that have been agreed by Somaliland and Puntland. According to the MPMR, there are seven oil companies operating in Somaliland and Puntland without the consent of the FGS.³² Meanwhile, there remains a need for a central registry of concessions, as stipulated in Article 16 of the draft 2017 Petroleum Bill. Among other functions, this could help mitigate against situations arising where there are conflicting claims made by different oil companies — backed by different political entities — which pose a risk of armed conflict.

Public Financial Management

5. Ineffective management of natural resource revenue would increase the risk of misappropriation of public finances and impede much needed economic development. The FGC has recommended that a section on natural resource revenue management be included in the Public Financial Management Bill. Among other points, this section could include: creating dedicated sub-accounts under the Treasury Single Account at the Central Bank of Somalia (CBS) for each type of natural resource; a requirement for the FGS and federal member states to reach agreement on natural resource revenue sharing; transparency for the dedicated sub-accounts, including annual reporting by the Minister of Finance; drawdowns from the dedicated sub-accounts requiring inclusion in the Federal Budget and parliamentary appropriation; with the agreement with federal member states, fiscal rules establishing an annual proportion of natural resource revenue that must be saved; and federal member state approval for how natural resource revenue

³² Letter from the MPMR to the SEMG, 18 August 2017.

savings would be subsequently invested and expended.³³ In a 16 June 2017 letter to the Managing Director of the International Monetary Fund, the Minister of Finance, Abdirahman Duale Beileh, and the Governor of the CBS, Bashir Issa Ali, committed to including within the Public Financial Management bill a clause establishing principles for natural resource revenue management.³⁴

Ministry of Petroleum and Mineral Resources

6. Both the 2008 Petroleum Law and the draft 2017 Petroleum Law correctly differentiate the policymaking functions of the MPMR from the operational functions of the Somali Petroleum Authority (SPA), which include responsibility for granting and regulating concessions. In the absence of an established and functional SPA, the MPMR has gone beyond its role as a political entity tasked with establishing Government policy to also the *de facto* technical role of negotiating and implementing agreements. However, by its own admission, the MPMR is ill-equipped for the task of negotiating oil contracts. In response to a letter from the SEMG received 26 August 2016, the MPMR acknowledged the need for further technical capacity to engage in negotiations, including a petroleum economist, contract negotiator, and an accountant. To the knowledge of the SEMG, these gaps in the MPMR's technical capacity have not yet been addressed. Furthermore, in May 2017 the MPMR declined to renew the contracts of two World Bank consultants, who had been instrumental to updating the 2008 Petroleum Law and revising the model PSA.

Somali Petroleum Authority

7. Although the 2008 Petroleum Law provides for the establishment of a Somali Petroleum Authority (SPA), in practice this regulatory body for the oil industry does not yet exist. The draft 2017 Petroleum Law proposes an SPA comprised of nine members, with three members appointed by the FGS and the other six appointed by federal member states (Article 13). However, until passage of the 2017 Petroleum Law and "when the Federal Government of Somalia determines that the SPA has the capacity to carry out its mandate", the MPMR will continue to assume the responsibilities and powers of the SPA.³⁵ The MPMR's gaps in capacity for negotiation of oil contracts raise reasonable questions regarding its capacity for implementation of oil contracts, which would require meeting an even higher technical threshold for tasks that are more appropriately assumed by a regulatory authority. Moreover, the assumption of regulatory functions by a political institution, the MPMR, increases the risk of conflicts of interest and associated contention within the oil sector.

Somali National Oil Company

8. Technically, the 2008 Petroleum Law established a national oil company, referred to as Somali Petroleum Corporation, but for all practical purposes it has existed in name only. The draft 2017 Petroleum Law, intended to supersede the 2008 Petroleum Law, defers establishment of the Somali National Oil Company (SONOC) as a commercial

³³ Financial Governance Committee, "FGC Advisory Note: strengthening the draft Public Financial Management Bill, May 2017".

³⁴ International Monetary Fund, *Somalia: second and final review under the staff-monitored program and request for a new staff-monitored program*, 22 June 2017.

³⁵ Letter from the MPMR to the SEMG, 18 August 2017.

entity owned by the Federal Republic of Somalia to participate in oil operations (Article 14). SONOC would be entitled to participate in PSAs up to a 20 per cent share, while federal member state-owned contractors would be entitled to participate in PSAs up to a 10 per cent share (Article 29).³⁶ However, Somalia would be unable to fully realize the economic benefits of commercial participation within the country's oil sector should the MPMR conclude new oil deals prior to the establishment of a functional national oil company.

³⁶ This is consistent with the terms in the model PSA (Article 16 and Schedule 3).

Annex 5.4: Strategic Natural Resource Management & Consultants Inc.

1. On 8 August 2017, the Monitoring Group wrote to the Federal Government of Somalia (FGS), including the Ministry of Petroleum and Mineral Resources (MPMR), requesting clarification regarding certain withdrawals by the MPMR from the Central Bank of Somalia (CBS). The CBS accounts reflect withdrawals by the MPMR of \$135,000 on 6 September 2016, \$135,000 on 28 September 2016, \$90,000 on 26 December 2016, and \$30,000 on 13 February 2017, with the descriptions listed as either “Strategic Natural Resource Management” or “Strategic Natural Resource”. The SEMG specifically requested information regarding which individual at the MPMR was responsible for the withdrawal of a total of \$390,000 from the CBS and for what purpose these funds had been applied.

2. The FGS replied with a letter from the MPMR dated 16 August 2017, stating that the expenditure of \$390,000 had been authorized by the previous Minister of Petroleum and Mineral Resources, Mohamed Mukhtar Ibrahim, for a study of the Somalia oil sector by Strategic Natural Resource Management & Consultants Inc. (SNRM). However, the attachments regarding the agreement between the MPMR and SNRM and the withdrawals from the CBS were missing. In a letter dated 23 August 2017, the SEMG requested a copy of the agreement between the MPMR and SNRM, a copy of the report produced by SNRM, and clarification regarding which individual was responsible for the withdrawals from the CBS. On 5 September 2017, the FGS replied, transmitting a copy of the report by SNRM, invoices from SNRM (see figure 1), and payment authorizations by the MPMR (see figure 2), but stating that the MPMR was not able to locate a copy of the agreement with SNRM.

3. The Monitoring Group is unaware of any public tendering process having been conducted by the MPMR for the award of a contract for \$390,000 to SNRM, and as such the SEMG remains unable to determine the basis on which SNRM was selected. To put the contract in perspective, it represents an expenditure equivalent to more than half of the annual budget of the MPMR.³⁷ The SEMG has been unable to verify the identity of Abdirahman Hussein, who is named within the report and on a payment authorization from the MPMR as the Director of SNRM. Likewise, the SEMG remains unable to confirm any details regarding SNRM. Raising further doubts regarding the author of the report, the back cover indicates a different name, Somali Centre for Natural Resource Management, which also does not have an online presence and is similarly unknown to experts on the Somalia oil sector. At the time of writing, a request from the SEMG to Trust African Bank in Mogadishu regarding identification of the individual beneficiary of SNRM’s account remained pending.

4. In addition to the qualifications of the report’s author and the process of its production remaining ambiguous, the quality of the report does not correlate with the MPMR’s high expenditure. According to a former World Bank consultant, the report represents an “unnecessary and voluminous re-hash of previously existing data sources that draws no new, precise or useful conclusions, and comes at a seemingly high cost to a tightly constrained Ministry budget”.³⁸

³⁷ The authorized budget for the MPMR in 2016 was \$680,000.

³⁸ Email from a former World Bank consultant, 16 September 2017.

Figure 1: invoice from Strategic Natural Resource Management & Consultants Inc.

**STRATEGIC NATURAL
RESOURCES
MANAGEMENT
& CONSULTANTS
INC.**

To: The Ministry of Petroleum and Mineral Resources **INVOICE NUMBER:** 01059
Villa Somalia **Date:** 15-Aug-2016
Mogadishu, Somalia

PROJECT: Somalia Oil and Gas Sector Rapid Assessment on Policy, Legal, And
Regulatory Framework & Market Survey, Mapping and Capacity Assessment Study of
the Oil and Gas Sector

Kind Attention: Minister of Petroleum and Mineral Resources

For services for the mobilization stage of implementation in relation to the Somalia Oil
and Gas Sector Rapid Assessment on Policy, Legal, And Regulatory Framework
& Market Survey, Mapping and Capacity Assessment Study of the Oil and Gas Sector.

Total Due **US\$ 135,000**
(In words): USD ONE HUNDRED AND THIRTY-FIVE THOUSAND

Strategic Natural Resources Management and Consultants Inc. (SNRM)

Our Banker's details for remitting funds:
Bank Name : Trust African Bank
Current A/c No. : 8105-858
Beneficiary : SNRM Inc.

Please quote our Invoice Number when remitting funds.
Please remit full invoice amount. Any bank charges relating to the payment are to your account.

Authorized

Figure 2: authorization for payment by Ministry of Petroleum and Mineral Resources

Jumhuuriyadda Federaalka Soomaaliya
Wasaaradda Batroolka & Macaadanka
Ministry of Petroleum & Mineral Resources
Tix-raac: WBM/XW/00506/00360/2016 **Tariikh:** 30/08/2015

Ku: Bangiga Dhaqa ee Soomaaliya **-Mogadisho-**

**UJEEDDO: FASAX WAREEJIN LACAG SHIRKADDA STRATEGIC NATIONAL
RESOURCES AND MANAGEMENT AND CONSULTANTS INC.
(SNRM)**

Wasaaradda Batroolka iyo Macaadanka waxay ka codsanaysaa Bangiga Dhaqa iyo u
wareejiyaan shirkadda nagaacada la yiraahdo Strategic Natural Resources
Management and Consultants Inc. (SNRM) laag cadadooda ay dhan tahay \$135,000
(Borqi saddan iyo shan kun dollar keliya).

Faahfaahinta accountka lagu wareejiyo.
Bank Details: Trust African Bank
Currency A/c No: 8105-858
Beneficiary: SNRM Inc.

Wada shaqeyn wacan

Mohamed Mikhler Ibrahim
Wasiirka Wasaaradda Batroolka & Macaadanka

Email: info@snrm.org **Website:** www.snrm.org **P.O.Box 119 Mogadishu - Somalia**

Annex 6.1: The Abdikarim Salah Mohamed a.k.a. Aw Koombe network and the hijacking of the *Aris 13* (STRICTLY CONFIDENTIAL)*

Annex 7.1: Puntland arms smuggling networks

1. In its 2016 report (S/2016/919, annex 8.10) the Monitoring Group detailed a network of Puntland-based arms smugglers and illegal fishing agents, many of whom belong to what the Group has referred to as the Qandala-Hafun network. During the present mandate, the SEMG has confirmed that many of these individuals remain active; a list of these individuals is presented below.

2. Active members of the Qandala-Hafun network referred to in S/2016/919:

- (a) Mahad Isse Aden “Laboballe” (Majeerteen/Ali Salebaan)
- (b) Said Gul Ismail (Majeerteen/Ali Salebaan)
- (c) Isse Mohamoud Yusuf “Yullux” (Majeerteen/Ali Salebaan)
- (d) Mohamed Mire Ali Yusuf “Soodareeri” (Majeerteen/Ali Salebaan)
- (e) Abdirisak Ali Said Hussein “Shahdon” a.k.a. Shahdon Ali Yare (Majeerteen/Ali Salebaan)
- (f) Mohamed Abdi Muse (Majeerteen/Osman Mohamud)
- (g) Abdimalik Mohamed Abdi Muse
- (h) Abdilatif Yusuf Barre (Deshishe)
- (i) Abdifatah Hayir (Majeerteen/Ali Salebaan)
- (j) Hussein Said Yusuf
- (k) Liban Yusuf Mohamed a.k.a. Liban Dheere (Majeerteen/Ali Salebaan)
- (l) Mohamed Hussein Said Yusuf
- (m) Faiso Said Hasan Ismail

3. Individuals identified during the current mandate:

- (a) Abdi Mohamed Omar “Dhofaye”: Associate of Mahad Isse Aden “Laboballe” and a known arms supplier to the Islamic State of Iraq and the Levant (ISIL) faction in Puntland’s Bari region;
- (b) Buruj Mohamed Ali Farah (Majeerteen/Ali Salebaan/Ismail Ali): skiff operator, associate of Abdi Mohamed Omar “Dhofaye” and Mahad Isse Aden “Laboballe” and known ISIL arms supplier;
- (c) Mohamud Mohamed Ali a.k.a. “Gaagale” (Majeerteen/Isse Mohamud): a police officer and arms broker based in Garowe; owner of Gaagale Company;
- (d) Abshir Mohamed Barre (Darod/Jambeel): arms supplier on for the Puntland administration; affiliated with Bosaso-based auto parts dealer Bahaya Spare Parts;
- (e) Ahmed Isse Yusuf Mahamud (Majeerteen/Ali Salebaan): son of Isse Mohamoud Yusuf “Yullux”.

Figure 1: Phone network analysis of Puntland arms smugglers, October 2016-June 2017.¹

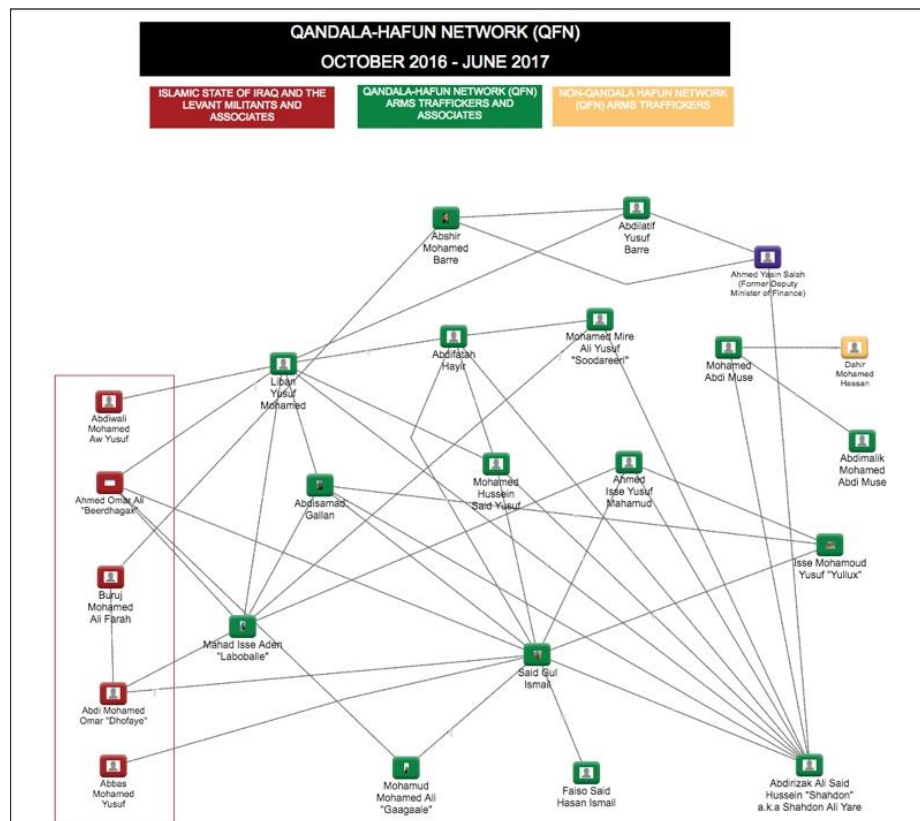

Figure 2: Said Gul Ismail in Qandala, 6 March 2017.

¹ The Monitoring Group is grateful to the Center for Advanced Defence Studies (C4ADS) in Washington DC for its assistance in conducting network analysis on Puntland arms smugglers.

Abshir Mohamed Barre and Bahaya Spare Parts

4. The SEMG is aware of multiple small arms shipments from Yemen brokered by Abshir Mohamed Barre in October and November 2016 on behalf of the Puntland administration, in partnership with Ahmed Yasin Salah, the former Puntland Deputy Minister of Finance.² The reason for the surge of arms shipments at that time was to replenish stocks depleted during the fighting between Puntland and Galmudug forces in Galkayo, which reached its highest intensity from 7 October to 1 November 2016 (see annex 3.1). One of these shipments took place on 25 October, and Barre met with senior Puntland officials in Bosaso to organize delivery and receive payment.³

5. On the night of 29 November — when members of the SEMG were on mission in Bosaso — Barre was arrested in Marero, an illicit smuggling point roughly 15 km east of Bosaso, in connection with a small shipment of ammunition and PKMs that had arrived the same night. However, Puntland authorities released Barre shortly thereafter, apparently because they discovered that shipment was destined for the Puntland government.⁴ An SEMG request to Bosaso port police to inspect the seized weapons shipment was denied on the grounds that the investigation was ongoing.

6. Barre's mobile phone activity corroborates his involvement in arms smuggling over this period. Between late October and mid-November 2016, Barre exchanged 179 calls with a phone number belonging to a Yemeni arms dealer, who is also an associate of prominent Puntland arms smuggler Abdi Mohamed Omar "Dhofaye" (see "Case study: the *Fatah Al Khayr* and ISIL arms procurement", below).

Bahaya Spare Parts

7. Barre is affiliated with the company Bahaya Spare Parts, a major supplier of automotive spare parts in Puntland, with at least three locations in Bosaso and additional branches in Garowe and Galkayo (see figure 4, below, for a photograph of the flagship store in Bosaso). Bahaya is owned by a parent company based in Dubai, Bahaya General Trading Co. LLC, of which Barre's father and brother, Ahmed Mohamed Barre and Mahamoud Mohamed Barre, are part owners (see figure 5).

8. Figure 3, below, displays the mobile phone activity for Abshir Mohamed Barre from December 2016 to June 2017. Over that period, Barre had numerous contacts with his arms trafficking partner, Ahmed Yasin Salah, the former Puntland deputy minister of finance. Barre's link chart also shows contacts with other known arms smugglers, including Buruj Mohamed Ali Farah and Said Yusuf Timowayne Mohamed a.k.a. Said Atto (see "Case study: the *Fatah Al Khayr* and ISIL arms procurement", below), as well as another reputed arms dealer, Mohamed Bayre (Darod/Harti/Deshishe). Barre also shows contacts with three members of the Qandala-Hafun arms smuggling network: Abdilatif Yusuf Barre, Said Gul Ismail, and Abdifatah Hayir (see [S/2016/919](#), annex 8.10).

² Salah served as the Deputy Minister of Finance from February 2014 until May 2017, when he was removed from his post by Puntland president Abdiweli Mohamed Ali "Gass".

³ Interviews with Puntland intelligence officer, a former Puntland minister, and a UN security source, 28-30 November 2016.

⁴ Information provided by a Puntland intelligence officer, a former Puntland minister, and two UN security sources, 29 and 30 November 2016.

Figure 3: Phone network analysis of Abshir Mohamed Barre, December 2016-June 2017.

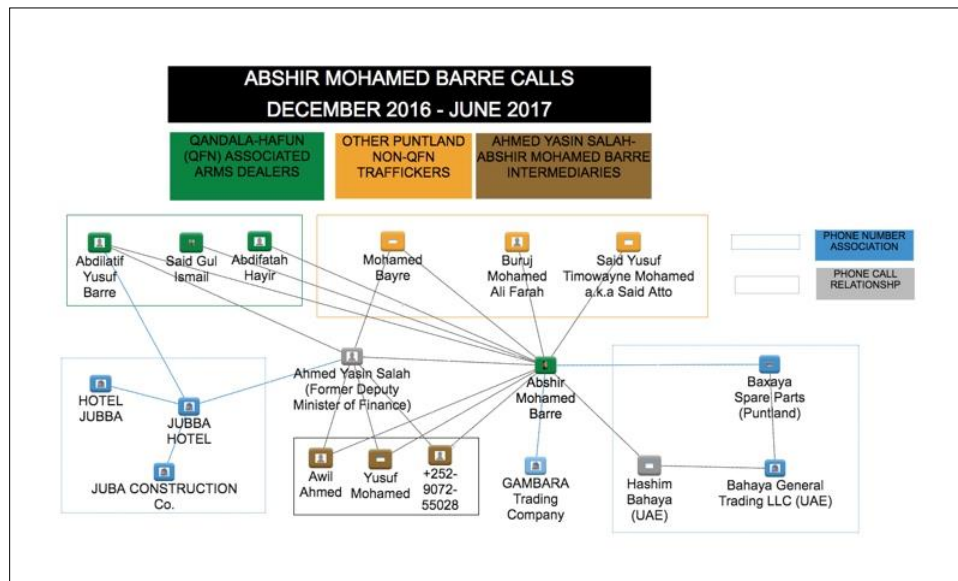

Figure 4: Bahaya Spare Parts flagship store in Bosaso, 8 March 2017.

Figure 5: Ownership of Bahaya General Trading, Dubai, the parent company of Bahaya Spare Parts.

Company Credit Report		24 May 2017 17:49
BAHAYA GENERAL TRADING CO (L.L.C) [CRIS No AEP43137323]		
SHAREHOLDERS		
Name	Mr. Ahmed Mohammed Barry [CRIS No AEP44623090]	%
Nationality	Somali	15.00 %
Name	Mr. Mahmoud Mohammed Barri [CRIS No AEP44879629]	
Nationality	Ethiopian	20.00 %
Name	Mr. Aadan Mahmoud Abdullah Mohammed Marzouqi [CRIS No AEP44592291]	
Nationality	UAE National	51.00 %
Name	Mr. Hashem Mahmoud Mohammed [CRIS No AEP44749691]	
Nationality	Ethiopian	14.00 %
Total:		100.00%
OPERATION		
Activities Details		
General Trading		
Standard	UK SIC 2003	
Activity	[51.9] - General dealer (wholesale) (Primary)	
UNITED ARAB EMIRATES (THE) COUNTRY REPORT SOCIO ECONOMIC AND POLITICAL OVERVIEW		
The United Arab Emirates UAE is a federation of seven emirates (equivalent to principalities), each governed by an emir. The emirates are Abu Dhabi (capital), Ajman, Dubai, Fujairah, Ras al-Khaimah, Sharjah, and Umm al-Qaiwain.		
Cedar Rose Int. Services Ltd, P.O. Box 50751, 3609 Limassol, Cyprus		3 / 5

Case study: the *Fatah Al Khayr* and ISIL arms procurement

9. On 28 April 2017, the Somali-registered general cargo dhow *Fatah Al Khayr* arrived at Bosaso port from Mukalla, Yemen, carrying a cargo of illicit pistols. Prior to arriving at port, the vessel had been interdicted at position 11 26N, 049 32E — approximately 1 km from the Somali coast — by the USS *Hué City*, which subsequently conducted a routine flag verification boarding. However, no contraband was discovered (see figure 8, below).⁵

10. On 30 April, the intended recipient of the arms shipment, Abdi Hassan Ali, arrived to collect it, leading the Puntland port police to initiate a full search of the vessel.⁶ Police subsequently discovered 16 illicit pistols and 2,030 rounds of 7.62x25 mm pistol ammunition concealed in cartons of dates and bags of rice.⁷

11. A subsequent investigation by the SEMG found that the material discovered at Bosaso port was only one part of a larger arms shipment that had been loaded by skiffs in Shabwa Governorate, Yemen, and subsequently transported to the towns of Mudiye and Habo on Puntland's north-east coast. A component of that shipment — which included AK-pattern rifles and PK machine guns — was subsequently delivered to the Islamic State of Iraq and the Levant (ISIL) faction near the town of Unuun in Bari region sometime between 1 and 3 May 2017.

12. The arms shipment was supplied by Yemeni national Khaled Ahmed Ahmed Al-Sand (see figure 6, below, for Ahmed's passport image) and his partner Farah Ismail Ali, a Somali national living in Yemen. On the Somalia side, the shipment was brokered by known arms dealers belonging to the Qandala-Hafun network: Abdi Mohamed Omar "Dhofaye" (Majeerteen/Ali Salebaan/Ismail Ali) and Mahad Isse Aden "Laboballe" (Majeerteen/Ali Salebaan).⁸ Buruj Mohamed Ali Farah (Majeerteen/Ali Salebaan/Ismail Ali), a subordinate of "Dhofaye", subsequently transported the shipment by skiff from Mukalla to the Puntland coast.

⁵ Details of the boarding were provided to the SEMG by the Combined Maritime Forces (CMF) on 29 August 2017. Additionally, Abdimajid Samatar, Director General of the Puntland Ministry of Ports and Marine Transport, reported that Puntland authorities had been tipped off about the potential arms shipment by information provided by US naval forces. Interview with Abdimajid Samatar in Bosaso, 5 June 2017.

⁶ Interview with a senior port police officer in Bosaso, 6 June 2017.

⁷ Ibid.

⁸ See [S/2016/919](#) annex 8.10 for a description of the Qandala-Hafun network and its prominent members.

Figure 1: Certificate of registration for the dhow Fatah Al Khayr.

PUNTLAND
STATE OF SOMALIA
Ministry of Marine Transport & Ports

R No 141

CERTIFICATE OF REGISTRY

This Certificate is issued by the Ministry of Marine Transport & Ports

REGISTER PARTICULAR:

Name of Vessel: FATAH AL KHAYR

Building Material:	Wood
Length	36.42 M
Breadth	08.90 M
Depth	04.11 M
Gross Tonnage	220.27 Tons
Net Tonnage	200.22 Tons
Engine	Caterpillar
Hp	671.00 Hp

Name of owner:
Dahir Mohamed Hasan

This Certificate is to be kept on Boat in original or copy and returned to the Bosaso Port Harbour Master when requested.

This Certificate is valid for one year.
Type of Vessel: General Cargo
Issued by Department of Marine Transport
Date of issue February 09, 2015.

Approximate timeline of the *Fatah Al Khayr* shipment

1-7 April: The *Fatah Al Khayr* arrives in Mukalla port, Yemen. It offloads a cargo of livestock and takes on foodstuffs for the return journey to Somalia.

7-9 April: A skiff piloted by Buruj Mohamed Ali Farah travels from Shabwa governorate at Mukalla with a cargo of pistols supplied by Yemen-based Somali arms dealer Farah Ismail Ali. Buruj Farah subsequently rendezvouses with the *Fatah Al Khayr* and transfers the pistols. Farah then returns to Yemen to load heavier weapons, including AK-pattern rifles and PKMs, destined for the ISIL faction, along with a second skiff piloted by an unknown individual.

21 April: The skiff piloted by Buruj Farah arrives in Mudiye, while the second skiff arrives at Habo.

28 April: The *Fatah Al Khayr* is boarded and searched by the USS *Hué City* while en route from Yemen to Somalia, but no contraband is discovered. The same day, the *Fatah Al Khayr* docks in Bosaso port with a legitimate cargo of foodstuffs plus 16 illicit pistols and 2,030 rounds of pistol ammunition destined for sale on the Bosaso black market.

30 April: Abdi Hassan Ali attempts to retrieve the consignment of pistols from the *Fatah Al Khayr* but is arrested by Puntland port police and subsequently transferred to Bosaso Central Prison.

1-3 May: From Mudiye, the bulk of the arms consignment is transported inland to the village of Unuun (11°10'40", 50°25'58"), approximately 50 km south, where it is received by ISIL militants.

13. The *Fatah Al Khayr* presents an illustrative case study of the modalities of a typical arms smuggling operation from Yemen to northern Somalia, which tend to involve small shipments but occur frequently, perhaps as often as several times per month. Phone record analysis of the relevant subjects indicate that the two components of the shipment — the 16 pistols seized at Bosaso port and the ISIL consignment — were brokered by distinct smuggling networks; consequently, the two cases are treated as distinct below.

The Bosaso pistol shipment

14. When the SEMG requested to inspect the captured weaponry on 6 June 2017 in Bosaso, the port police informed the Group that the material had been transferred to Garowe and was therefore unavailable.

15. Abdi Hassan Ali, who was arrested attempting to retrieve the shipment, claimed to represent a consortium of livestock traders who had agreed to exchange their livestock transported aboard the *Fatah Al Khayr* (at a value of approximately \$22,000) for pistols in Yemen.⁹ According to Ali, the pistols were intended to be sold at an illicit market in Bosaso operated by Said Yusuf Timowayne Mohamed a.k.a. Said Atto, a claim corroborated by an analysis of phone records (see figure 7, below). Bosaso port police reported that they had captured 16 pistols; however, Ali told the SEMG that the consignment had originally consisted of 22 pistols. Ali's account is consistent with the \$22,000 he claimed the consortium had paid for the pistols.¹⁰

16. The *Fatah Al Khayr* is owned by Bosaso-based businessman Dahir Mohamed Hassan and captained by Mohamed Hassan Isaq Osman. Dahir Hassan claimed to have had no knowledge of the smuggling activities of his vessel or captain.¹¹ However, phone records show that preceding and during the smuggling run Hassan was in frequent contact with Abdi Mohamed Omar "Dhofaye", one of two brokers of the ISIL component of the *Fatah Al Khayr* arms shipment. Notwithstanding, the SEMG does not currently assess that Hassan was directly involved in procuring the ISIL shipment.

Figure 2: Pistols, packaged in plastic, seized by Puntland port police from the Fatah Al Khayr on 30 April 2017.

⁹ Interview with Abdi Hassan Ali in Bosaso Central Prison, 6 June 2017.

¹⁰ The pistols would have sold for approximately \$1,500 each on the Puntland black market, meaning that the consortium and its partners could have expected to earn a profit of roughly \$11,000 on the deal.

¹¹ Interview with Dahir Mohamed Hassan in Bosaso, 7 June 2017.

17. The pistol seizure consisted of what appear to be 14 NP-42 pistols, as well as two Type 59 copies of the Russian-model Makarov pistols, which can be identified by their brown handgrips. The NP-42s sell for approximately \$1,400 in the illicit arms markets in Bosaso; the Makarovs copies, between \$1,200 and \$1,300.¹² On 3 July 2017, the SEMG sent a tracing request to the relevant Member State for one of the Type 59 pistols seized from the *Fatah Al Khayr* (serial number D07741), but did not receive a reply.

18. Bosaso port police also claimed they seized 29 cardboard boxes of pistol ammunition, containing a total of 2,030 rounds of 7.62x25 mm ammunition.¹³ The Monitoring Group identified the markings on the ammunition boxes as Pobjeda Gorazde ammunition plant in Bosnia and Herzegovina, the former Yugoslavia, produced in 1957.

*Figure 3: 1 of the 29 ammunition boxes seized off the Fatah Al Khayr by Bosaso port police on 30 April 2017.*¹⁴

Figure 4: 7.62x25 mm round manufactured at Kilmovsk – 711 factory in the former Soviet Union.

¹² Interview with a senior port police official in Bosaso, 6 June 2017, and a journalist with access to arms markets in Puntland, 8 August 2017.

¹³ Interview with a senior port police official in Bosaso, 6 June 2017.

¹⁴ The SEMG photographed sample rounds of ammunition from both boxes, and established that they were manufactured in the former Soviet Union.

Figure 5: 7.62x25 mm round manufactured at Kouskovo – 304 factory in the former Soviet Union.

19. However, the fact that this the ammunition contained in the boxes did not match the packaging, as well as the considerable age of the ammunition, make these munitions particularly difficult to trace.

The ISIL arms shipment

20. Following the delivery of pistols to the *Fatah Al Khayr*, Buruj Farah returned to Shabwa with his skiff and loaded additional arms, predominantly consisting of AK-pattern rifles and PKMs supplied by Yemeni national Khaled Ahmed Ahmed Al-Sand (see figure 6, below, for a redacted copy of Ahmed's passport) and his Somali partner Farah Ismail Ali.¹⁵ On 21 April, Farah arrived with the shipment at Mudiye on Puntland's north-east coast; a second skiff, piloted by an unknown individual, proceeded to Habo with an additional consignment of arms. From 1-3 May, part of the consignment was transported inland from Mudiye to the village of Unuun, where ISIL militants took possession. The remainder of the consignment was brought to Bosaso, to the storehouse of Mahad Isse Aden "Laboballe" a prominent Bosaso-based arms dealer who was named in the SEMG's 2016 report as one of two brokers responsible for a shipment into the Qandala area on 2 May 2016 (see [S/2016/919](#), annex 8.10).

21. Phone network analysis and cell tower location data corroborate the involvement of the triad of "Laboballe", Abdi Mohamed Omar "Dhofaye" and Buruj Farah in the shipment. For instance, cell phone activity for Buruj Farah ceases from 9 to 14 April and again from 16 to 30 April, consistent with him being at sea for prolonged periods during the month.

¹⁵ Information on the *Fatah Al Khayr* consignment was provided by a former Puntland intelligence officer, 9 May 2017, and corroborated by the SEMG through phone network analysis.

Figure 6: Redacted passport image of Khaled Ahmed Ahmed Al-Sand, the Shabwa-based supplier of the arms delivered to the ISIL faction.

22. It is not known what amount, if any, the ISIL faction paid for the shipment. One possibility is that the ISIL leadership demanded a percentage of the shipment in exchange for allowing it free passage. This scenario would be consistent with the Monitoring Group's assessment that the recapture of Qandala by Puntland forces in December 2016 has pushed the arms trade further east, necessitating that arms smugglers conduct their trade through territory controlled, at least partially, by the ISIL faction.

23. Figure 7, below, presents a network chart of the mobile phone activity in April 2017 for the key individuals involved in the *Fatah Al Khayr* arms smuggling operation. Over this period, Abdi Hassan Ali was in frequent contact with Said Yusuf Timowayne Mohamed a.k.a. Said Atto, supporting Ali's claim that Said Atto was the intended reseller of the pistols smuggled into Bosaso on board the *Fatah Al Khayr*. Said Atto is also shown to be in contact with Ahmed Omar Ali, who has been identified as an arms dealer potentially affiliated with the ISIL faction.¹⁶

24. Abdi Mohamed Omar "Dhofaye" is also shown to be in frequent phone contact with both Buruj Mohamed Ali Farah and Mahad Isse Aden "Laboballe" in April, corroborating their central role in importing the arms shipment.

¹⁶ Information supplied by a former intelligence officer in Puntland. While the SEMG has not confirmed Ahmed Omar Ali's involvement in any illicit arms shipment, his phone activity strongly demonstrates that he is a member of Puntland arms smuggling networks.

Figure 7: Phone network chart of the key individuals in the Fatah Al Khayr arms smuggling operation, April 2017.¹⁷

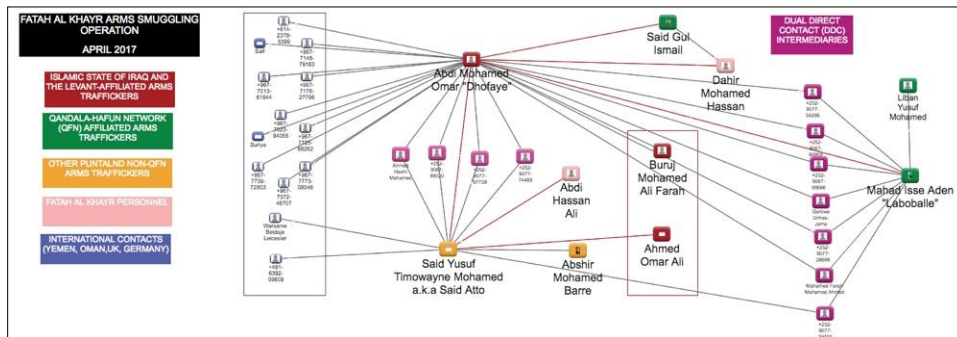
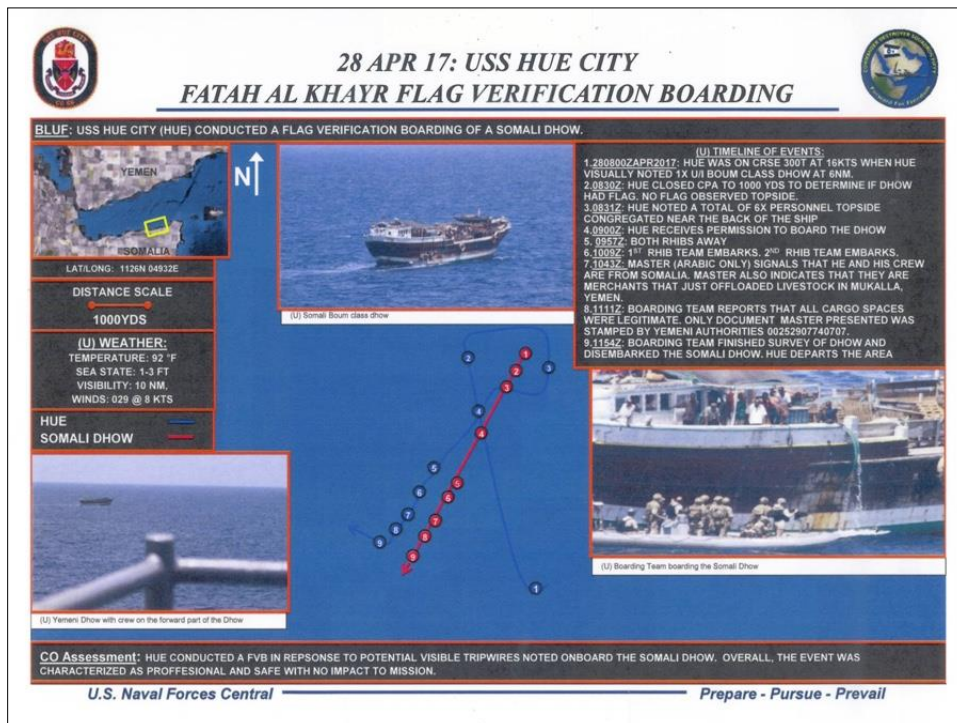

Figure 8: Storyboard of the flag verification boarding of the Fatah Al Khayr by the USS Hué City on 28 April 2017.

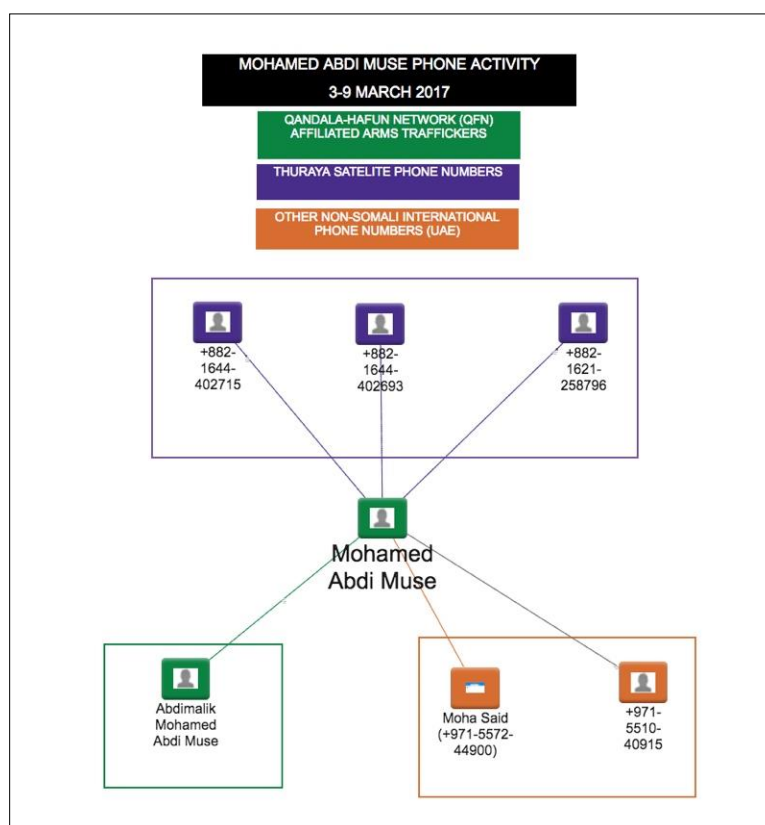

¹⁷ The Monitoring Group is grateful to the Center for Advanced Defence Studies (C4ADS) in Washington DC for its assistance in conducting network analysis on the *Fatah Al Khayr* smuggling operation.

March 2017 Alula arms shipment

25. Figure 1, below, displays Mohamed Abdi Muse's relevant mobile phone activity from 3 to 9 March 2017, the time leading up to the Alula shipment. During this window, Muse made a total of 16 calls to three distinct Thuraya satellite devices, which the SEMG believes were on board the three dhows of Iranian origin delivering the shipment. Muse also shows phone contacts with a member of the Qandala-Hafun arms smuggling network, Abdimalik Mohamed Abdi Muse. Abdimalik Muse, like Mohamed Abdi Muse, had previously been in telephone contact with arms smugglers on board the Iran-registered dhow *Nasir*, which was interdicted en route to Somalia by the Australian naval vessel HMAS *Melbourne* on 24 September 2015 while carrying a cargo primarily comprised of 75 anti-tank missiles (see S/2016/919, annex 8.10). The above strongly suggests that Abdimalik Muse remains part of a network based in the Alula/Habo area with connections to arms smugglers in Iran.

Figure 1: Mohamed Abdi Muse's relevant mobile phone communications, 3-9 March 2017.¹⁸

¹⁸ The Monitoring Group is grateful to the Center for Advanced Defence Studies (C4ADS) in Washington DC for its assistance in conducting network analysis on Mohamed Abdi Muse's phone records.

Annex 7.1.1: Puntland interdiction of arms from Yemen

Figure 1: Skiff carrying arms en route from Yemen to Somalia, 22 September 2017, navigated by Buruj Mohamed Ali Farah.

Figure 2: Position of the skiff at 15:30 UTC +3 on 22 September 2017.

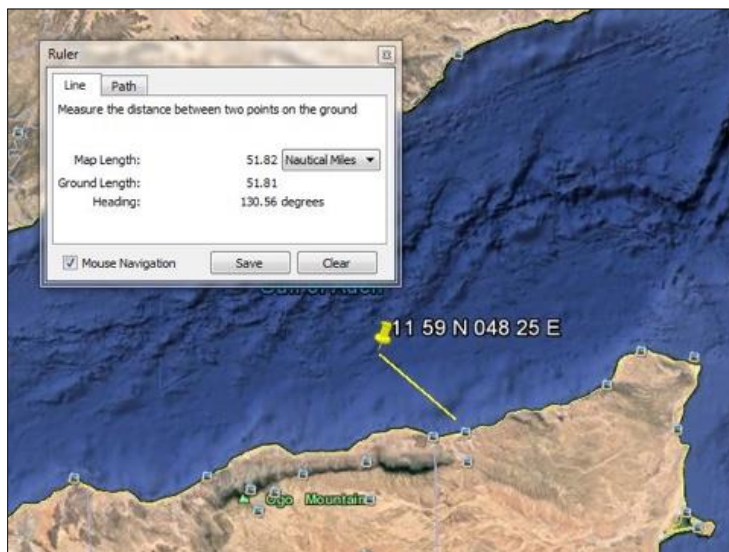

Figure 3: Arms seized by Puntland forces near Bosaso, 23 September 2017.

Annex 7.2: Maritime seizure of arms in March 2016 by *La Provence*

1. On 20 March 2016, the French naval vessel *La Provence*, operating as part of the Combined Task Force 150 of the Combined Maritime Forces, stopped and boarded a stateless dhow (tilly plate: 4/3972) approximately 150 km north-east of Alula, Puntland, which was heading toward Somalia. The dhow bore the markings of the shipping company “Al Mansoor CO SA”, and of “Konarak Iran” as home port. The captain was identified as “Sajed Arjamand” (see figure 1, below). A subsequent search of the vessel revealed a cargo of assault and sniper rifles, machine guns and anti-tank missiles.

2. Between 7 and 9 March 2017, the SEMG was granted access to weapons storages in France in order to conduct a thorough inspection. The SEMG has established the following facts with respect to this arms seizure:

Assault rifles

3. The 2,000 assault rifles had characteristics consistent with Iranian-produced KLS 7.62 mm assault rifles, though no factory markings were observed. Their appearance suggested that they were newly manufactured. Many serial numbers among the 2,000 appear in sequential order, which raises the possibility that the rifles originated from state weapon storage (see figure 2, below).

Sniper rifles

4. The 64 sniper rifles documented in the seizure had characteristics consistent with Iranian-produced SVD sniper rifles (Hoshdar-M), though no factory markings were observed.¹⁹ Their appearance suggested that they were newly manufactured. Most of the serial numbers appear in sequential order, which raises the possibility that the originated from state weapon storage (see figure 3, below).

Anti-tank guided missiles

5. The nine anti-tank guided missiles documented in the seizure had characteristics consistent with Russian-produced 9M133-1 Kornets, manufactured in 2008 and assembled by the Konstruktorskoe Buro Priborostroeniya (KBP Instrument Design Bureau) in Tula, Russian Federation (see figure 4, below). On 1 June 2017, the SEMG sent a letter to the Russian Federation seeking additional information about the missiles, including copies of end user certificates.²⁰ The SEMG’s letter included box, missile, and assembled box serial numbers for each of the nine missiles, as well as 16 photographs of missile components. On 30 August 2017, the SEMG received a response indicating that “the information and documents provided by the SEMG do not unfortunately allow to identify the aforementioned missiles and answer the questions”.²¹

Machine guns

6. The six light machine guns have characteristics consistent with Type 73 light machine guns designed and manufactured in the Democratic People’s Republic of Korea

¹⁹ Hoshdar-M sniper rifles manufactured by the Defence Industries Organization in Iran could also appear under the name “Nakhjir sniper rifles”.

²⁰ S/AC.29/2017/SEMG/OC.73.

²¹ Email from the Permanent Mission of the Russian Federation to the UN, 1 June 2017.

(DPRK). According to a defence analysis publication, the Islamic Republic of Iran appears as the only country to have an army equipped with the Type 73, apart from the DPRK.²² According to the intelligence consultancy Armament Research Services (ARES), “Iran received the Type 73 GPMG [general purpose machine gun] from North Korea, likely during the late 1970s to mid-1980s, and employed these weapons during the 1980-88 Iran-Iraq War. Iran has continued to employ the Type 73 GPMG in a reserve role in recent years”.²³

7. On 3 May 2017, the SEMG sent a letter to the Democratic People's Republic of Korea to obtain information about the possible export of Type 73 machine guns.²⁴ No response had been received as of this writing.

8. For photographs of the Type 73 machine guns, see figure 5, below.

Optical sights

9. The optical sights discovered in the same seizure were intended to be used with the SVD sniper rifles. The SEMG has obtained evidence that they were manufactured between 2014 and 2015 and were subsequently exported to an Iran-based company (see annex 7.2.1 (strictly confidential)).

10. During an SEMG mission to the Islamic Republic of Iran from 18-21 September, Iranian authorities assured the Group that they would investigate the case.

SEMG mission to the Islamic Republic of Iran

11. During an SEMG mission to the Islamic Republic of Iran from 18-21 September, Iranian authorities strongly denied any state involvement in the shipment of weapons to Somalia, adding that Iran had no strategic interests in Somalia. The authorities informed the Group that the owner of the company associated with the dhow that was boarded, Al Mansoor CO SA, had previously fled Iran owing approximately \$750,000 in unpaid taxes. They added that most Al Mansoor manufactured dhows had been resold to private individuals, with many sold to Pakistani nationals.

12. Iranian authorities also questioned the Group's assessment that the assault rifles seized were Iranian-manufactured KLS-7.62 mm rifles, and asked whether a Member State would make the mistake of including weapons with sequential serial numbers if it were involved in the smuggling of such weapons. They indicated that certain Member States were seeking to attribute the shipment to Iran.

13. Finally, the Iranian authorities assured the Monitoring Group that it would investigate the Iran-based company associated with the optical sights seized from the dhow.

²² IHS Jane's, “Iran-Army”. Available from <https://janes.ihs.com/Janes/Display/1767012> (accessed 18 September 2017; subscription required).

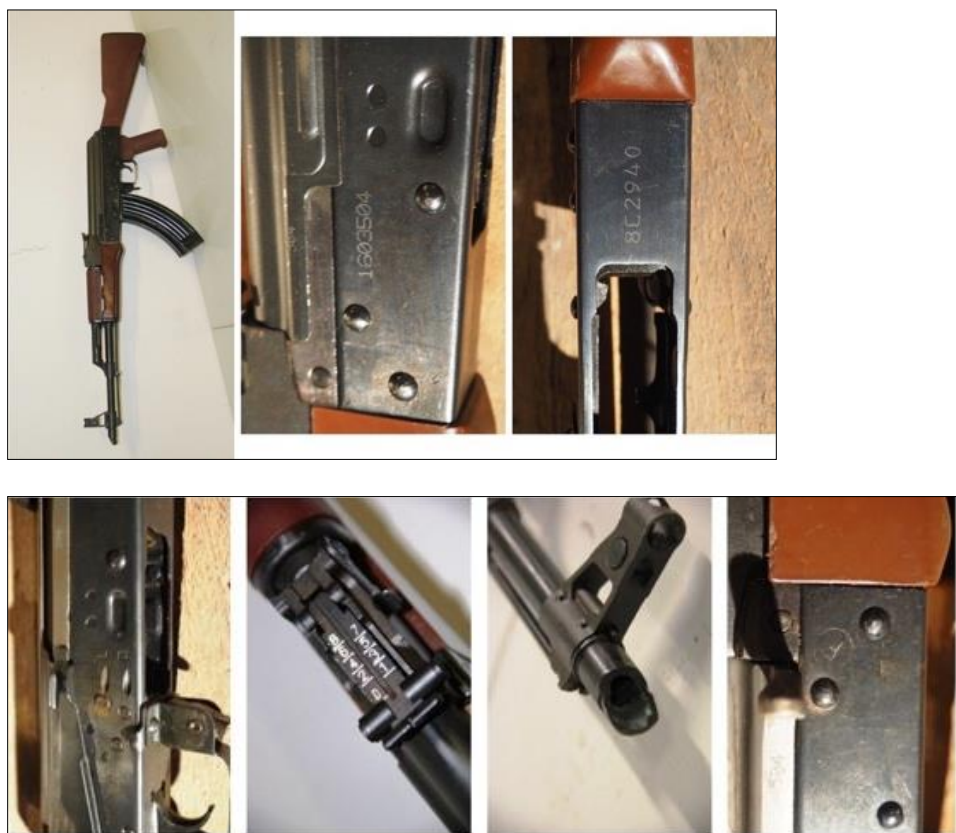
²³ Armament Research Services (ARES), “North Korean Type 73 GPMGs in Iraq, Syria & Yemen”, available from <http://armamentresearch.com/north-korean-type-73-gpmgs-in-iraq-syria-yemen> (accessed 18 September 2017).

²⁴ S/AC.29/2017/SEMG/OC.59.

Figure 1: Redacted copy of identity document belonging to Captain Sajed Arjamand of the stateless dhow boarded by La Provence on 20 March 2016.

Figures 2: KLS 7 assault rifles seized by La Provence.²⁵

²⁵ Serial numbers of the assault rifles are on file with the Secretariat.

Figure 3: SVD sniper rifles (Hoshdar-M) seized by La Provence.²⁶

²⁶ Serial numbers of the sniper rifles are on file with the Secretariat.

Figure 4: Photographs of anti-tank guided missiles (9M133-1 Kornet) seized by La Provence.²⁷

Figure 5: General-purpose machine guns (Type-73) seized by La Provence.²⁸

²⁷ Box generic serials, missile serials and assembled box serials are on file with the Secretariat.

²⁸ Serial numbers are on file with the Secretariat.

Annex 7.2.1: Belarus sights (STRICTLY CONFIDENTIAL)*

Annex 8.1: Halane Central Armoury inspections, 26 April and 29 August 2017

26 April 2017 inspection

1. On 26 April 2017, the SEMG was given access to the Halane Central Armoury (Halane) located within the greater airport complex in Mogadishu. The SEMG surveyed all weapons and ammunition in the facility, as well as other non-lethal military equipment stored at the site.

2. The SEMG identified the following weapons and ammunition from a delivery of military equipment from the Arab Republic of Egypt in July 2016:²⁹

- 6 Tokarev 9 mm pistols;
- 58 AK-47-type assault rifles;
- 3 M91 sniper rifles;³⁰
- 4 signal pistols (with 320 red and white 26.5 mm flares);
- 3 RPD machine guns;
- 7.62x54 mm ammunition;³¹
- 7,200 rounds of 7.62x39 mm ammunition.

3. Most of the weapons notified to the Committee had been recorded as marked and registered in the logbooks by the SNA. Nevertheless, the SEMG noted several discrepancies:

4. First, although 61 AK-47s had been notified as due for delivery, only 58 had been registered at Halane.³² Second, the shipment had been notified to the Committee as including 113,200 rounds of 7.62x39 mm ammunition. There was, however, no registration of ammunition from the shipment in the logbooks. The SEMG conducted its own count of this calibre of ammunition in the facility and noted 7,200 rounds. It was unclear therefore what quantity of ammunition had arrived at the facility, or had been distributed.

5. In addition to the materiel from the July 2016 Egypt shipment, the SEMG identified other materiel from previous consignments notified to the Committee:

- 9 mm ammunition identified as part of a previous notified shipment;³³
- 7.62x25 mm ammunition for Tokarev pistols;³⁴

²⁹ Advance delivery notification sent on 17 May 2016, reference: S/AC.29/2016/NOTE.30, and post-delivery confirmation sent on 22 July 2016, reference: S/AC.29/2015/NOTE.38.

³⁰ Officials at Halane informed the SEMG that they were unable to mark these weapons as there was no space to do so.

³¹ The SEMG was unable to distinguish between the quantities of 7.62x54 mm ammunition in Halane originating in the 2016 Egypt consignment and that which formed part of a previous 2014 Egypt consignment.

³² It remained unclear whether these weapons had either not arrived with the consignment, or had already been distributed without registration or documentation.

³³ UAE shipment notified in 2014, S/AC.29/2014/NOTE.48 and a second UAE shipment notified in 2015, S/AC.29/2015/NOTE.29.

- 7.62x54 mm ammunition;³⁵
- 23 optical sights for Type 77 12.7 mm anti-aircraft machine guns;³⁶

6. The SEMG also identified some obsolete material and ammunition already documented by the Group in 2011 and 2012 as materiel received from AMISOM and the former Transitional Federal Government (TFG).³⁷

- 25 obsolete 60 mm mortar launchers;
- 29 obsolete RPG-7 launchers manufactured in 2010;
- 25 obsolete RPG-2 launchers;
- Obsolete 81 mm mortar launchers;
- Obsolete B-10 recoilless rifles;
- 14.5x114 mm ammunition;³⁸ and
- 12.7x108 mm ammunition.

29 August 2017 inspection

7. The SEMG accessed Halane again on 29 August 2017 and conducted a second limited survey of weapons and ammunition, as well as non-lethal military equipment, stored on site.

8. The last notified shipment of military equipment recorded in the Halane weapons and ammunition logbooks was from Djibouti, which had arrived in June.³⁹ By the time of the SEMG's visit, most of the consignment had already been distributed. The SEMG documented approximately 30 boxes of AK-47 ammunition in white wheat bags, which were still in Halane.

9. The majority of the weapons and ammunition in Halane observed during the visit were from a consignment — according to correspondence sent by the FGS to the Committee⁴⁰ — from the People's Republic of China, which had arrived in Mogadishu on 7 August 2017. Officials at Halane informed the SEMG that they were in the process of marking and registering the weapons from the shipment. While the Group was unable to undertake a full inventory of the items due to time constraints, and the fact that the boxes were sealed, it was able to document and photograph the following items:

- DShK / Type 85 12.7 mm anti-aircraft weapons, including mounts;
- Type 67-2 heavy machine guns;
- AK-47s pattern assault rifles;

³⁴ Egypt shipment notified in 2014, S/AC.29/2014/NOTE.67.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid.

³⁷ S/2013/413, annex 6.1, paras. 52 to 55. Colonel Ahmed Moalim suggested to the SEMG that some of this stock might have been transferred by AMISOM to the facility during the TFG period, before the partial lift of the arms embargo.

³⁸ Material subject to Committee approval further to paragraph 7 of resolution 2111 (2013).

³⁹ Advance delivery notification S/AC.29/2017/NOTE.24.

⁴⁰ Letter from the FGS to the Committee, SOM/MSS /177/17, 21 August 2017.

- 38 mm automatic anti-riot grenade launchers;
- 38 mm tear gas cartridges;
- 7.62x39 mm ammunition;
- 12.7 mm ammunition;
- Type 69 40 mm HEAT projectiles (rocket-propelled grenades); and
- a large quantity of PKM machine gun ammunition rounds.

10. The SEMG noted with concern that, on the day of the visit, there was only one officer engaged in marking the materiel which had arrived from China. General Ahmed Ibrahim Mohamed explained that the marking team had been reduced from 12 to five personnel which had affected the pace of the marking and registration process.

Annex 8.2: Registration and distribution procedures at Halane

1. Distribution of weapons and ammunition is authorized by the Chief of Defence Force (CDF) of the Somali National Army (SNA). If the CDF is not available, the second in command may authorize distribution. The key documents generated during the process are:

- (a) Distribution order: the CDF issues a signed distribution order that includes the type, quantity, purpose, and receiving unit of the weapons and ammunition to be distributed. A copy of the distribution order must be kept at Office the CDF, another at Halane armoury, and a third with the Office of the National Security Advisor (ONSA).
- (b) Distribution voucher: vouchers are issued and signed by the Commander of Halane armoury or his deputy, based on receipt of a distribution order. A copy is kept at Halane, one is sent to the CDF, and a third to the receiving unit.
- (c) Logbook: the logbook template was designed by the Joint Verification Team (JVT) to allow for entry and exit of an item to be recorded on the same line for ease of tracking. There are two separate logbooks for weapons and ammunition, which are signed by the officer-in-charge.

Figure 1: Logbook template designed by the Joint Verification Team (JVT).

BUUGA DHIWAAN GALINTA HUBKA WEAPONS LOGBOOKS							BUUGA DHIWAAN GALINTA HUBKA WEAPONS LOGBOOKS							
RECEIPT=GELID							ISSUE=BINID							
No	Tariikhda lagabay	Tirinta Taliyaha CDF	Noska Hubka Codka Rasta	Noska Hubka	Lamagaha Magaca (yo Dagaalka)	Codka La Wareegay	No	Tariikhda La Wareegay	Bicaysha Magaca (yo Dagaalka)	Tariikhda La Wareegay	La Wareegaha Magaca (yo Dagaalka)	La Wareegaha Lambarka Aqoonsiga	Codka La Wareegay	Dagaalka Codka La Wareegay
	Date of entry	CDF order reference number	Weapon model & Ammunition	Serial No. & Lot number	Receiving officer rank and name	Receiving Unit		Date received	Issuing officer rank and name	Date issued	Receiving officer rank and name	Receiving officer ID number	Receiving unit	Receiving unit location
1							1							
2							2							
3							3							
4							4							
5							5							
6							6							
7							7							
8							8							
9							9							
10							10							
11							11							
12							12							
13							13							
14							14							
15							15							
16							16							

Ammunition distribution procedures

2. During its visit to Halane on 26 April 2017, the SEMG observed that the correct procedure was generally being implemented with respect to distribution of ammunition. An example of a correctly implemented distribution procedure is provided below, though the distribution order lacked specification to the unit level.

Figure 2: Distribution order dated 14 August 2016, authorizing Halane to deliver 8,640 rounds of AK-47 ammunition, 4,000 rounds of PKM ammunition and 640 rounds of DShK ammunition to SNA Sector 12.

نائب قائد الجيش الوطني
 الصو مالي للا اداريه
 (اللوجستكيه)
 رقم:
 تاريخ:
 Taliska Ciidanka Xoogga
 Dalka Soomaaliyeed
 Ar.Xabbat/XDS/94/16
 Taariikh: 14/08/16

DEPUTY COMMANDER OF SNA FOR LOGISTICS AND
 ADMINISTRATION
 Office of the Deputy Commander

KU:-HOOGAANKA HUBKA IYO RASAASTA X.D.S = MUQDISHO=
 Ujeeddo: - Bixinta Rasaas
 Hooggaanka Hubka iyo Rasaasta waxaa lafarayaa in uu siiyo Taliyaha
 Qeybta 12.APRIL Rasaasta hoos ku qoran:
 1. Rasaas

NO	Nooca Rasaasta	Tirada Sanduuqa
1	Rasaasta AK47	8640 sideed kun lix boqol iyo afartan xabaddood
2	Rasaasta PKM	4000 afar kun xabaddood
3	Rasaas DSHK	640 lix boqol iyo afartan xabaddood

S/Guuto
 Kusimaha Taliyaha X.D.S ahna Abba-duulaha Ar.Taakuleynta iyo
 Maamulka X.D.S
 Cabdulqaadir Macalim Nuur

 Tel: +252-61 5836892/0695002024
 Email: dc@sna@gmail.com

Figure 3: Completed distribution voucher signed by the Halane commander.

TALISKA CIIDANKA XOOGGA DALKA SOOMAALIYEED
 HOGGAANKA HUBKA IYO RASAASTA
 Taariikh: 16/8/16
 No 051
 Boonada Amar Bixinta Rasaasta
 Maqaasiinka Dhexe: HALANE waxaa lafarayaa in aad Urarto Colka Qb. 12 April
 Hubka Hoos ku Qoran:

I/T	Taariikh	Nooca	Tirada	Culeyska	Fiiro gaar ah
1.	16/08/2016	AK-47	8640//		
2.		PKM	4000//		
3.		D.S.H.K	640//		
4.					
5.					
6.					
7.					

Saxiixa Qaataha
 G/Abdulkariq Osman Agor

Saxiixa Madaxa H.Hubka & Rasaasta
 G/Sare Axmed Macalim Maxamed

Figure 4: Logbook updated accordingly.

Receiving officer rank and name	Date received	Issuing officer rank and name	CDF order reference number	Issue voucher number	ISSUE			
					Date issued	Receiving officer rank and name	Receiving unit	Receiving unit location
COL Ahmed M. Maxamed		COL Ahmed M. Maxamed	X/ABO/CXS 424/16	053	27/8/2016	COL Ahmed M. Maxamed	DAAAB	BMA/TEZIRA
COL Ahmed M. Maxamed		COL Ahmed M. Maxamed	X/ABO/CXS 428/16	052	02/9/2016	COL Ahmed M. Maxamed	sector 12 APR	SECTOR HQ'S
COL Ahmed M. Maxamed		COL Ahmed M. Maxamed	LV: X/ABO/CXS 0414/16	056	08/08/2016	Cien Cagney	9-12 APR	9-12 APR
COL Ahmed M. Maxamed		COL Ahmed M. Maxamed	LV: X/ABO/CXS 0416	051	14/08/2016	Cien Cagney	9-12 APR	9-12 APR
COL Ahmed M. Maxamed		COL Ahmed M. Maxamed	LV: X/ABO/CXS 112/116	054	06/09/2016	X/116 SAKARU	SH/Phere	SH/Phere
COL Ahmed M. Maxamed		COL Ahmed M. Maxamed	LV: X/ABO/CXS 113/116	057	10/09/2016	Pharmaceutical	Urr. Bona	BD.
COL Ahmed M. Maxamed		COL Ahmed M. Maxamed	LV: X/ABO/CXS 116/116	055	15/9/2016	X/116 SAKARU	9-21 APR	9-21 APR
COL Ahmed M. Maxamed		COL Ahmed M. Maxamed	LV: X/ABO/CXS 1452/16	058	17/9/2016	X/116 SAKARU	9-21 APR	9-21 APR
COL Ahmed M. Maxamed		COL Ahmed M. Maxamed	LV: X/ABO/CXS 1464/16	059	20/9/2016	X/116 SAKARU	Urr. Bona	Urr. Bona
COL Ahmed M. Maxamed		COL Ahmed M. Maxamed	LV: X/ABO/CXS 1465/16	060	20/9/2016	X/116 SAKARU	Urr. Bona	Urr. Bona

3. The SEMG identified two areas where the procedure could be improved:
 - (a) Indication of the precise amount of ammunition required: Many distribution orders noted only the number of boxes (*sanduug* in Somali) instead of the exact number of rounds (*xabo* in Somali) distributed. To better monitor the distribution of ammunition, the exact amount of ammunition should be indicated on the distribution documents.
 - (b) Accurate completion of the logbook: In some cases, distributed ammunition was not indicated on the same line of the logbook that had recorded its receipt.

Figure 5: Weapon logbook with inadequately completed fields for distribution of PKM ammunition.

RECEIPT										ISSUE									
Receiving officer rank and name	Date received	Issuing officer rank and name	CDF order reference number	Issue voucher number	Date issued	Receiving officer rank and name	Receiving unit	Receiving unit location	Receiving unit location	Receiving officer rank and name	Date received	Issuing officer rank and name	CDF order reference number	Issue voucher number	Date issued	Receiving officer rank and name	Receiving unit	Receiving unit location	Receiving unit location
COL Ahmed M. Maxamed		COL Ahmed M. Maxamed	X/ABO/CXS 424/16	053	27/8/2016	COL Ahmed M. Maxamed	DAAAB	BMA/TEZIRA	BMA/TEZIRA	COL Ahmed M. Maxamed		COL Ahmed M. Maxamed	X/ABO/CXS 428/16	052	02/9/2016	COL Ahmed M. Maxamed	sector 12 APR	SECTOR HQ'S	SECTOR HQ'S
COL Ahmed M. Maxamed		COL Ahmed M. Maxamed	X/ABO/CXS 428/16	056	08/08/2016	Cien Cagney	9-12 APR	9-12 APR	9-12 APR	COL Ahmed M. Maxamed		COL Ahmed M. Maxamed	LV: X/ABO/CXS 0414/16	051	14/08/2016	Cien Cagney	9-12 APR	9-12 APR	9-12 APR
COL Ahmed M. Maxamed		COL Ahmed M. Maxamed	LV: X/ABO/CXS 0416	054	06/09/2016	X/116 SAKARU	SH/Phere	SH/Phere	SH/Phere	COL Ahmed M. Maxamed		COL Ahmed M. Maxamed	LV: X/ABO/CXS 112/116	057	10/09/2016	Pharmaceutical	Urr. Bona	BD.	BD.
COL Ahmed M. Maxamed		COL Ahmed M. Maxamed	LV: X/ABO/CXS 113/116	055	15/9/2016	X/116 SAKARU	9-21 APR	9-21 APR	9-21 APR	COL Ahmed M. Maxamed		COL Ahmed M. Maxamed	LV: X/ABO/CXS 116/116	058	17/9/2016	X/116 SAKARU	9-21 APR	9-21 APR	9-21 APR
COL Ahmed M. Maxamed		COL Ahmed M. Maxamed	LV: X/ABO/CXS 1452/16	059	20/9/2016	X/116 SAKARU	Urr. Bona	Urr. Bona	Urr. Bona	COL Ahmed M. Maxamed		COL Ahmed M. Maxamed	LV: X/ABO/CXS 1464/16	060	20/9/2016	X/116 SAKARU	Urr. Bona	Urr. Bona	Urr. Bona
COL Ahmed M. Maxamed		COL Ahmed M. Maxamed	LV: X/ABO/CXS 1465/16	061	20/9/2016	X/116 SAKARU	Urr. Bona	Urr. Bona	Urr. Bona	COL Ahmed M. Maxamed		COL Ahmed M. Maxamed	LV: X/ABO/CXS 1465/16	062	20/9/2016	X/116 SAKARU	Urr. Bona	Urr. Bona	Urr. Bona
COL Ahmed M. Maxamed		COL Ahmed M. Maxamed	LV: X/ABO/CXS 1465/16	063	20/9/2016	X/116 SAKARU	Urr. Bona	Urr. Bona	Urr. Bona	COL Ahmed M. Maxamed		COL Ahmed M. Maxamed	LV: X/ABO/CXS 1465/16	064	20/9/2016	X/116 SAKARU	Urr. Bona	Urr. Bona	Urr. Bona
COL Ahmed M. Maxamed		COL Ahmed M. Maxamed	LV: X/ABO/CXS 1465/16	065	20/9/2016	X/116 SAKARU	Urr. Bona	Urr. Bona	Urr. Bona	COL Ahmed M. Maxamed		COL Ahmed M. Maxamed	LV: X/ABO/CXS 1465/16	066	20/9/2016	X/116 SAKARU	Urr. Bona	Urr. Bona	Urr. Bona
COL Ahmed M. Maxamed		COL Ahmed M. Maxamed	LV: X/ABO/CXS 1465/16	067	20/9/2016	X/116 SAKARU	Urr. Bona	Urr. Bona	Urr. Bona	COL Ahmed M. Maxamed		COL Ahmed M. Maxamed	LV: X/ABO/CXS 1465/16	068	20/9/2016	X/116 SAKARU	Urr. Bona	Urr. Bona	Urr. Bona

Weapons distribution procedures

4. The Group was given access to the weapons logbooks which included records of the receipt of weapons supplied by the Arab Republic of Egypt in August 2016.⁴¹ The logbooks showed accurate registration of all six 9 mm Tokarev pistols and 58 AK-47s received in the shipment. However, three AK-47s listed in the advance delivery notification had not been registered in the logbook.

5. The SEMG also reviewed a logbook dedicated to RPG-7s, containing only two entries. Key fields had been left unfilled in the two entries, such as the date of arrival, the shipment of origin, the CDF distribution order reference, the original serial number, and the SNA marking numbers.

Figure 6: RPG logbook entries.

RPG7

WEAPON NAME											
RECEIPT											
Log entry number	Date of entry	CDF order reference number	Supplier country	Weapon model	Weapon serial number	Rack / stack number	SNA marking database number	Receiving officer rank and name	Date received	Issuing officer rank and name	CDF order reference number
1	22-6-2016	XXXXXDS		RPG7		36					
2											

101

WEAPON NAME									
ISSUE									
SNA marking database number	Receiving officer rank and name	Date received	Issuing officer rank and name	CDF order reference number	Issue voucher number	Date issued	Receiving officer rank and name	Receiving unit	Receiving unit location
			Col Ahmed Mohamed	LV: XAB041					
			Col Ahmed Mohamed	X01134116	051	02/10/2016	St/16 Ahmed	9.12.2016	9.12.2016
			Col Ahmed Mohamed	LV: XAB041	052	19/11/2017	Gen. 1004	9.12.2017	9.12.2017
				185/17					

⁴¹ Advance delivery notification was sent to the Committee on 22 July 2016 (S/AC.29/2016/NOTE.38). No post-delivery confirmation was sent to the Committee.

**Annex 8.3: Review of paperwork related to ammunition distribution from
Halane (STRICTLY CONFIDENTIAL)***

Annex 8.4: Review of paperwork related to a shipment of weapons and ammunition from Djibouti (STRICTLY CONFIDENTIAL)*

Annex 8.5: Diversion

1. In paragraph 8 of resolution [2182 \(2014\)](#), the Security Council prohibited the sale, transfer or use of weapons sold or supplied for the development of the security forces of the FGS to or by any individual or entity not in the service of the FGS security forces. Since the partial lifting of the arms embargo, the Monitoring Group has documented diversion of weapons and ammunition from Government stockpiles, in its 2014 and 2015 reports.⁴²
2. During the current mandate, the SEMG again documented cases of weapons from FGS stockpiles found in possession of individuals or illicit arms dealers in Mogadishu.

FGS weapons in the possession of arms dealers in Mogadishu

3. The SEMG documented seven weapons found in possession of arms dealers in Bakara market and near KM5 roundabout, both in Mogadishu, between November 2015 and April 2017 (see sample images below). The weapons — assault rifles and pistols — bore the markings of the Somali Police Force (SPF), the National Intelligence and Security Agency (NISA), private security companies (PSC) and Government officials.
4. The SEMG requested information from the FGS on the initial distribution of these weapons, including logbook extracts demonstrating the origin of each weapon, and to which individuals and security agency — and where appropriate, brigade and battalion — or private security company to which the weapons were assigned, as well as the dates of distribution. A first informal request was made on 11 July 2017 to the Office of the FGS National Security Advisor. On 7 August 2017, the SEMG received a reply stating that the Ministry of Internal Security (MoIS) had in turn requested the information from PSC, SPF and NISA.⁴³ On 22 August 2017, the SEMG sent official correspondence to the FGS, but had not received a reply as of this writing.⁴⁴

Figure 1: AKM-PM md. 63, 7.62x39 mm with FGS marking SOPSC16/6385 seized during FGS stabilization operations in June 2017.

⁴² See, for example, [S/2014/726](#), annex 6.2, and [S/2015/801](#), annex 7.1.

⁴³ Email from the FGS Office of the National Security Advisor, 7 August 2017.

⁴⁴ S/AC.29/2017/SEMG/OC.114.

Figure 2: Type 56-1, 7.62x39 mm with FGS marking SOPSC16/7529 seized during FGS stabilization operations in June 2017.

FGS weapons captured during Mogadishu stabilization operation

5. The SEMG documented seven other FGS-issued weapons during its visit to the SNA headquarters at Villa Gashandiga on 11 July 2017 to investigate weapons seized during the Mogadishu stabilization operations led by joint Somali security forces (see sample images below). Seven assault rifles among the 45 total weapons seized bore the markings of the FGS: five with PSC markings, and two with SPF markings. The SEMG was informed that these rifles had been seized from individuals in Mogadishu, without further explanation.

6. The SEMG noted positively that most of the captured weapons had been registered in a dedicated logbook. The SNA subsequently proceeded to distribute 16 weapons to SNA units, however, without marking. The SEMG also found discrepancies between the logbook and the weapons the SEMG inspected. Four of the 45 captured weapons had not been registered in the logbook, while another weapon which had been registered — with SNA markings — was not among the weapons on site. The FGS explained these discrepancies by the fact that the Gashandiga armoury team had yet to receive any training on the logging procedures, with training pending.⁴⁵

Figure 3: Type 56, 7.62x39 mm with FGS marking SONISA0178 found in possession of an arms dealer near Bakara Market, Mogadishu, in February 2016.

Figure 4: AKM, PM md. 63, 7.62x39 mm with FGS marking SO-CBS-0510-16 found in possession of an arms dealer near KM5, Mogadishu, in May 2016.

⁴⁵ Email from the FGS Office of the National Security Advisor, 7 August 2017.

Annex 9.1: Establishment of a United Arab Emirates military base in Berbera

Figure 1: Satellite imagery of coast north of Berbera Airport, 23 December 2016.

Figure 2: Satellite imagery of coast north of Berbera Airport, 21 September 2017.

Annex 10.1: Marginalized communities and humanitarian access¹

1. As a result of social, political and economic exclusion, marginalized communities were less able to cope with the impact of the famine in 2011-2012. Their status affected ability to access external lifelines, such as diaspora remittances, but also humanitarian assistance.² As beneficiary populations, marginalized groups often have little power to negotiate effectively for their needs.³ Members of marginalized groups are also generally missing from the architecture of humanitarian response, including control and staffing of UN humanitarian entities and international and local non-governmental organizations (NGOs).

2. It is too early to assess the humanitarian response to the 2016-2017 drought and its impact on marginalized communities and exclusion. In the interim, the SEMG compiled snapshots of three marginalized communities. Each experience of humanitarian obstruction reflects a different facet of marginalization in Somalia, and a different approach to challenging it.

Displaced Shiidle communities in Jowhar, Middle Shabelle⁴

3. The Shiidle, who farm in the riverine areas around Jowhar and Balad, are a Jareer clan indigenous to the region. Their rivals for power are the primarily pastoralist Abgaal who have traditionally held sway in government and security positions, both at the district and regional level.⁵ In terms of control of humanitarian operations, in 2017, for example, the position of humanitarian coordinator was moved from under the authority of the District Commissioner — usually Shiidle — to the Regional Governor — Abgaal — reaffirming the dominant interest. Almost all the humanitarian entities operating in the area, whether local or international, are staffed at senior level on the ground by Abgaal, although there are some exceptions. The Abgaal are also the dominant clan in the Somali National Army (SNA) contingents based around Jowhar and Balad, monopolizing the instruments of Government force.

¹ The SEMG defines marginalized communities as groups — defined by clan, culture (pastoralist vs farmer), physical appearance, or perceived ethnicity or caste — which are excluded from power and resources either on the basis of identity, or because the group is a minority in a particular geographic area.

² A recent study conducted for the World Bank confirmed that remittances were concentrated within certain lineages. The most vulnerable communities — Rahanweyn and Bantu — had relatively few members in the diaspora, or in urban and business sectors. See, Nisar Majid, with Khalif Abdirahman and Shamsa Hassan, *Remittances and Vulnerability in Somalia, Assessing sources, uses and delivery mechanisms* (Rift Valley Institute, May 2017). See also Daniel Maxwell and Nisar Majid, *Famine in Somalia, Competing Imperatives, Collective Failures, 2011-12* (Hurst, 2016).

³ Humanitarian inputs are rarely simply offered but are negotiated with the beneficiary community, including the percentage split of profits from the engagement.

⁴ This account is based on a series of interviews with elders from the Shiidle community, internally displaced persons (IDPs), and farmers, some conducted on behalf of the SEMG, and discussions with NGO and UN humanitarian workers and African Union Mission in Somalia (AMISOM) officials between February and August 2017.

⁵ Despite some attempt to share administrative power — the position of District Commissioner, for example, is usually held by a Jareer — the Deputy will be Abgaal and wield considerable power alongside the Governor (also Abgaal).

4. The struggle for control of land and power between the Shiidle and the Abgaal has frequently spilled over into armed conflict. As reported by the SEMG in [S/2014/726](#), annex 8.2 (strictly confidential), in November 2013 over 5,000 members of Shiidle/Walamoy communities from 20 villages north-east of Jowhar were displaced by attacks by the SNA — primarily comprised of Abgaal personnel — and Abgaal militia forces. Most of those who found their way to Jowhar for safety were still displaced during the current mandate, afraid to go home in the absence of any final resolution of the dispute over farmland which had sparked the attacks.⁶ Again, in April 2017, over 5,000 Jareer/Shiidle/Bare were displaced from three villages near Balad further to Abgaal militia attacks, supported by elements of the SNA.⁷

5. In 2013, assistance to the displaced persons was initially provided by AMISOM and the humanitarian community, but by 2015, the local authorities began to actively prevent provision of assistance to the group settled at Bula Rahma near the AMISOM camp.⁸ In April 2015, for example, one NGO assessed community needs and prepared nutrition supplies for delivery; ultimately, however, the organization was informed by the local administration that they could not return to Jowhar to provide the assistance. As a result of this obstruction, until mid-2017 the camp did not receive support from the formal humanitarian sector, surviving with the assistance of the diaspora and the host Shiidle community, even as its population grew: as of July 2017, there were 2,733 Shiidle families at the camp, hosting not just the original group, but Shiidle displaced from the drought and the April 2017 attacks.

6. In May, an internal UN report seen by the SEMG noted that AMISOM was concerned that 16,600 people at its forward operating base at Bula Rahma — also sometimes called Towfiq — were in desperate need of protection and assistance as the local administration had been actively blocking anyone who tried to assist them. The change of governorship of the HirShabelle Interim Administration (HIA) in February 2017 facilitated some relaxation of the *de facto* ban on assistance: in mid 2017, for example, the community reported that a humanitarian agency had registered 700 families for a cash input and remitted one payment of \$200 to 300 families in July 2017.⁹

7. More broadly, due to their lack of representation in the humanitarian structures, the Shiidle were generally less able to negotiate with humanitarian agencies to ensure that aid reached the ground, and to challenge diversion. Nevertheless, in mid-2017, elders in four Shiidle villages refused to participate in a cash for work scheme, as the organization involved was offering only \$1.5 per metre of water channel dug as opposed to the \$3 which was paid to other communities.

⁶ A small number of Shiidle farmers did return home. The SEMG confirmed that in one village — name on file with the Secretariat — in mid 2017, farmers were receiving part of a mixed cash and foodstuffs input, due to an agreement between the NGO and traders.

⁷ See annex 11.1.

⁸ SEMG interviews with IDP representatives and AMISOM officials present at the time in Jowhar, August 2017.

⁹ The agency confirmed the registration and single payment — but to just over 500 families.

Dir/Surre/Fiqi Mohamed and Jareer/Gabaweyne communities in Bohol Garas and Qoney, Gedo¹⁰

8. In S/2016/919, annexes 7.8 and 7.8.1 (strictly confidential), the SEMG documented how the Interim Jubba Administration (IJA) minister for security, Abdirashid Hassan Abdinur (Darod/Marehan) controlled humanitarian operations in Dolow, Gedo region. Operating directly, and through proxies, he diverted and manipulated the direction of humanitarian assistance in the district, and to a lesser extent in Belet Hawo and parts of Luq.¹¹ One outcome documented during this mandate was consistent attempts to deny humanitarian access to non-Marehan communities on the east bank of the Juba river, comprising parts of Dolow and Luq districts.¹²

9. Among the historically marginalized communities living on the east side of Dolow across the river are the Dir/Surre/Fiqi Mohamed and Jareer/Gabaweyne.¹³ The Surre are a minority due to geography, as they are a Dir sub-clan in a Darod/Marehan dominated area. The Gabaweyne are marginalized due to their exclusion from the lineages of the four dominant clans. The Surre have had some access to external support through diaspora and business ties, but the Gabaweyne have few links to power and resources. The latter have also been the continuous target of land-grabbing and displacement since the 1990s from the riverine areas where they once formed the majority population.

10. The local administration and NGOs with an interest in denying or manipulating humanitarian inputs, restricted access to the area through a variety of means: denial of travel permission on security grounds; arrest of humanitarian workers who sought to present proposals relating to provision to the area; classification of sub-villages — resided in by the minority but dominant clan — as the main village, in order to attract services and support; and control of NGOs to manipulate humanitarian access and restrict monitoring.¹⁴ At the same time, where access was permitted, local communities found themselves in a weak negotiating position, unable to demand effective project delivery and prevent diversion.

11. During early 2017, local efforts to negotiate access to the flows of aid coming to Gedo under the drought response got underway, supported by international partners. External humanitarian experts provided support to local Members of Parliament (MPs) to

¹⁰ This account was compiled further to interviews with national and international staff of local and international NGOs operating in Dolow in 2017 or in previous years, and with UN staff and humanitarian and human rights experts between January 2017 and August 2017.

¹¹ See S/2016/919, annex 7.8 and strictly confidential annex 7.8.1. See also annex 11.3 and 11.3.1 (strictly confidential) for an update on investigations into Abdinur's responsibility for violations of international law involving targeting of civilians and obstruction of humanitarian assistance.

¹² In 2012, there was an effort to re-create the districts of Bohol Garas and Qoney, which had existed under the Siad Barre regime, to allow for both greater control by, and power-sharing between, the two communities. The revived district arrangement was, however, not been recognized at the federal level, and the area continues to come under the control of the Dolow and Luq authorities.

¹³ Other clan families present in the area were the Gassaregude, the Hawiye/Shekal, the Jejele, the Laysan and the Mirifle/Ashraf.

¹⁴ Specific cases of such obstructions were documented and verified by the SEMG but not provided here for reasons of security of interlocutors. There were also physical barriers to access such as few river crossing points and a lack of infrastructure, including as a result of the persistent underdevelopment of the area.

develop proposals to break the impasse around humanitarian access. The MPs later met with the IJA minister of security Abdinur and other representatives of the regional and local administration in Dolow, but no specific undertakings were made.

12. Meanwhile, in early September 2017 the UN reported that General Acute Malnutrition (GAM) rates during June/July for both riverine and pastoralist communities in northern Gedo were between 15.7 and 17.5; rates of above 15 are considered critical.¹⁵

SEMG assessment of humanitarian inputs

13. The SEMG conducted a brief assessment of the main humanitarian inputs received by communities living in, and in villages surrounding, the towns of Bohol-Garas and Qooney — approximately 7,000 households — between late 2015 and July 2017.¹⁶ Information was gathered from local communities on the projects purportedly run by five different organizations in order to better understand the forms of denial of access and diversion faced.

- (a) **NGOs without connections to the IJA/Dolow administration:** Where permitted to operate, this category of NGO was only able to conduct modest activities, such as distribution of water, sanitation and hygiene supply (WASH) kits, vaccines, acute watery diarrhea (AWD) treatment, provision of primary health care in two facilities, or engagement in hygiene promotion.
- (b) **NGOs connected with the IJA/Dolow administration:** These organizations were permitted to seek and receive funding from external partners, including the UN, for potentially significant infrastructure and other projects in the area. Their activities generally had minimal impact, with scant implementation on the ground, indicating likely diversion of funds. Even following the implementation of a water and sanitation project in Bohol Garas in 2016, for example, the community still relied on water donkeys in 2017, with those who could not afford the service forced to fetch water from the river or shallow wells. In Qooney, an NGO was also funded to implement water and sanitation infrastructure improvements: water services were still not functioning in July 2017. During the 2017 drought response, however, a second administration-proxy NGO did manage to distribute child nutrition supplies sporadically to approximately 90 children from at least January to July 2017.
- (c) **International NGOs or internationally supported local NGOs:** During the mandate, some international entities began to more effectively challenge obstruction from the local administration, including in partnership with local NGOs. Despite sometimes serious consequences for staff, these efforts did have modest success. One local community reported, for example, that a cash for work project in 2017 reached over 300 beneficiaries, albeit with half the salary amount promised. Another direct food relief input — pulses, starches and oil — in mid-2017 was accessed by over 1,000 beneficiaries. Finally, a food voucher

¹⁵ See Famine Early Warning Systems Network, *2017 Somalia Post Gu Seasonal Food Security and Nutrition Assessment: Key Findings*, 5 September 2017.

¹⁶ Details of these projects are on file with the Secretariat, but key identifiers are suppressed for reasons of security. There are 44 sub-villages connected with Bohol Garas and Qooney.

program supported over 489 families, with relatively small rates of diversion compared to those usually experienced in the area.

The Madiban community in Galkayo¹⁷

14. The Madiban community is one of Somalia's minority clans.¹⁸ They are found throughout Somalia, but particularly in the north, and suffer severe discrimination on grounds of caste exclusion.¹⁹ There are no statistics available on the population of Madiban in Somalia: in Galkayo and its surrounding villages, Madiban claim that they make up as many as 35 per cent of the area's residents.²⁰

15. With most humanitarian entities are controlled by dominant clans in Galkayo — almost exclusively Darod/Majeerteen in north Galkayo — the community had always found itself both sidelined from access to humanitarian assistance, and discriminated against in the main camps. As the drought created pressure on all communities in late 2016 Madiban IDPs arriving into the town began to be simply turned away by those in control of the settlements. With the support of a few members in diaspora, the Madiban host community in Galkayo organized and managed to purchase a plot of land on which to settle the arriving IDPs. Danwadaag camp was founded in October 2016, and by August 2017, over 700 families were living there. The camp had one hand-dug well with no pump, no medical facilities and rudimentary shelter with dwellings constructed of branches, cardboard, rags and plastic bags.²¹ Of all the Galkayo IDP camps, however, Danwadaag camp residents were the only ones who held a lease to their land.²²

16. Although no agency conducted formal nutrition assessments, the level of need, however, was assumed to be very high.: in June/July 2017 GAM rates in Galkayo IDP camps were assessed at 21.6 — critical — although Danwadaag camp was not included in the data set. Local elders told that SEMG that 19 children and five adults from the Madiban IDP community died from malnutrition related causes in Danwadaag camp between January and July 2017, but this could not be confirmed.

17. By early September 2017, the camp had managed to secure aid from three humanitarian NGOs which provided weekly child malnutrition support, basic medical

¹⁷ This account was compiled based on the SEMG's visit to Galkayo between 2 and 7 July 2017, interviews with members of the Madiban community, experts in diaspora, and engagements with humanitarian agencies.

¹⁸ The name is often used to englobe other occupational minorities such as the Tumul and the Yibro under a common banner. See, Martin Hill, *No redress: Somalia's forgotten minorities* (Minority Rights Group, 2010), available from <http://minorityrights.org/wp-content/uploads/old-site-downloads/download-912-Click-here-to-download-full-report.pdf> (accessed on 22 September 2017).

¹⁹ Even in exile strict divides are maintained: in 2016, the SEMG interviewed Madiban community leaders from Kakuma refugee camp who described how their children were not allowed to sit near children of other clans in refugee schools. Even school materials unintentionally touched by Madiban children would be thrown away.

²⁰ Areas around Galkayo which were described to the SEMG by the community as almost exclusively Madiban include: Xero Jaale; Dabridka; and Waniiqle. Others with a significant population include: Bacaadweyn; Buursaalax; Buuryoqab; Deyro; and Goldogob.

²¹ The community built a two-room school of iron sheets: the children sit outside due to the heat.

²² In August 2017, the Tumul community, another occupational minority, decided to follow the lead of the Madiban and set up their own camp along the same lines.

supplies, and cash inputs for three months for around 250 families. These inputs were shared out between the whole community.

18. The SEMG also documented how critical nutrition inputs in Galkayo — plumpy nut provided by the World Food Program and intended for malnourished children, and grains/pulses, oil, etc. — were being sold openly in the market (see figures 1 and 2).

Figure 1: Plumpy nut (child malnutrition supply) being sold in the market in Galkayo, photograph taken on 10 September 2017 on behalf of the SEMG.

Figure 2: Grains, oil and dried food being sold in the market in Galkayo. Photograph taken on 10 September on behalf of the SEMG.

Measures to challenge exclusion

19. In comparison to the 2011/2012 famine, during the mandate, donors and humanitarian organizations demonstrated a greater awareness of the challenge of access to marginalized communities, including achieving small successes, as noted in the cases above. Devising strategies to effectively tackle the deep roots of the phenomenon was difficult. In early 2017, the United Kingdom's Department for International Development (DFID) commissioned the Centre for Humanitarian Change to work with its humanitarian partners to infuse awareness of exclusion of marginalized populations in programming during the drought. The project included pilot activities where advisors worked with partners and local communities to challenge specific experiences of exclusion. Within the UN, the Deputy Humanitarian Coordinator made the issue a theme of his initiatives and the SRSR convened a round table discussion on exclusion which is intended to lead to a permanent discussion forum. More broadly, the FGS convened discussion around the development of a National Inclusion Action Plan and the setting up of a National Council for the Development of Somalia Minorities, but these initiatives are in their early stages.

20. At the programme level, however, there is a need for greater awareness of the specific experience of marginalized communities to be explicitly integrated in project design and monitoring. Risk assessments might include an analysis of clan and other potential markers of exclusion, both with respect to the identity and perception of the organization providing the inputs, and the beneficiary community. As a condition of funding, organizations could potentially be asked about the specific strategies which would mitigate these risks.

21. In terms of challenging the balance of power within the humanitarian community itself, the UN Country Team could consider how to encourage marginalized communities to participate in the formal structures of humanitarian response, including with respect to UN staffing.²³ Another option is the operation of small grants schemes targeted at assisting new organizations to build capacity to join the system.²⁴

²³ Inclusion of the voice of marginalized groups in national fora on accountability and reconciliation is a much larger issue, including in terms of addressing inequalities in access and control of livelihoods, assets and land.

²⁴ In addition to facing threats from those who dominate the humanitarian business, marginalized communities often find it difficult to generate the initial investment required to become part of the system — whether to pay for registration, succeed in capacity assessments, or be approved within the grant cycle.

**Annex 10.2: Involvement of a Lower Shabelle NGO in inter-clan conflict
(STRICTLY CONFIDENTIAL)***

Annex 11.1: Destruction of Shiidle villages near Balad, Middle Shabelle¹

1. On 4 April 2017, and for three days after, the villages of Jameeco-Misra, Kulmis-Yarrow and Maqdas were the site of armed conflict between Hawyie/Abgaal/Wacbudan/Eli and Jareer/Shiidle/Bare militia, augmented by elements of the Somali National Army (SNA). The battle resulted in the displacement of almost all the inhabitants of the villages and the burning of homes and assets. As of 10 September, most of the community were still displaced.

2. This case study highlights three challenges: the continued use of SNA power, personnel and assets to progress clan business; the need for genuine inter-clan reconciliation and power sharing at regional and district levels; and the importance of reform of the security sector to remove individuals committing repeated abuses and to build a force more reflective of the population.

Background to the conflict

3. The conflict was triggered when cattle belonging to the Abgaal/Eli community entered onto Shiidle/Bare community farms and the Bare demanded compensation for the damage done their crops. Further to return of the livestock, Eli militia returned to the land at the centre of the dispute and killed two of the owners.² Although the movement of cattle onto the farming land was the overt cause of the conflict, the SEMG identified additional exacerbating factors including an interest in taking control of the cannabis crop which Shiidle sub-clans in some areas had increasingly begun to farm.³

4. Shiidle/Bare militia and Abgaal/Eli militia were the main participants in the fighting. Most of those claimed, however, that alongside the Abgaal/Eli militia, Abgaal elements of the SNA, and SNA assets were deployed in support of the attack. In particular, they pointed to the presence of the SNA Captain Saney Abdulle Nur (Abgaal/Owbakar Gabane).⁴ A number of people stated that they had recognized two vehicles being used during the attack as belonging to Captain Saney.⁵ An internal UN report seen by the SEMG noted “the active participation of security forces in the attacks”.

5. Some of those interviewed also claimed that at least one new technical and weapons had been “sent from Mogadishu” by Hassan Mohamed Hussein “Mungab” (Abgaal/Eli) the former Mayor of Mogadishu and Governor of Benadir region, to assist with the takeover. The SEMG could not confirm this report. They also claimed that the

¹ This account was prepared by assessing the testimony of Shiidle elders and community members displaced to Mogadishu and consultation with Shiidle and Rer Shabelle diaspora in Kenya. The SEMG also arranged for interviews to be conducted people displaced from the conflict in Jowhar and Balad. Information was corroborated with UN officials, staff of local and international NGOs, local security actors and AMISOM.

² An internal UN report seen by the SEMG confirmed the killing of two Bantu men near Balad on 5 April 2017, Maxamuud Axmed Qaali, 40, and Abuukar Cumurey, 23.

³ Trade in hashish is allegedly on the rise, not just for use by Somali security forces but also as an export trade to countries in the Middle East.

⁴ Captain Saney was attached to Battalion 23 in Middle Shabelle. He is currently based near the AMISOM camp at Jowhar.

⁵ They also noted that Captain Saney was known to have control of four technicals, one of which had been burned during an attack on Towfiq village earlier in the year.

Middle Shabelle Governor Ahmed Meyre Makaran bore responsibility for supporting the military elements which augmented local militia.

6. As testified by women displaced from the attack to Jowhar, also joining the Abgaal attacking force was Jelani Mohamud Sheikh “Jelani”. Jelani is a Shiidle/Bare militia leader who frequently operates with Captain Saney. Prior to the conflict in the three villages, Jelani participated in an attack launched by Captain Saney on the village of Towfiq, another Shiidle village. Heavy weaponry was used in an attack against the family home of General Mohamud Haji Ahmed Ali “Shegow” (Jareer/Rer Shabelle).⁶

7. The attack came as part of a longer running dispute between the two men. The tensions related to the General’s role in an SNA military campaign to disrupt illegal checkpoints run by rogue SNA units in Lower Shabelle in 2015, including those run by Saney.⁷ In January 2017, in Middle Shabelle, Captain Saney and his men had erected an illegal checkpoint on the Mogadishu Jowhar road at Khalimow village near Balad for two weeks until the FGS ordered him to withdraw.⁸ It is not clear whether General Shegow was part of the operation to disrupt the latter checkpoint but Captain Saney’s attack on the village of Towfiq occurred shortly afterwards. Eventually General Shegow had to request AMISOM to evacuate him from his position as he was unable to rely on support of the Abgaal-dominated SNA in Middle Shabelle to safely withdraw from the area.

8. The Abgaal force was heavily armed including with RPGs and DShKs, supported by technicals. Witnesses alleged that some of the attackers wore military uniform while others were in civilian dress.⁹ Grenades were used to set on fire homes and other structures.¹⁰ The Shiidle were mostly armed with AK-pattern rifles.¹¹

Impact of the conflict

9. The centre of the villages of Jameeco-Misra, Kulmis-Yarrow and Maqdas were almost completely destroyed by fire. One humanitarian worker who interviewed those displaced to Jowhar described how she was told that wells and water pumps were targeted for destruction and looting and that “an ice factory” in one village had been vandalized.¹²

10. A report provided to the SEMG by Shiidle elders in the diaspora claimed that 10 civilians from the Shiidle community had been killed during the fighting, including a 10-

⁶ General Shegow is a former member of Al-Shabaab who defected to the government in 2012, joined the SNA and was awarded the rank of Brigadier General.

⁷ Conversation conducted on behalf of the SEMG with General Sheegow and transmitted by email, 30 July 2017. The SEMG also interviewed a humanitarian worker based in Nairobi with knowledge of the area who confirmed that an attack on Towfiq occurred targeting the home of General Shegow. Interview with a humanitarian worker, 17 July 2017, Nairobi. The SEMG also received a report from an NGO staff member with knowledge of the security context in Middle Shabelle, that on 20 January an SNA soldier under the command of General Sheegow had killed a male civilian in Jowhar, accusing him of spying for Jeylani.

⁸ Interview with local journalist from Jowhar, 12 August 2017.

⁹ Interview with elders displaced to Mogadishu from Jameeco, Mogadishu, 2 May 2017.

¹⁰ See figures 1 and 2, below, for photographs of the aftermath of the attack.

¹¹ The Shiidle militia in the Balad area are reported to have 10 PKMs but it is not known if these were deployed. SEMG Skype interview with journalist in Jowhar, 21 August 2017.

¹² Interview with humanitarian worker, Nairobi, 12 June 2017.

year-old boy. In an interview with the SEMG, an elder from Jameeco displaced to Mogadishu also described how Eli militia “burned the houses and killed the children”.¹³ There were no reports, however, of female casualties, indicating that the fighting occurred primarily between armed actors: between militia, SNA personnel and those defending their homes. The SEMG was unable to confirm the deaths of civilians beyond the two farmers whose killing sparked the attacks, and the young boy.¹⁴

11. Most of the inhabitants of the three villages fled the area. A humanitarian worker told the SEMG that approximately 1,200 households were displaced from Jameco-Misra; 280 from Maqdas; and 272 from Kulmis-Yarrow.¹⁵ Some sought safety in the surrounding villages of Baqdaad, Basra, Mukidheere, Maandhere, Bacaadley, Boodaale, Xawaadley, Shamlo, and Dhagaxow.¹⁶ The AMISOM Sector 5 camp at Balad received many of those displaced: between 700 families or 5,700 individuals. A smaller number fled to Jowhar.¹⁷ A Bantu Member of Parliament approached AMISOM shortly afterwards requesting support for 5,400 IDPs camped around Balad, reporting that 753 homes had been destroyed by fire.¹⁸

12. Others fled to Mogadishu. On 24 April, an internal UN report noted that an NGO had visited two IDP camps — Alcadaa and Gunspre — and identified 95 households newly arrived from Jameco-Misra, displaced by clan conflict”.¹⁹ Shiidle elders informed the SEMG that up to 550 households had been displaced from the three villages to Bura-ko/Mashala in Mogadishu, although it is not clear if all had arrived further to the attacks.²⁰

Aftermath

13. With the authority of the HirShabelle Interim Administration (HIA) still in formation at district level and unable to project power to resolve the crisis, the conflict continued sporadically, primarily between militia defending their positions on the ground around the villages.²¹ On 29 April, for example, there were clashes at Jameco-Misra when Shiidle/Bare militia attacked the Abgaal/Eli militia who were occupying the area. Somali media reported that three fighters had died in an encounter that involved the use of “automatic weapons, heavy machine guns and rocket-propelled grenades”: NGO reports received by the SEMG, however, indicated one dead and two wounded.²²

14. Civilians were also attacked due to the unresolved conflict:

¹³ SEMG interview with elders displaced to Mogadishu from Jameeco, Mogadishu, 2 May 2017.

¹⁴ An NGO with knowledge of the security situation in Jowhar confirmed the killing of two Shiidle civilians in the attacks. Email NGO staff member, 5 April 2017. The SEMG confirmed the name of the boy as Abukar Omar Abdirahman.

¹⁵ SEMG interview with humanitarian worker, Nairobi, 12 June 2017.

¹⁶ On 16 April, for example, a local NGO reported that the displaced communities who had fled to Mandhere village were facing “dire conditions”. Email from NGO staff member, 16 April 2017.

¹⁷ See discussion of the humanitarian response to those who fled to Jowhar in annex 10.1.

¹⁸ Internal confidential UN report reviewed by the SEMG.

¹⁹ Internal confidential UN report; email from humanitarian worker, 18 July 2017.

²⁰ SEMG interview with elders displaced to Mogadishu from Jameeco, Mogadishu, 2 May 2017.

²¹ Pictures taken on behalf of the SEMG in Maqdas, for example, show the presence of a Shiidle militiaman. See figure 3, below.

²² See, “Clan Clashes Claim Three Lives In Middle Shabelle”, Goobjoog News, 30 April 2017, available from <http://goobjoog.com/english/clan-clashes-claim-three-lives-middle-shabelle/>.

- On 7 June, a group of five Shiidle men — including both Isse and Bare sub-clans — were executed near Hawadley village, taken from a vehicle in which they were transporting vegetables to Mogadishu and shot.²³ Two accounts collected by the SEMG from local journalists attributed the killings to Gaaljal militia, as revenge for the killing of a Gaaljal man.²⁴ Shiidle elders claimed, however, that Abgaal militia were behind the murders and that it related to the April conflict: UN sources also received similar information. There was no investigation by the local administration into the incident. The SEMG was unable to make a determination.
- On 19 July, a Shiidle/Bare man was shot and killed by an Abgaal militiaman near Xawaadley village.²⁵ Displaced to Mogadishu by the 4 April conflict, he had returned home to check on his land.

15. The April attacks occurred against the background of long-running tensions between Abgaal and Shiidle communities in Middle Shabelle which have regularly erupted into violence. These have been characterized by the use of Government forces and assets in support of Abgaal objectives. In 2014, for example, the SEMG investigated a series of attacks in November 2013 on 20 villages inhabited by the Shiidle/Wallamoy community north-east of Jowhar town during which at least 60 civilians were killed, homes burned, and assets looted. Most of the inhabitants of the villages were forced to flee.²⁶ The attacks were launched by Abgaal/Mohamed Muse militia, bolstered by federal forces— 1st Brigade with the assistance of the 3rd Brigade (60th Battalion).

16. The involvement of state forces on these occasions complicated the response to the conflict, including as the local administration was perceived as being unable to act as an honest broker in inter-clan dialogue. The Governor of Middle Shabelle, Ahmed Meyere Makaran and the Vice President of the HIA — and former Governor — Ali Gudlawe Hussein, for example, were considered complicit as their respective sub-clans participated in, or supported, the attacks. In May 2017, a delegation led by the State Minister of Internal Affairs and Reconciliation, together with regional officials, travelled to the three villages and met with local elders promising support for reconciliation. In early August, a new Balad district administration was appointed which included greater representation of local communities. Bolstered by their new legitimacy on the ground, officials immediately called together the Bare and Eli elders and warned that if even “one bullet” flew in further conflict, all would be arrested. Although the situation has since remained calm, by 1 September talks about the return of the community to their homes and the question of compensation, had not yet commenced.²⁷

²³ The SEMG has identified the six Shiidle men as: Ciiley (Ismail) Maxamed Daa’uud, 20 (Iise); Xintir Maxamed, 27 (Bare); Maaji Maxamed, 20 (Bare); Yuusuf Xabad, 25 (Bare); and Meyle Cabdikariin, 21 (Bare).

²⁴ Email from NGO staff member, 8 June 2017. Interview with a Middle Shabelle-based journalist, 25 July 2017.

²⁵ Email from NGO staff member, 20 July 2017.

²⁶ S/2014/726, annex 8.2 (strictly confidential).

²⁷ Talks have however begun in Jowhar around resolution of the inter-Abgaal conflict in Adale in Middle Shabelle.

Figure 1: Photograph of Jameeco-Misra village after the attacks taken by an SEMG source four days after the fighting.

Figure 2: Photograph of Kulmis-Yarrow after the attacks taken by an SEMG source four days after the fighting.

Figure 3: Photograph of Maqdas village after the attacks taken by an SEMG source four days after the fighting — note the presence of a Shiidle militiaman.

Annex 11.2: Child recruitment and use

Harakaat al-Shabaab al-Mujaahidiin²⁸

1. In its final report on Somalia of 2016 (S/2016/919, annex 7.2), the SEMG recorded a spike in Al-Shabaab recruitment — in particular of young children — a few months prior to major operations by the militant group in Puntland in March 2016. Nevertheless, during the mandate, despite an increase in anti-Al-Shabaab operations, overall reported instances of child recruitment fell between September 2016 and June 2017.
2. In the Juba Valley, for example, preparations for Operation Safari Hunter got underway in earnest towards the end of 2016. Although in late 2016 Al-Shabaab continued to target children in rural areas, by the first half of 2017 there was a significant fall-off in efforts to recruit. An Al-Shabaab-affiliated source assessed that child recruitment in early 2017 had reduced to as little as a third of previous levels.²⁹
3. The fact that military operations by anti-Al-Shabaab forces had restricted the movement of fighters, coupled with the desire not to antagonize local community relations as a major confrontation approached, likely affected the recruitment campaign. Further, large numbers of children were already embedded in Al-Shabaab's madrasa system, a ready-made recruitment channel for the group (see below). The greater emphasis placed in 2017 in Middle Juba on the training of East African foreign fighters may also have impacted the pattern of local recruitment.³⁰
4. By July 2017, however, the trend was reversing. In June 2017, in Hiran, Galgadud and Mudug regions, Al-Shabaab began a new round of aggressive child recruitment, accompanied by a campaign of threats and violence against local communities. On 7 August, the District Commissioner of Adale in Middle Shabelle region announced that over 500 children had arrived into the town having fled forced recruitment in Galgadud, Hiran, and Middle Shabelle.³¹ It was too early to assess in September 2017 whether these large-scale recruitment efforts were being undertaken by Al-Shabaab in anticipation of planned anti-Al-Shabaab offensives in the Juba valley: it is possible that Al-Shabaab

²⁸ This section was compiled based on interviews with: community elders in Baidoa, Kismayo, Mogadishu, and in the diaspora; staff of national and international NGOs; officials of UN agencies, district and regional authority and security officials; and interviews conducted on behalf of the SEMG with individuals currently and formerly associated with Al-Shabaab, between November 2016 and August 2017. References in the text to "UN protection monitors" are to staff members of UN agencies involved in child protection activities and to contributors to the UNICEF-facilitated Monitoring and Reporting Mechanism for Grave Violations of Child Rights (MRM in Somalia).

²⁹ Interview conducted on behalf of the SEMG with Al-Shabaab mid-rank fighter, location redacted, 28 July 2017.

³⁰ The SEMG received single source but credible information that an increasing number of young male recruits arrived from East Africa into Middle Juba during early 2017 and received short training programs. Al-Shabaab assigned specific responsibility for external recruitment and transportation of these individuals, reflecting the apparent importance of the strategy.

³¹ See, "Somali Children Flee Al-Shabaab Recruitment", VOA, 7 August 2017. Available from <https://www.voanews.com/a/somali-children-seek-refuge-al-shabab-coastal-town-adale/3975825.html>.

intended to avoid alienating families on whom it relied for support during operations, and reduce desertion,³² by planning to deploy children from other areas in those encounters.

Impact of the drought

5. The arrival of the drought in 2016 created a fertile environment for child recruitment in Al-Shabaab areas. In districts around Hudur, for example, local officials described how families were forced to leave children behind when they fled to government-held areas for humanitarian assistance. When supplies dwindled, children were turned to Al-Shabaab for help: in Tiye glow district, for example, several boys who had defected from Al-Shabaab in early 2017 were forced to re-join the group.

6. As an inducement to recruitment, Al-Shabaab in parts of Bay region promised children that they would receive food, clothes, education — including IT training and driving skills — and health services. For older boys, Al-Shabaab undertook to pay dowry when the time came for them to marry. In some cases, boys were told that they would not have to fight.

7. Pressure was also brought to bear collectively on communities. In three locations in Al-Shabaab's Bay heartland — Rama Cadeey, Bulo Fulay and Bush Madine — the group called a meeting at the height of the drought and demanded that 300 children be sent to its madrasa. Families who initially refused were fined \$50 per child when they were eventually forced to attend.³³

Education as a recruitment strategy

8. Building on trends observed by the SEMG since 2015, in 2017 Al-Shabaab intensified its involvement in education — both for children and adults — as a strategy for early indoctrination and training, and for encouraging allegiance by specific sub-clans in areas of oscillating influence.

9. In April 2017, Al-Shabaab announced that it had developed a new school curriculum which it would launch in July 2017. Over the following months, the group rolled out a series of activities — many constituting violations of international law — intended to ensure that schools both within and beyond its areas of control were prepared to implement its edict. These involved:

- (a) forced closure of schools to facilitate re-training of teachers;
- (b) prevention of teachers' freedom of movement;³⁴
- (c) summoning teachers living in government-controlled areas to travel to Al-Shabaab strongholds and be schooled in the new curriculum;³⁵

³² It is noteworthy that Al-Shabaab fighters from communities in Middle Juba — in particular, Mai Mai-speaking Bantu — were defecting in significant numbers from their bases in different parts of the country during this period. The SEMG documented one group of 29 defectors from this community, for example, who had arrived in Kismayo between May and July 2017 and connected them with UN agencies.

³³ Interview with individual with knowledge of Al-Shabaab's recruitment practices in Bay, 14 May 2017 and a follow up email, 13 June 2017.

³⁴ In areas around El Adde in Gedo in June, for example, Al-Shabaab ordered schools following the Somali curriculum to close and announced a period of teacher re-training. Some teachers left the area, while others were prevented from fleeing.

(d) occupation of schools;³⁶ and,

(e) abduction of children who participated in FGS approved government examinations.³⁷

10. These measures were part of an increasingly aggressive strategy to force children into Al-Shabaab-controlled madrasas (see below).

11. In areas where Al-Shabaab came under direct military pressure, recruitment efforts waned, as did emphasis on control of the education sector. In July 2017, in one rural village in Middle Juba, for example, the community was permitted — for a fee of \$1,200 — to open its own school and follow its own curriculum, including the teaching of English.³⁸

12. In Bakool, Lower Shabelle, and Middle Juba regions, Al-Shabaab reinforced its child recruitment education strategy by providing clan elders with specialized religious and ideological training. Reflecting Al-Shabaab's increasing use of clan as a vehicle for tracking and ensuring allegiance, in Awdheegle in July, Al-Shabaab issued identity cards with a clan marker to elders who had received training.³⁹ Elders were subsequently instructed to ensure each community obeyed the group's stipulations on recruitment: one to three boys, proportional to the number of children in each family — although guns could be provided *in lieu*.

Al-Shabaab's madrasa system

13. Since 2015, Al-Shabaab has been instituting a long-term strategy to build a cadre of deeply ideologically committed fighters, in which the madrasa system is a key component.⁴⁰ One of the first acts of Al-Shabaab, for example, when it retook control of Tiyeeglow, Bakool region, was to call elders and parents and order attendance of all boys and girls at the two new madrasas that they had opened.

³⁵ On 11 July 2017, seven teachers in Middle Shabelle were arrested in Jowhar and accused of collaboration with Al-Shahab further to their return from Al-Shabaab-controlled Gambole village, where they had been called to discuss the new curriculum. Email from UN staff member, 12 July 2017.

³⁶ On 6 July, for example, Al-Shabaab occupied five schools in El Bur district in Galgadud, in Elqoxle, Elgaras, Hindhere and Digdher villages. In parallel Al-Shabaab abducted tens of elders from around El Bur town in order to force the community to provide 150 children for training.

³⁷ In mid-July 2017, 25 children — between 10 and 16 years old — were detained by Al-Shabaab in Moqkoo village, Hiran region, reportedly for having taken part in FGS-approved school examinations. Email from UN staff member, 23 July 2017. Although the children were eventually released on 26 July, they were taken out of the area for safety. Other families also chose to leave. Email from UN staff member, 28 July 2017.

³⁸ The SEMG reviewed videos of the school operating: that filming was permitted was unusual.

³⁹ Al-Shabaab also began providing information on the clan lineage of its “martyrs” during the mandate and targeted certain clans with education programs to encourage or cement their loyalty. See, for example, “Daawo Sawirro: Arday Beesha Jiide oo loosoo Xiray Machad Ay Ku Barten Cilmiga Sharciga Ah”, *Somalimemo*, (“The Jidou clan students completed their study of sharia”, informal translation by the SEMG), 6 February 2017, available from <http://somalimemo.net/articles/6443/Daawo-Sawirro-Arday-Beesha-Jiide-oo-loosoo-Xiray-Mach>. Jidou clan militia had been supporting AMISOM in the Qoryoley area in late 2016 and early 2017.

⁴⁰ In Bakool, one expert claimed that the madrasa system was also a way of identifying girls for marriage.

14. The madrasa system in Middle Juba, Al-Shabaab's core stronghold, provides an example of the scale of the effort. During the mandate seven madrasas operated in Jilib, each with approximately 600 students between the age of 15 and 20 years old attending the facilities. In Sakow there were six madrasas, with the same number of students per facility, with many under the age of 15.

15. Attached to the madrasa was a second level of elite facilities to which children demonstrating potential were transferred for more intense, specialized training. 41 individuals identified for grooming as suicide operatives, for example, received special treatment to reinforce their commitment.⁴²

Forced recruitment of children

16. As noted above, since 2014 the SEMG has reported on the use by Al-Shabaab of detention, physical violence and threats of death of family members to force child recruitment. A new phenomenon which emerged during the current mandate, however, was the use of violence to collectively punish members of a community resisting child recruitment, either by refusing to hand over children or sending them out of the area.⁴³

17. A series of incidents in El Bur in Galgaduud in June and July provide a snapshot of the intense nature of these practices. El Bur has been highly contested between Al-Shabaab and anti-Al-Shabaab forces: Ethiopian National Defence Forces (ENDF) withdrew in March 2017. In May, it was reported that 70 families had fled the area to protect their children from forced recruitment. On 21 June, Al-Shabaab ordered local elders to prepare 150 children between 9 and 17 years old to be handed over to the group for training after Ramadan. When the children were not delivered as demanded, 45 elders were rounded up by Al-Shabaab. They were later released on condition that the community provide 150 children for the group. Between 26 and 30 July, Al-Shabaab abducted 300 children between 6 and 17 years- old from Elqoxle, Hamarjadid, Gondey, Goni and Hindhere villages and took them to the Ali'Jimale centre madrasa.⁴⁴

18. Alongside this new phenomenon of abductions of community and family members, the rate of direct abduction of children by armed actors in Somalia more than tripled. Al-Shabaab alone accounted for 364 such cases recorded by UN protection monitors in the second quarter of 2017. As reported in 2016, many of these abductions took place in schools.

Training of children under 15 in Bay and Bakool

19. In S/2016/919, annex 7.2, the SEMG documented a shift in focus by Al-Shabaab towards the recruitment of young children: this trend was consolidated during 2017,

⁴¹ Within the Bu'ale masjid system for example, young men who had been brought from refugee camps in Kenya were used as teachers to reinforce messages relating to the value of the cause: they had gone abroad and yet had returned.

⁴² One SEMG source in Middle Juba with knowledge of these training programs claimed that in the past some of these children had been sent to Afghanistan, India and Yemen for training. There had, however, been a pause in external training in 2017.

⁴³ Prior to 2016, violence and threat of violence to induce compliance with child recruitment measures was mostly used against individual families. Middle Juba was the exception, however, where local communities had little power in the local hierarchy and could be collectively intimidated.

⁴⁴ A month before Al-Shabaab had occupied schools in two of these villages.

including through the group's aggressive madrasa campaign described above. During the mandate the SEMG received information on the specialized training programs put in place for this population.

20. In September 2016 Al-Shabaab made a concerted effort to recruit 300 children under 15 — including 50 girls — for a specialized round of training. According to a 14-year old former Al-Shabaab trainee interviewed by the SEMG, the children were initially taken to the Kunyabarow training camp, Lower Shabelle region, and then to Bulo Fulay, Bay region.⁴⁵ He described how he received religious training in the morning and military training — including “explosions training” — in the afternoon.

21. In Bakool the training program for boys under 15 was similar, with religious and ideological schooling in the morning and military training in the afternoon.⁴⁶ In Sigle — one of the principal child training facilities in Bakool — military training comprised weapons handling and repair, defence and offense tactics, the assembly of IEDs and information gathering.⁴⁷

22. Girls at Bulo Fulay and Sigle were housed and taught separately and only received religious and ideological training.

Role of girls in Al-Shabaab

23. The role of women and girls in Al-Shabaab became an increasing focus of international actors during the mandate. A study conducted on behalf of UN Women identified that “women's recruitment and self-radicalising levels [we]re increasing” with young women from the Horn of Africa attracted into becoming ‘Jihadi brides’ in Somalia.⁴⁸ At the same time the practice of forced marriage of local Somali women and girls continued, with one source in Bakool describing how Al-Shabaab viewed its madrasa system as a channel for identifying wives for its fighters.

24. There was also an evolution of the role of women in Al-Shabaab towards more operational tasks. Security sources in Mogadishu and Baidoa, for example, noted that women — and occasionally girls — frequently transported weapons in and out of operation areas.⁴⁹ In Bay and Bakool informants were adamant, however, that girls were not given weapons training but were instructed in security and intelligence gathering, including target surveillance.

25. The SEMG was unable to verify allegations which emerged in Kenyan and international media in June 2017 that Al-Shabaab engaged in a practice of abducting women and girls from Kenya and taking them to Somalia for purposes of sexual slavery.⁵⁰

⁴⁵ Interview conducted on 16 May 2017. In Bay training of children takes place primarily in Bulo Fulay, Bush Madiine, Duur and Rama Caddey, with Bulo Fulay as the main training facility.

⁴⁶ Interviews conducted on behalf of the SEMG with an Al-Shabaab defector, a member of Al-Shabaab's recruitment unit, and a child of 15 still associated with the group, June 2017.

⁴⁷ Training centres in Bakool included: Sigle; Ceel-Garas; Ceel-Bon; Buur-Dhuxunle; and Labatan Jarow.

⁴⁸ Babatunde Taiwo, “Background Note: Women and Violent Extremism and the Horn of Africa”, *UN Women in Somalia*, 2017, on file with the Secretariat.

⁴⁹ A number of girls were found guilty of membership of Al-Shabaab during the mandate. In May 2017, for example, a 17-year-old girl was sentenced to a term of imprisonment by an Ahlu Suna wal Jama'a (ASWJ) court in Guriel town.

⁵⁰ See, for example, Dominic Wabala, “Shabaab men turn Kenyan schoolgirls into sex slaves”, *Standard*

Other armed actors

26. UN protection monitors did not report any instance of child recruitment by the Islamic State of Iraq and the Levant (ISIL) faction in Somalia between September 2016 and June 2017. In April 2017 in Bosaso, the SEMG encountered a 17-year-old boy who had defected from ISIL to the Puntland authorities, and referred their case to the relevant protection body.⁵¹

27. There was a steady, but low, number of incidents of child recruitment and use by the SNA and regional forces verified by UN protection monitors throughout the mandate. In May 2017, the SEMG received information relating to, and photographs of, an eleven-year-old child on duty with the ISWA *Darawish* in Baidoa town. He was dressed in full army uniform, holding an AK-pattern rifle, and smoking a cigarette. In July two ISWA child soldiers, 16 and 17 years old, were captured and executed by Al-Shabaab in Ideedi village outside of Berdale town.⁵²

28. Clan militia were also implicated in child recruitment, intensifying during periods where they were deployed to participate in large-scale violence — including alongside federal and regional forces — particularly in Galkayo and Lower Shabelle towards the end of 2016.⁵³ After Al-Shabaab and the SNA, Ahlu Sunna wal Jama'a (ASWJ) was the entity with the highest number of child recruitment and use violations.

29. While the SEMG was unable to confirm that the practice had come to an end, UN protection monitors did not record any instances of recruitment and use of children by AMISOM or other international forces between September 2016 and June 2017.

Digital, 10 June 2017. Available from <https://www.standardmedia.co.ke/article/2001242900/shabaab-men-turn-kenyan-schoolgirls-into-sex-slaves>.

⁵¹ He was subsequently released by the Puntland authorities.

⁵² Email from UN staff member, 19 July 2017.

⁵³ There were 69 incidents of recruitment and use by clan militia verified by UN protection monitors between September and December 2016, compared with nine the following quarter.

Annex 11.3: Update: Abdirashid Hassan Abdinur — obstruction of humanitarian assistance and targeting of civilians⁵⁴

1. In [S/2016/919](#) the SEMG described how Abdirashid Hassan Abdinur, the Interim Jubba Administration (IJA) Minister of Security was responsible for targeting of civilians contrary to international law, as well as conduct constituting obstruction of humanitarian assistance, between 2014 and 2016.⁵⁵ During the mandate the SEMG continued to receive and analyse information on additional allegations relating to Abdinur's conduct between 2013 and 2017.

2. The IJA did not respond to the SEMG's official correspondence in September 2016 seeking information on the steps taken by the IJA authorities to investigate the allegations against Abdinur.⁵⁶ The SEMG again wrote to the IJA in September 2017 reiterating its request, including in relation to new allegations received, but had not received a reply as of time of writing.⁵⁷

Obstruction of humanitarian assistance

3. Notwithstanding his IJA-wide portfolio as Minister of Security, Abdinur returned from Kismayo to Dolow — a major humanitarian hub — and was almost continuously present during the height of the drought response⁵⁸ Directly and through the District Commissioner of Dolow, his former militia commander, Bashir Hassan Abdullahi, Abdinur oversaw the imposition of the same obstructive practices documented in [S/2016/919](#), annex 7.8.⁵⁹ These included: harassment, unlawful arrest, and purported expulsion of humanitarian workers; regulation amounting to obstructive interference with humanitarian action; attempts to influence recruitment and amounts of staff salaries, including mandatory registration of all job applicants and representation at job interviews; control of contracting, vendors, and office premises and direct financial extortion of staff; control of surveys and contracting of enumerators, in addition to interference with beneficiary lists.⁶⁰ Organizations which refused to accede to demands faced great difficulty in operating and staff were sometimes forced to leave the district.

⁵⁴ This account was based on interviews with former and current humanitarian workers in Dolow and the surrounding districts, UN staff members, former local government officials, members of the security forces, and humanitarian experts, between October 2016 and August 2017. Against a background of acute humanitarian imperative and high levels of fear in the humanitarian community, it was difficult to safely document individual, evidenced, instances of humanitarian obstruction. Incidents have been genericized to avoid identifying markers.

⁵⁵ See [S/2016/919](#), annex 7.8. and strictly confidential annex 7.8.1.

⁵⁶ See AC.29/2016/SEMG/OC.95. When challenged during the mandate, IJA President Ahmed Mohamed Islam "Madobe" expressed little capacity or willingness to rein in Abdinur's abuse of power.

⁵⁷ See AC.29/2017/SEMG/OC.129.

⁵⁸ On 20 February 2014, IJA President "Madobe" appointed Abdinur as Deputy Minister of Interior and Security. He was reappointed on 18 May 2016 as Minister of Security.

⁵⁹ Bashir Hassan Abdullahi "Idley Abaaley" (Rer Ahmed/Rer Samatar) was appointed District Commissioner (DC) in September 2016. The former DC, Aadan Bare, became his deputy, and Mohamed Hussein Abdi took over the position of Humanitarian Coordinator.

⁶⁰ See, inter alia, Letter from [the-then] Deputy Minister for Interior and Security, Abdinur, to all humanitarian organizations in Dolow, 6 July 2014, setting out a framework of "new rules and regulations set up for the recruitment process, staff selection, workshops and survey participation, due to so many circumstances regarding security and safety", on file with the Secretariat.

4. Individuals and organizations were actively targeted by the administration to dissuade them from activities in certain areas, choice of project structures, or selection of government or NGO partners.⁶¹ Abdinur continued to control at least three Dolow-based NGOs, notwithstanding their formal board and management structures, and made it difficult for humanitarian agencies to operate with other partners. These activities resulted in denial of humanitarian access, while ensuring that Dolow functioned as a locus for capture of humanitarian assets.⁶²

5. Notwithstanding the absence of the Somali National Army (SNA) or African Union Mission in Somalia (AMISOM) forces in Dolow, Abdinur maintained a high level of security in the town, effectively protecting humanitarian operations from external threats.⁶³ Despite the ostensible ease of access, however, and large humanitarian aid flows, humanitarian indicators in and around Dolow remained extremely poor. In mid 2015, for example, Dolow internally displaced persons (IDP) communities recorded the highest Global Acute Malnutrition (GAM) rate in all Somalia, at 26.4.⁶⁴ UN entities and partners at that time identified one of the major contributing factors to the deteriorating nutrition situation as obstruction by Abdinur and the Dolow administration, including of a critical water, sanitation and health project.⁶⁵ The situation has little improved. In early September 2017, Dolow IDPs were still classified in Integrated Food Security Phase Classification (IPC) 4 — the emergency phase — with GAM rates of 17.5.⁶⁶ In the context of the scale of humanitarian inputs which have consistently been directed at IDP communities in Dolow and the size of the population, these persistently critical rates of malnutrition, suggest systematic mismanagement or diversion of humanitarian inputs or manipulation of data.

Violations of international law involving targeting of civilians⁶⁷

6. During the mandate the SEMG collected additional evidence of Abdinur's responsibility for violations of international law involving the targeting of civilians between

⁶¹ For a discussion of the impact of these policies on humanitarian access by and to communities on the east side of the river, see annex 10.1.

⁶² Abdinur was supported by a militia force and managed commercial interests, such as vehicle hire companies which contracted with humanitarian agencies. The Minister also dominated a significant part of the broader commercial sector in Dolow, having the capacity to shut down companies which operated counter to his interest.

⁶³ Ethiopian security and military officials worked closely with the administration.

⁶⁴ Food Security and Nutrition Analysis Unit (FSNAU), "Nutrition update May-June 2015", available from <http://www.fsnau.org/downloads/fsnau-nutrition-update-may-june-2015> (accessed 22 September 2017).

⁶⁵ Internal UN nutrition cluster document, July 2015, on file with the Secretariat; interviews with local and international humanitarian NGOs operating in Dolow, November 2016-August 2017.

⁶⁶ See Famine Early Warning Systems Network, "2017 Somalia Post Gu Seasonal Food Security and Nutrition Assessment: Key Findings", 5 September 2017, on file with the Secretariat. The SEMG received testimony during the mandate of the arrest and detention in Dolow police station of eleven IDPs in late 2014, after they objected to the diversion of aid intended for their communities. Interview with former humanitarian worker, Nairobi, 11 December 2016.

⁶⁷ The SEMG conducted interviews with victims of these violations; individuals detained alongside the primary victims; former UN and NGO — national and international — staff members; current UN staff members and local government and security officials, between November 2016 and August 2017.

2014 and 2017, both in relating to allegations received during the 2015-2016 mandate, and new allegations in relation to killings in 2013 and 2017.⁶⁸

7. In late 2016, the SEMG conducted interviews with individuals who had been arrested, tortured, detained, and some unlawfully transferred to Ethiopian custody during 2014 and 2015. Some of these individuals had been identified as the subjects of credible allegations relating to violations by Abdinur in S/2016/919 but had been unavailable for interview at the time.⁶⁹ Others were only willing to come forward and provide testimony during the current mandate on new allegations relating to conduct in 2014 and 2015.

8. Further to detailed interviews with direct victims, and individuals present during the commission of these violations, corroborated by testimony of others working in government and in humanitarian organizations at the time in Dolow, the SEMG identified that on the balance of probabilities Abdinur is responsible for murder, acts of torture and inhuman and degrading treatment — including dragging bound prisoners behind vehicles, on one occasion resulting in death; mock executions and threats of death; mutilation, severe beatings; and binding in stress positions — unlawful detention, and unlawful rendition of individuals out of Somalia during 2014 and 2015, constituting conduct described as a basis for the imposition of measures in paragraph 43 (e) of resolution 2093 (2013).⁷⁰

9. Members of Abdinur's militia were responsible for direct commission of some of these violations, under Abdinur's command and control. In some cases, Abdinur gave specific directions as to the treatment of detainees by phone or in person.⁷¹

Incidents involving targeting of civilians during the mandate

10. The SEMG continued to monitor violations committed by Abdinur in the context of arrest and detention, including detention without charge, trial or review, and unlawful transfer out of Somalia, on multiple occasions during the mandate.⁷²

⁶⁸ Bashi Abdullahi Diirriye, an FGS finance official, and Ahmed Abdi Dhudi, a well-known local elder who were killed on 5 and 7 January 2013 respectively.

⁶⁹ One series of violations, for example, took place in October and November 2014 and related to six men accused by Abdinur of assisting Al-Shabaab to plan an attack on Dolow: Farah Garane Hashi, former commander of Dolow Police Station; Hussien Mohamed Kaahin "Carabey"; Jaamac Xasan Aadan; Mohamed Adan Jama; Mohamed Ma'alim Yusuf and Mohamed Iman Jama. Mohamed Iman Jama was tortured to death during his detention in Dolow Police Station. The other men were all transferred without lawful procedure to Ethiopia and subsequently released between 2015 and 2016. See S/2016/919, annex 7.8, para. 89.

⁷⁰ Due to the level of fear which exists in the local community and among former victims, details of these interviews and corroborating information have not been provided.

⁷¹ Names of the main militia involved in the key incidents are on file with the Secretariat.

⁷² For example, on 7 June four men were arrested in Belet Hawo and transferred to Dolow police station, and then onwards on 18 June to Kenyan security forces in Mandera. Further to pressure from the IJA Parliamentary Committee on Human Rights, however, the men were returned and finally tried. Three of the men were found not guilty by an IJA military court and released on 8 August 2017. Two other men arrested from the hotel in Belet Hawo where the four were staying when they were arrested — and who had been held in Belet Hawo police station without trial since 7 June — were also released. There were at least two individuals in un-reviewed detention in Dolow as of this writing: Abdi Abdullahi Abdiqadir, arrested in May 2016, and Mahad Mohamed Jama arrested in December 2016.

*Killing of four prisoners at Belet Hawo police station, 24 July 2017*⁷³

11. On 24 July, four men in the control of the security forces in Belet Hawo were taken from the Belet Hawo police station and killed, their bodies found outside the town at a place locally known as Ali Dhere mountain.⁷⁴ Two had been in custody since March 2017, accused of having attacked the home of a local elder and Al-Shabaab affiliate; one held for seven months on grounds of association with Al-Shabaab; and the fourth had been arrested the previous afternoon. None had been charged or tried for any crime.

12. The circumstances of the killing of the four men in Belet Hawo were similar to the killing of four civilians in custody in Dolow police station in July 2015 and investigated by the SEMG in S/2016/919, annexes 7.8 and 7.8.1 (strictly confidential). The cases involved: the same controlling authority; four prisoners accused of association with Al-Shabaab; an absence of judicial process; and killings conducted in a manner which appeared calculated to strike fear into the community.⁷⁵ All these factors raised questions about Abdinur's involvement.⁷⁶

13. As was the case after the 2015 killings, Abdinur conducted a radio interview later that day in which he referred to the prisoners as "Al-Shabaab" and justified the killings by saying that he would have wanted them to be killed, though "in principle" through a legal process.⁷⁷ When pressed as to how that determination could have been made in the case of Farah Khalif Abdi, who had only been arrested earlier that afternoon, Abdinur's response was that the evidence was sufficient as they had captured him in possession of explosives.⁷⁸ Later Abdinur allegedly stated at a public meeting in Belet Hawo that the killing of Farah was "a mistake".

14. Abdinur arrived in Belet Hawo from Luq on the day of the murders and ordered the arrest of the Belet Hawo District Commissioner, Mohamud Hayd Osman, the Director of Social Services Abdulkadir Hussein Ibrahim Ganey "Dhagajun", and the IJA-appointed Director of Intelligence Ali Hassan Deer. All three were transferred to custody at Dolow police station.

15. On 4 August, the IJA Military Court sitting in Dolow found the three men guilty of the four killings but ordered the payment of *diya* only to the families of two of the

⁷³ This account was compiled based on interviews with individuals with knowledge of the security situation, government officials, staff members of humanitarian organizations, and UN officials.

⁷⁴ The four murdered men were Mohamed Jeele Hassan, Diriye Sugow Salad, Gurey Mohamed Diriye and Dahir Farah Kahlif. One official told the SEMG that the order to execute the men had been made only in respect of the three long term detainees, but that the fourth, Farah, had been mistakenly added to the group.

⁷⁵ The bodies of the four men were found dumped outside the town, some with bones broken.

⁷⁶ For example, four days after the killings, Abdinur's convoy was attacked with an IED. Abdinur arrested the Luq District Police Commander — who had been part of the convoy — and held him at Dolow police station, until 8 August 2017, accusing him of involvement in the attack.

⁷⁷ See http://www.bbc.com/somali/bbc_somali_radio/p058zw8w (accessed 22 September 2017).

⁷⁸ Abdirahman Maxamed Hussien, Deputy Minister of Interior of the IJA, and Fatuma Khalif Abdi, sister of one of the murdered men, also gave interviews to the Voice of America. The Deputy Minister contradicted Abdinur, claiming that Farah had been detained a few days previous. Farah's sister clarified, however, that he had been detained on the morning of 23 July 2017 at a clinic where he was attending with a sick child. See <https://www.voasomali.com/a/xiisad-ka-dhalataya-maxaabiis-la-dilay-oo-ka-taagan-beledxaawo/3958073.html> (accessed 22 September 2017).

murdered men.⁷⁹ No *diya* payments were stipulated in respect of the other two murdered men, who had been arrested in connection with a grenade attack on the home of a local elder.⁸⁰ All three officials were released. Further to an announcement at a public meeting called by Abdinur in Belet Hawo, the three men returned to their former positions of authority in the town. Abudllahi Somo, the Belet Hawo Police Commissioner, subsequently resigned and moved to a position in the IJA regional forces.

Deteriorating security situation in Gedo⁸¹

16. During the mandate the SEMG received allegations from a variety of security and government sources that Abdinur manipulated the security environment and Gedo armed actors — from local militia to SNA and Al-Shabaab — to further his ability to maintain power in the area, in a manner which impacted the short and long term security situation in the area.⁸²

17. On 11 September 2017, there was a major attack on Belet Hawo by Al-Shabaab. The attack involved a large number of fighters east of the town using a vehicle-borne improvised explosive device (VBIED) to assault an IJA forces base under the command of Abdinur's militia leader, Jamal Hassan.⁸³ The local administration and soldiers fled towards Kenya and Al-Shabaab took over the town, burning administration offices, carrying out a number of assassinations, and releasing prisoners at Belet Hawo police station. The fighting and flight of the forces and administration across the border and the arrival of Al-Shabaab into the town prompted shelling from the Kenyan Defence Forces. At least three civilians were killed and over eight injured as a result of the military activity.

18. The circumstances of the attack on Belet Hawo by Al-Shabaab on 11 September 2017 indicated that local support for Al-Shabaab had increased. Members of the local community with whom the SEMG spoke partly attributed this evolution to Abdinur's treatment of the population under his control, suggesting that Al-Shabaab had exploited this frustration. After the attack on the forces military base on 11 September, for example, local Marehan/Hawrarsame militia — which had been the focus of attacks by Abdinur's forces in August 2016 — were invited by Al-Shabaab to loot the camp.⁸⁴ Eight of the 13 prisoners released from the Belet Hawo police station were Marehan/Ali Dhere, the majority clan in Belet Hawo. One of those who gave a speech to the population during the brief Al-Shabaab takeover, was a man who had previously been detained without charge for a year at Belet Hawo police station, and reportedly tortured. He had been released after protracted negotiations with his family and subsequently re-joined Al-Shabaab.

⁷⁹ As of 1 September 2017, no *diya* payment had been made. The SEMG received information from FGS security officials that two of the men, Mohamud Hayd Osman and Ali Hassan Deer — who were later found responsible for the incident — were physically present at the killings and gave direct orders to the militia.

⁸⁰ The SEMG understands that the local elder, Abdi Adan, did not believe the two men accused were responsible for the attack on his home.

⁸¹ This section was compiled further to interviews with current and former security and government officials engaged in operations in Gedo, staff of NGO and UN entities, and members of the local community.

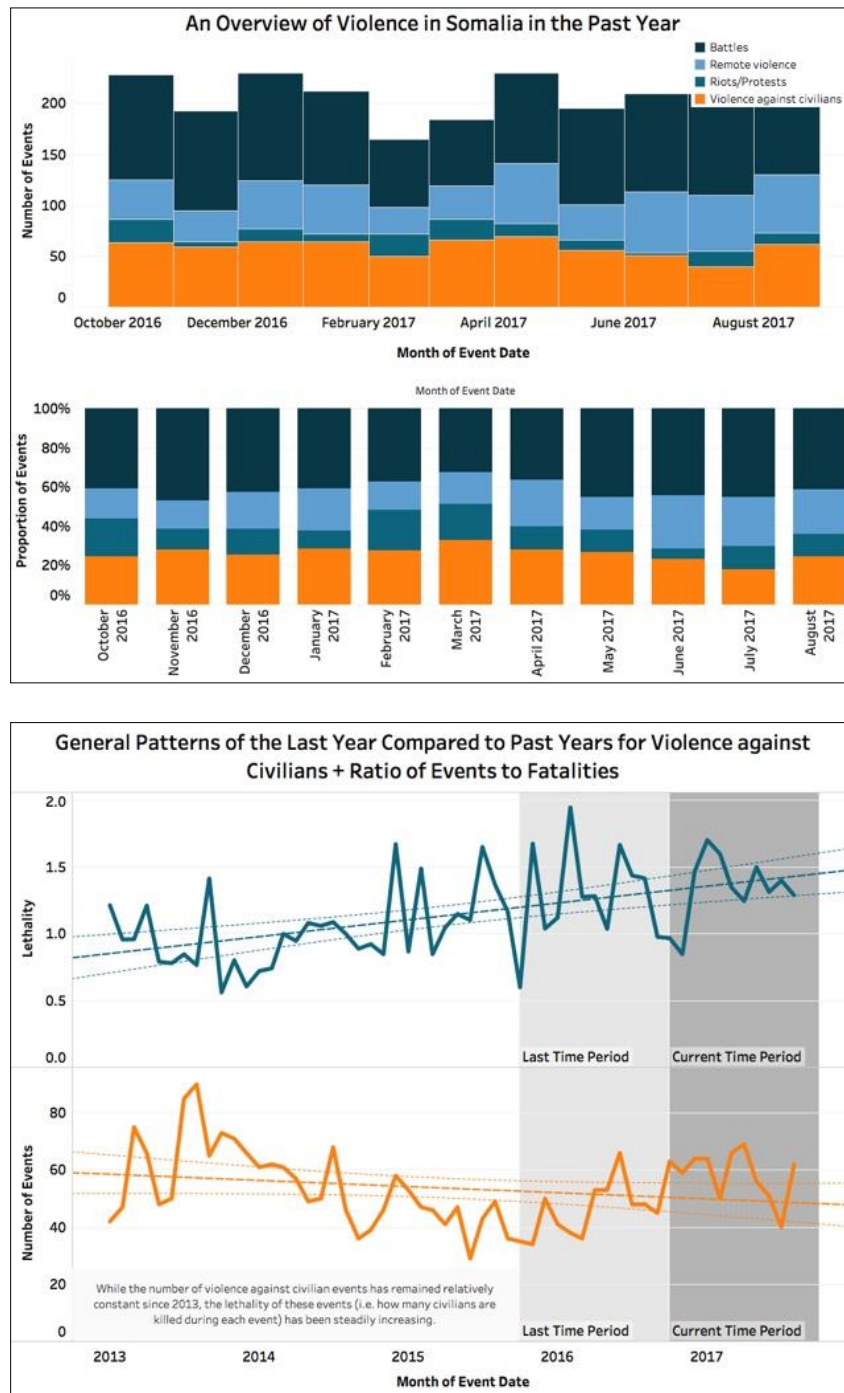
⁸² See annex 11.3.1 (strictly confidential).

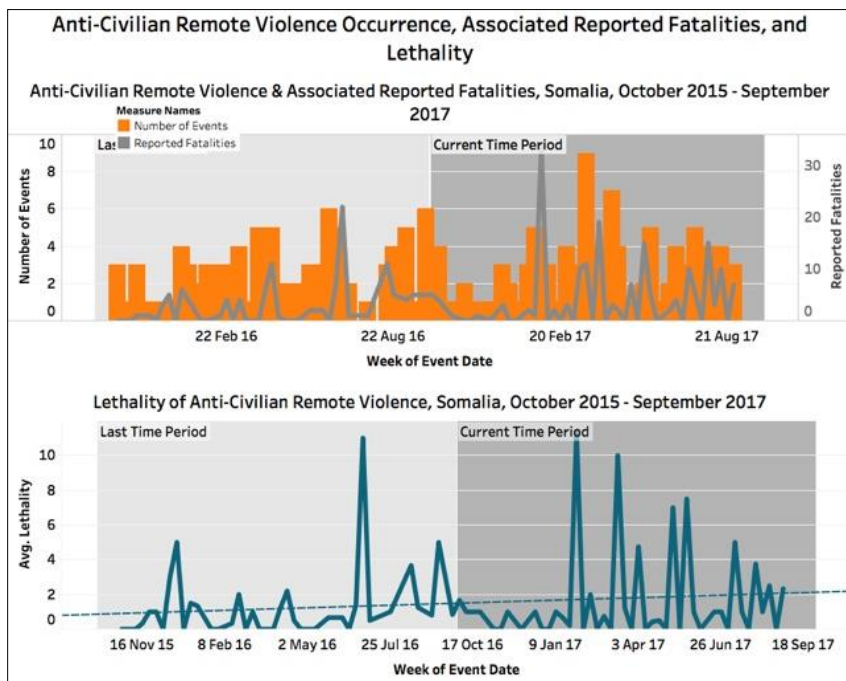
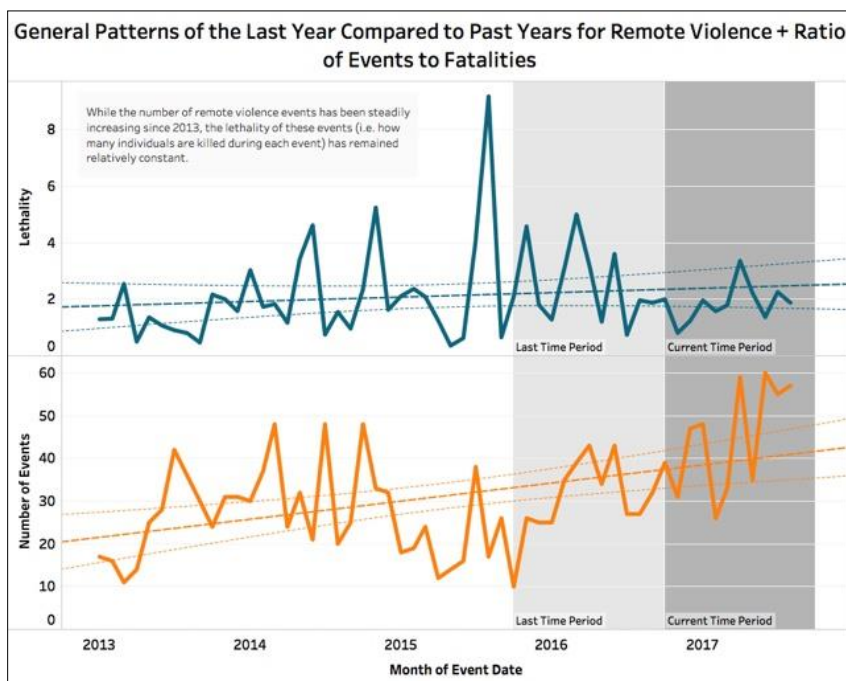
⁸³ One security source told the SEMG that Jamal had been warned about the attack by his son, Mohamed, who was among the Al-Shabaab attacking force.

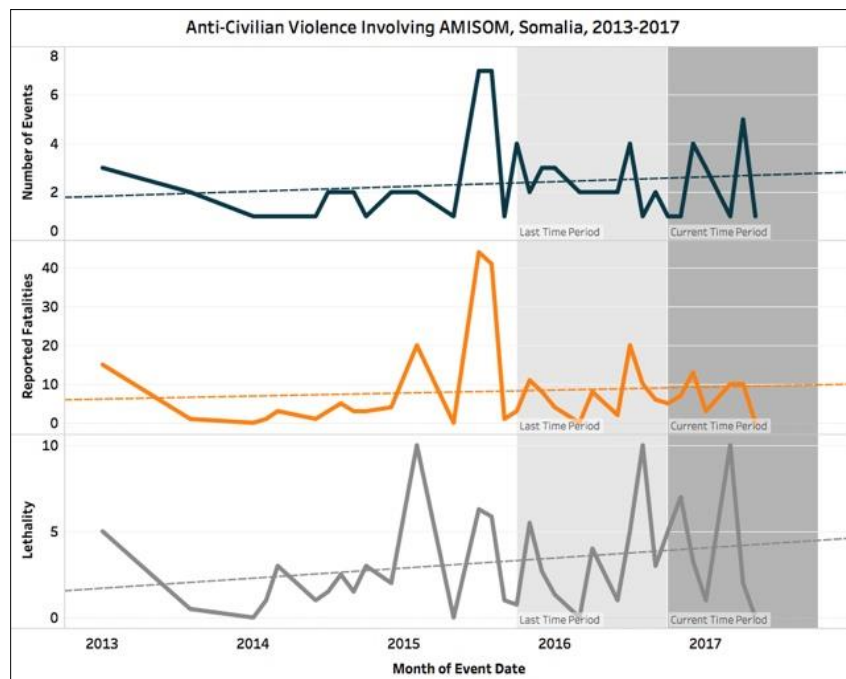
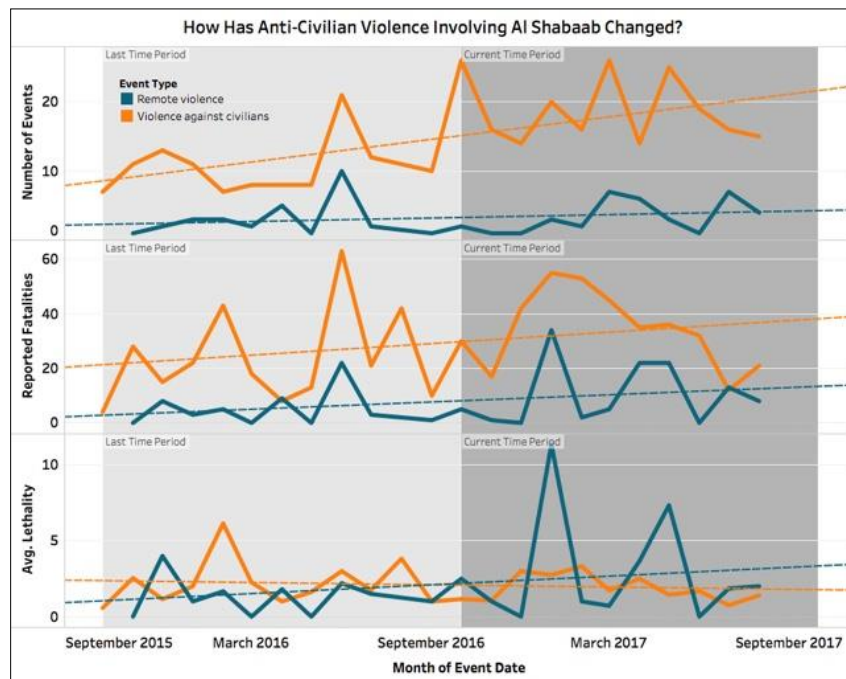
⁸⁴ See annex 11.3.1 (strictly confidential).

**Annex 11.3.1: Update: Abdirashid Hassan Abdinur (STRICTLY
CONFIDENTIAL)***

Annex 11.4: ACLED statistics

Annex 12.1: Charcoal stockpiles

Figure 1: Satellite imagery of Charcoal stockpiles at Buur Gaabo, 9 July 2017.

Figures 2 and 3: Satellite imagery of northern and southern Kismayo charcoal stockpiles, 24 June 2017.

Annex 12.2.1: Selected cases of sanctions implementation — Bahrain (November 2016)

1. On 22 November 2016, two members of the Monitoring Group, who were in Bahrain for meetings with Combined Maritime Forces (CMF), observed trucks departing Khalifa Bin Salman Port with cargoes of what appeared to be green bags of Somali charcoal (see figure 1). This was consistent with information received from an SEMG source that dhows had been unloading cargoes of Somali charcoal onto trucks for transshipment to Saudi Arabia (see figure 2). It also matched information communicated to the Bahrain authorities in letters from the SEMG dated 24 October 2016, 1 November 2016, and 15 November 2016 regarding the impending arrival of three dhows with a total cargo of 76,000 bags of charcoal loaded in Kismayo and another dhow with a cargo of 30,000 bags of charcoal loaded in Buur Gaabo.
2. On 23 November, two members of the SEMG met with representatives of the General Directorate of Security and Follow Up, Customs Affairs at the Ministry of Interior, Kingdom of Bahrain. The Monitoring Group shared photos taken the previous day of trucks departing Khalifa Bin Salman Port with cargoes of what appeared to be green bags of Somali charcoal. Customs Affairs agreed to provide the SEMG access to Khalifa Bin Salman Port, where a dhow, *Al Hussain*, claiming to be Sri Lankan-flagged with registration 91909, was unloading a cargo of 30,000 bags of suspected Somali charcoal.
3. *Al Hussain* had submitted paperwork claiming the port of departure had been Moroni, Comoros, while the available evidence indicated that *Al Hussain* was most likely an Indian-flagged dhow identified in a 15 November letter from the SEMG, *Al Faizul Barakat*, MNV 1967, which had loaded its cargo of 30,000 bags of charcoal from Buur Gaabo in mid-October (see figure 4).¹ Customs Affairs stopped the unloading of *Al Hussain* and confiscated the remaining cargo of 15,000 bags of charcoal (see figure 3). Customs documentation and dockworker testimony confirmed the other three dhows previously identified by the SEMG's letters to the Bahrain authorities had already docked and unloaded their cargo of Somali charcoal.

Figure 1: Truck departing Khalifa bin Salman Port.

Figure 2: Saudi Arabia charcoal bag on board *Al Hussain*.

¹Subsequent investigation during 2017 confirmed *Al Hussain*'s Sri Lankan ship registration had been forged.

Figure 3: Crane loading confiscated charcoal cargo.

Figure 4: False Comoros certificate of origin.

UNION DES COMORES
Union of Comoros
UNION DES COMORES
UNION DES COMORES
UNION DES COMORES

شهادة منشأ
Certificat d'origine
Certificate of Origin

30000 BAGS OF CHARCOL
750000 KGS

AL HUSSAIN
(91909)

5000
AL 016-220-ALB/15
03-11-2016

Charcoal
PRODUCT OF
DECLARATION OF EXPORT OF 215

MOULINERIES ORGANISATION SAUDI ARABIA
MOULINERIES ORGANISATION SAUDI ARABIA
MOULINERIES ORGANISATION SAUDI ARABIA

MOULINERIES ORGANISATION SAUDI ARABIA
MOULINERIES ORGANISATION SAUDI ARABIA
MOULINERIES ORGANISATION SAUDI ARABIA

Annex 12.2.2: Selected cases of sanctions implementation — United Arab Emirates and Djibouti (November 2016 – March 2017)

1. On 29 November 2016, the SEMG wrote to the United Arab Emirates (UAE) regarding a dhow, *Naji*, which had loaded 27,000 bags of charcoal in Buur Gaabo in early November, recently docked at Port Al Hamriya, and was likely to submit a false Djibouti certificate of origin. The UAE replied on 1 December 2016, noting it had partially confiscated the cargo of *Naji*, and providing the SEMG with a copy of a Djibouti certificate of origin (see figure 1). The Monitoring Group wrote to the UAE on 16 December 2016, stating that CMF had provided aerial photos of *Naji* taken near UAE territorial waters on 20 November 2016. The photos matched the description of the dhow and its cargo of distinctive green charcoal bags that had departed Buur Gaabo on 2 November and docked at Port Al Hamriya on 27 November. The SEMG also noted that the consignee, Mohd Ali Shaheen General Trading Co. (L.L.C.), had been previously identified as trafficking in illicit Somali charcoal earlier that year (see [S/2016/919](#), annex 9.4.a).

2. The UAE replied on 5 January 2017, stating that it had received a letter from the Embassy of the Republic of Djibouti to the UAE attesting to the authenticity of *Naji*'s paperwork. The SEMG wrote to the UAE on 20 January, acknowledging it had received confirmation from the Djibouti Chamber of Commerce that it had issued the certificate of origin, but that the Monitoring Group remained concerned that this paperwork had been fraudulently obtained. The UAE replied on 3 February 2017, asserting that in the absence of another letter from the SEMG it would release the remaining cargo of *Naji* on 14 February 2017.

3. The SEMG undertook an official mission to the Republic of Djibouti from 20-24 February 2017. Following meetings with senior representatives of the Ministry of Foreign Affairs and International Cooperation, the Djibouti Ports and Free Zone Authority, Customs, and the Chamber of Commerce, the Monitoring Group confirmed that Djibouti had not exported any charcoal during 2016 and 2017 (and fewer than 3,000 bags during 2014 and 2015). The Harbour Master at the Djibouti Ports and Free Zone Authority further confirmed that no dhows with charcoal cargoes, including *Naji*, had arrived at or departed from Djibouti (see figure 2). On 4 November 2016, the Chamber of Commerce had issued to a local company, Abet Enterprise SARL, one certificate of origin for the export of 27,000 bags of charcoal to the UAE (as well as other certificates of origin for the export of charcoal to the Kingdom of Saudi Arabia). However, following the official mission of the Monitoring Group, the Djiboutian authorities have since concluded that these certificates were fraudulently obtained and have suspended the license of the front company, Abet Enterprise SARL (see figure 3).

4. In a letter to the UAE dated 2 March 2017, the SEMG summarized the evidence obtained during its official mission to Djibouti. The SEMG then met with the UAE authorities in Dubai on 23 March 2017, where it presented this evidence proving Djibouti certificates of origin to be false. In response to a request by the SEMG, the UAE authorities provided copies of Djibouti charcoal certificates of origin for 15 dhows that it had already accepted, with a combined cargo of 435,000 bags of charcoal weighing more than 10,000 metric tons. The Djibouti certificates of origin had been attested to by Ambassador Osman M. Darar at the Embassy of the Republic of Djibouti in Abu Dhabi between 4 November 2016 and 7 February 2017, and then submitted to UAE customs for processing. The UAE authorities agreed to cease accepting Djibouti certificates of origin on

an interim basis, pending the outcome of their own investigation, including a meeting with Ambassador Darar.

5. The previous day, 22 March 2017, the Monitoring Group had met with Ambassador Darar at his office in Abu Dhabi. The SEMG presented evidence collected from Djibouti authorities during the official mission 20-24 February indicating that Djibouti had not exported any bulk cargoes of charcoal going back to at least 2014, and that the Djibouti certificates of origin from the Chamber of Commerce had been fraudulently obtained. When asked why he had attested to false paperwork, how many certificates of origin he had attested to, and who had brought him the false paperwork, Ambassador Darar directed the SEMG to address its queries through official channels. Accordingly, the Monitoring Group sent a letter to Djibouti on 28 March 2017, requesting information regarding attestation of charcoal certificates of origin by its embassy in Abu Dhabi. This included not only 435,500 bags weighing more than 10,000 metric tons from November 2016 to February 2017, but also charcoal cargoes of more than 2 million bags weighing more than 50,000 metric tons during 2014 and 2015. As of this writing, Djibouti had not replied.

6. SEMG investigations have identified Basheer Khalif Moosa, a Djiboutian national residing in Dubai, as the most likely source of the false Djibouti charcoal paperwork. Previous reporting by the Monitoring Group in 2013 and 2014 had identified Moosa as the primary source of false Djibouti paperwork for Dubai-based charcoal traffickers.² A corporate registration document issued in 2015 by the Djibouti Office of Industrial and Commercial Property links Bashir Khalif Musse (a.k.a. Basheer Khalif Moosa) to Abet – Shir Enterprise SARL (a.k.a. Abet Enterprise SARL), the front company whose license was suspended in February 2017 by the Djibouti Ministry of Foreign Affairs and International Cooperation for fraudulently obtaining certificates of origin from the Djibouti Chamber of Commerce (see figure 4). In letters to the UAE dated 28 March and 2 June 2017, the SEMG requested an update on any investigation by the UAE authorities into the criminal network responsible for false Djibouti certificates of origin. As of this writing, the UAE had not replied to this request.

7. In the letter to the UAE dated 2 June, the SEMG also reiterated an observation it had initially made at the meeting with the UAE authorities on 23 March: the consignee for 9 out of the 15 dhows with Djibouti charcoal certificates of origin was listed as “Mohd Ali Shaheen Gen Trdg LLC”. Mohd Ali Shaheen General Trading Co. (L.L.C.) was previously identified as the consignee for a dhow possessing false Comoros paperwork, *Raj Milan*, whose cargo of Somali charcoal was seized and sold at public auction by the UAE authorities in 2015.³ Mohd Ali Shaheen General Trading Co. (L.L.C.) was also identified in last year’s report as the consignee for three dhows with false Comoros paperwork for cargoes of Somali charcoal, *Al Zuber*, *Shree Nausad* and *Yasin*.⁴ The cargoes of the latter two dhows were also confiscated and sold at public auction in May 2016. However, despite an evident pattern of sanctions violations, the

Monitoring Group remains unaware of any investigation by the UAE authorities into Mohd Ali Shaheen General Trading Co. (L.L.C.).

² S/2013/413, annex 9.2; and 26, annex 9.4.

³ S/2015/801, annex 8.3.

⁴ S/2016/919, annex 9.4.a.

Figure 1: False Djibouti certificate of origin.

[illegible]

Figure 2: Letter from Djibouti Ports and Free Zone Authority.

Ports & Free Zones Authority

Direction Capitainerie

Ref: DPFZ/CAN/C/6/2017

Morcc, the 1st 2017

To
The Coordinator of Somalia and Eritrea Monitoring Group
N. James Smith
C/o
Minister of Foreign Affairs and International Cooperation
Subject: Charcoal carrying Ship

Dear Sir,

Reference is made to our meeting held on Tuesday, February the 21st 2017 in Djibouti Ports and Free Zones Authority office.

With respect to the charcoal shipment, our record shows to Somalia charcoal export from Djibouti Ports.

As shared with you during the meeting, Motor Vessel Naji has never called to our ports and no port clearance has been issued to that name.

Should you have any other inquiry, please feel free to contact me.

Yours Sincerely

Capt. Mahamed Moussa Abdir
Harbor Master
Djibouti Ports and Free Zones Authority

Djibouti Port & Free Zones Authority
P.O. Box 1000, Djibouti
Tel : (593) 24 35 00 79, Fax : (593) 24 36 00 59, E-mail : administration@djibouti-ports.dj
Tél : (593) 24 35 00 00, Fax : 24 35 70 98 - [CAPITAINEURIE DU PORT](http://www.djibouti-ports.dj)

Figure 3: Letter from Djibouti Ministry of Foreign Affairs and International Cooperation.

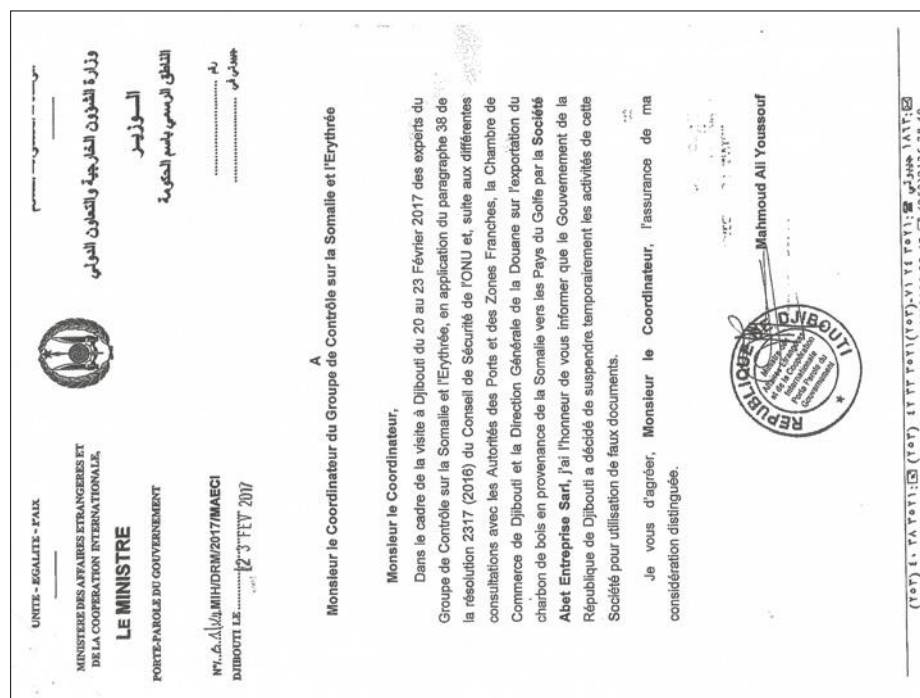

Figure 4: Document from Djibouti Office of Industrial and Commercial Property.

L'Office Djiboutien de La Propriété Industrielle et Commerciale (ODPIC)	
Avis d'immatriculation et de modification aux registres du commerce et des sociétés (RCS) et des Marques.	
<p>Acte rectificatif : Dissolution anticipée Suite au procès-verbal de l'Assemblée Générale Extraordinaire de la société « ABET – SHIR ENTREPRISE » SARL en date du 11/05/2015, dressé et authentifié par Me DIHAD SAID ALI, les associés de ladite société se sont réunis et ont décidé à l'unanimité :</p> <ul style="list-style-type: none"> la dissolution anticipée de ladite société. la nomination de Monsieur BASHIR KHALIF MUSSE en qualité de liquidateur pour une durée de six (6) mois à compter de ce jour. 	<p>Aux termes d'un acte authentique, établi par Me. DIHAD SAID ALI reçu par l'Office Djiboutien de la Propriété Industrielle et Commerciale (ODPIC), le 31/05/2015 il a été immatriculé sous le N°11765/B/SARL au RCS, une société dont les principales caractéristiques sont les suivantes :</p> <p>Dénomination sociale: «ABET ENTREPRISE» SARL</p> <p>Nom commercial: «ABET ENTREPRISE»</p> <p>Siège social: Djibouti Durée: 99 ans</p> <p>Capital: 1 000 000 FDI</p> <p>Objet: 13[Commerce]</p> <p>Gérant: M.MOHAMED RIFLE AHMED</p>
<p>Acte rectificatif : CESSIION DE PARTS SOCIALES/EXTENSION DE L'OBJET Suite à l'avenant aux statuts de la société « GENIUS CONSULTING » SARL du 19/05/2015 authentifié par Me AHMED ABDOURAHMAN CHEIK, il a été décidé les modifications suivantes :</p> <p>CESSION DE PARTS SOCIALES :</p> <p>M. WARSAMA ALI OUMARAR cède et transporte sous les garanties ordinaires et de droits, à M. AMIN ALI ABDI qui accepte 50 PARTS lui appartenant dans ladite société soit 5 000 FDI.</p> <p>• Conséquences sur la répartition des apports et du capital [Article six et sept nouveaux]:</p> <p>M. WARSAMA ALI OUMARAR.....5 000 FDI soit 50 PARTS</p> <p>M. AMIN ALI ABDI.....5 000 FDI soit 50 PARTS</p> <p>EXTENSION DE L'OBJET :</p> <p>« Le développement territorial, l'urbanisme, l'architecture, l'ingénierie, les recherches, les études, les conseils, les enquêtes, les expertises, la cartographie, les levés topographique, le géomarketing, le I.T, la formation, la conception</p> <p>L'exécution et le suivi des travaux ou des recherches commandités dans les domaines de l'aménagement et de l'habitat.</p> <p>De conseiller les entreprises sur la qualité des états financiers, la viabilité de l'entreprise et l'égalité de traitement accordée aux actionnaires.</p> <p>L'expertise comptable, l'audit, la comptabilité générale, la liquidation, la formation, les conseils divers et les études. Le transport logistique et activités connexes, les travaux publics et privés, le commerce, l'hôtellerie tourisme et restauration, les matériels électroniques électriques bureaux télécommunications et autres, activités artisanales, automobile et activités connexes, mode tissu et parfumerie, activités immobilières et industrie ».</p>	<p>Aux termes d'un acte sous-seing privé, déposé par Me. FATOUMA MAHAMOUD HASSAN reçu par l'Office Djiboutien de la Propriété Industrielle et Commerciale (ODPIC), le 30/05/2015 il a été immatriculé sous le N°11764/B/SAS au RCS, une société dont les principales caractéristiques sont les suivantes :</p> <p>Dénomination sociale: «AIR DJIBOUTI» SAS</p> <p>Nom commercial: «AIR DJIBOUTI»</p> <p>Siège social: Djibouti Durée: 99 ans</p> <p>Capital: 178 000 000 FDI</p> <p>Selon la nomenclature provisoire des activités établie par l'ODPIC pour le Registre de Commerce ;</p> <p>Objet : 9[Transport, logistique et activités connexes]</p> <p>Président du conseil d'administration: M. ABOUBAKER OMAR HADI</p>
<p>N° de dépôt: 140/15 Date: 16/04/2015</p> <p>Titulaire: DOCTOR'S ASSOCIATES INC.</p> <p>Adresse: 325 Bic Drive, Milford, Ct. 06461 U.S.A.</p> <p>Mandataire: Cabinet d'Avocat WABAT DAOUD</p> <p>Marque Mle:</p>	
<p>Classe Désignées: 43</p>	
<p>OFFICE DJIBOUTIEN DE LA PROPRIÉTÉ INDUSTRIELLE ET COMMERCIALE Rue Mohamed Dileita, Plateau de Serpent, Commune de Ras-Dika, Djibouti. BP: 2017 Tel: 00 253 21 35 60 11 Fax: 00253 35 60 92 Site web: www.odpic.info</p>	

Annex 12.2.3: Selected cases of sanctions implementation — Kuwait (April 2017-May 2017)

1. On 29 and 30 April 2017, the CMF contacted the Monitoring Group regarding two dhows with cargoes of charcoal that were being held by the Kuwait Coast Guard in Al Doha Port under suspicion of having violated the Somali charcoal ban. The dhows, *Al Sahil* and *Haruni*, possessed paperwork indicating that their charcoal cargo had originated in Djibouti. After reviewing the paperwork, the SEMG advised the CMF and the Kuwait Coast Guard that the certificates of origin were not authentic and that the two dhows were most likely part of a group of twelve dhows that had loaded in Buur Gaabo and Kismayo from late February to early March 2017, and had since been anchored near Port Al Hamriya. This was consistent with information that had been received from a confidential source on 25 April that two dhows with cargoes of Somali charcoal were departing Port Al Hamriya anchorage bound for Kuwait.
2. Subsequent investigation by the Monitoring Group has revealed that the dhows' respective Sri Lankan ship registration documents had also been forged (see figure 1). During an official mission to Sri Lanka, 4-6 May, the Director General of Merchant Shipping for Sri Lanka provided evidence to the Monitoring Group indicating that the Sri Lankan ship registrations for *Al Sahil* and *Haruni* are forgeries. *Al Sahil* and *Haruni* do not appear within the official Sri Lankan ship registry, nor did their ship registration forms and accompanying stamps match originals provided by the Sri Lanka authorities.
3. The SEMG travelled to Kuwait on official mission 22-26 May. The SEMG had several meetings with the Kuwait authorities, including the coast guard and customs, inspected *Al Sahil* and *Haruni* and their cargoes of Somali charcoal, and interviewed the captains of the dhows (see figure 2). The Monitoring Group would like to acknowledge the excellent cooperation of the Kuwait authorities as well as the facilitation of information sharing by Combined Task Force 152 at CMF.
4. Interviews with the dhows' captains indicated *Al Sahil* had been loaded with 28,500 Djibouti-marked bags of charcoal in Buur Gaabo in mid-March 2017 and *Haruni* had been loaded with 17,350 Djibouti-marked bags of charcoal in Kismayo in early March. Both dhows proceeded to Port Al Hamriya anchorage, where they remained for several weeks until receiving false Djibouti paperwork delivered by a contact person, who also gave instructions for the dhows to proceed to Kuwait, where they arrived at Al Doha Port on 29 and 30 April. The SEMG corroborated the captains' testimony regarding the course of each dhow through referencing the data on the dhows' GPS devices. Upon arrival, the Kuwait authorities soon thereafter seized the dhows and their cargo and detained the crews. The loading of Djibouti-marked charcoal bags in Buur Gaabo and Kismayo (see figures 3 and 4) and the provision of false Djibouti paperwork while the dhows were anchored near Dubai suggest a vertically integrated criminal network with accomplices within both Somalia and the UAE.
5. On 13 August, at the CMF headquarters in Bahrain, a representative of the Kuwait Coast Guard updated the Monitoring Group. The charcoal cargoes of *Al Sahil* and *Haruni* have been confiscated by Customs and stored at a warehouse at the port. The dhows are in the custody of the Kuwait authorities and the captains have been charged and released on bail, pending completion of a criminal prosecution under Kuwaiti domestic law. The Monitoring Group would like to highlight the proactive stance toward sanctions implementation taken by the Kuwait authorities, setting a useful precedent for the region.

Figure 1: False Sri Lanka ship registration.

Reg From No.6

CALL SIGN-SLK12

CERTIFICATE OF SRI LANKA REGISTRY

PARTICULARS OF SHIP

Official Number	Name of Ship	No. Year and port of registry	No. Year and port of previous registry (if any)
1000514	HARUNI	COLOMBO	INDIA
Whether a sailing Steam or motor ship		Where built	Name and Address of Builder
DIESEL		INDIA	MARINE BUILDERS
Length: (Actual 2011 Tonnage conversion 1989) ... 39 40			
Main (Reg 2 (B) - ITC 1989) ... 11 20			
Depth in hold from keel to upper deck to casing ... 05 30			
Cases of tier deck and upwards ...			
Round of keel on upper deck ...			
Length of upper deck ...			
Number for bulk heads ...			
PARTICULARS OF PROPPELLING ENGINE, S.C. (If any) as required by Rules, Owners Engine Makers			
No. of Engines	Description of Engines	Name and Address of Makers	No. of cylinders in each set
2	CUMMINS	CUMMINS	6
No. of Shafts	Particulars of Shafts	Length of shaft	No. of revolutions in each hour
2	2	6	650 HEP
PARTICULARS OF TONNAGE			
GROSS TONNAGE 578 tons			
REGISTRY TONNAGE 452 tons			
Net tonnage 452 tons			
This is to certify that the above ship, which is a sailing ship, is a sailing ship, and that the above tonnage is correct.			
GROSS TONNAGE 578 tons			
REGISTRY TONNAGE 452 tons			
Net tonnage 452 tons			
The numbers of names and addresses for whom accommodation is certified			
15 CREWS			
The names and addresses of the crew members are as follows:			
Name, Residence and Occupation of the owner			
RAJESH POPATLAL THACKER			
INDIA			
Name, Residence and Occupation of the master			
THE			
COLOMBO			
05/12/2016			
This certificate expires on			
05/12/2017			
Notes: - At Certificate of Registry, the ship is a sailing ship, and the above tonnage is correct.			
Should the vessel be lost, sold to Foreigners, or broken up, motor vessel, together with Certificate of Registry, if existence should immediately be given to the Registrar			

Figure 2: Al Sahil at Doha Port.

Figure 3: Djibouti charcoal bag from Al Sahil.

Figure 4: Djibouti charcoal bag from Haruni.

Annex 12.2.4: Selected cases of sanctions implementation — United Arab Emirates (June 2017-August 2017)

1. On 27 June 2017, the SEMG contacted the CMF regarding four dhows departing from Kismayo with a total cargo of 101,000 bags that had been loaded in Kismayo on 23 and 24 June. On 30 June, SEMG contacted the CMF regarding a fifth dhow that had loaded 40,000 bags in Buur Gaabo on 28 June. SEMG estimated the location of the first four dhows to be on the Somalia coastline somewhere between Hobyo and Eyl, with their course set through the Strait of Socotra and onward to Port Al Hamriya. The SEMG also noted that based on a recent official mission to Kismayo and Buur Gaabo, where the charcoal stockpiles had been observed, the dhow cargoes would be comprised of typically green charcoal bags. The CMF was also informed that should there be an opportunity for maritime interdiction, the dhows may possess a false ship registration but likely no paperwork regarding their illicit cargo, as this would be received from charcoal traffickers at Port Al Hamriya anchorage. On 1 July, the CMF informed the SEMG that “contacts of interest” matching the description of the dhows with charcoal cargoes had been identified and were being tracked.

2. On 6 July, the Monitoring Group wrote to the UAE regarding the impending arrival of five dhows with a total cargo of 141,000 bags of charcoal from Somalia. The SEMG noted that checkpoint taxation in Somalia by Al-Shabaab at a rate of \$2.50 per bag likely generated at least \$350,000 in income for the armed group. The UAE was informed that the CMF was tracking the five dhows and their anticipated destination was Port Al Hamriya anchorage. The letter further explained that the names and registrations of the dhows would be altered, so the best way to identify them would be through reference to the size of their cargo and the type of charcoal bags coming from Kismayo and Buur Gaabo — a distinctive green colour with possible markings of “Bay and Bakool” or the image of a palm tree (see figure 1). The Monitoring Group also noted that the dhows may attempt to dock with false Côte d’Ivoire paperwork and requested copies of all Côte d’Ivoire certificates of origin submitted since April 2017 — when the UAE stopped taking false Djibouti certificates of origin.

3. The CMF subsequently located at Port Al Hamriya anchorage — within the territorial waters of the UAE — the five dhows it had tracked *en route* from Somalia, through the Strait of Socotra, and along the Yemen and Oman coastlines (see annex 12.2.5, strictly confidential). On more than a dozen distinct occasions between 14 July and 22 August, detailed information was communicated from the CMF to the UAE authorities regarding these dhows in anticipation that they would take sanctions enforcement action.⁵ The lines of communication to the UAE authorities included via the US Naval Forces Central Command (NAVCENT), the US Naval Criminal Investigative Service (NCIS), and the US Defence Attaché to the UAE. The UAE authorities that were regularly notified regarding these dhows included the UAE Coast Guard, UAE Navy, UAE Federal Customs Authority, and the Dubai Police. Initially, the information shared included descriptions of the dhows and their cargoes, plus their precise geographic locations; subsequently, this was expanded to sharing more detailed reports, including imagery and analysis.

4. Meanwhile, events at Port Al Hamriya anchorage seemed to indicate that the charcoal traffickers had become aware that the UAE authorities had been notified and that the

⁵ Email from a senior officer at CMF, 22 August 2017.

CMF was tracking the dhows, as had been indicated in the SEMG's confidential letter dated 6 July. On 6 August, the UAE replied to the SEMG's letter of 6 July, stating the relevant customs authorities had been informed and requesting the registrations of the five dhows, despite the Monitoring Group already having indicated that the charcoal traffickers would utilize fake names and registrations for the dhows. That same day, the CMF aerial surveillance documented dhows which had been tracked from near the Somalia coastline transferring their cargo of charcoal onto other dhows while anchored within UAE territorial waters (see annex 12.2.5, strictly confidential). Despite having received detailed real-time information from the CMF on more than a dozen occasions, the UAE Coast Guard, which had the jurisdiction to take enforcement action, failed to board and inspect the dhows at Port Al Hamriya anchorage.

5. On 25 August 2017, the UAE wrote to the Monitoring Group regarding two dhows, *Maha* (registration SL301240) and *Ola* (registration 9330112), suspected of violating the Somali charcoal ban. Their respective cargoes consisted of 10,320 bags and 26,470 bags. The UAE provided copies of Ghana certificates of origin, invoices, packing lists, and supporting documents from Ghana authorities in Accra and at the Ghana Consulate General in Dubai (see figure 2). On 29 August, the Monitoring Group replied to the UAE, noting the following points:

- the shipping company identified on the paperwork, "Sea Shore Marine Services Limited", is not listed on the registry of licensed charcoal exporters from Ghana;
- the consignee, Salim Al Khattal Group Marine Contracting & Trading LLC, has previously traded in illicit Somali charcoal using false Ghana paperwork (see [S/2016/919](#), annex 9.4.b);
- the stamp of the notary public which appears on the certificates of origin and legal declarations is the same stamp previously used on false Ghana paperwork during 2016 ([S/2016/919](#), annex 9.7.c); and
- the SEMG believes that the charcoal aboard *Maha* and *Ola* was transported to Port Al Hamriya anchorage aboard one of the dhows identified in its letter of 6 July before being transferred to these dhows in an attempt at sanctions evasion.

6. The Monitoring Group recommended that the cargoes of *Maha* and *Ola* not be released to the consignee and that the UAE authorities consider confiscation of the total cargo of 36,790 bags of charcoal. At the time of writing, a reply from the UAE remains pending.

Figure 1: Green bags of charcoal with palm tree logo at Kismayo stockpile.

Figure 2: False Ghana certificate of origin.

Goods consigned from (Exporter's business name, address, country) SHORE MARINE SERVICES LIMITED (GHANA)		Reference No: 104642		GENERALISED SYSTEM OF PREFERENCES CERTIFICATE OF ORIGIN FORM A (Combined declaration and certificate) Issued in: GHANA (Country)		See Notes overleaf			
Goods consigned to (Consignee's name, address, country) ABU AL KHATTAL GROUP MARINE COMMERCE TRADING (DOE) AF NEW TRADING (OHAN)		4. For official use		8. Origin criterion (see Notes overleaf) "p"		9. Gross weight or other quantity 661750 KGS		10. Number and date of invoices B/L NO SS4S2098	
Means of transport and route (as far as known) BY SEA, "OLA" (9330112)		7. Number and kind of packages, description of goods 26470 BAGS OF CHARCOAL		11. Certification It is hereby certified, on the basis of control carried out, that the declaration by the exporter is correct.		12. Declaration by the exporter The undersigned hereby declares that the above details and statements are correct; that all the goods were produced in GHANA (Country) and that they comply with the origin requirements specified for those goods in the Generalised System of Preferences for goods exported to UAE (Importing Country)		Place and date, signature of authorised signatory TEMA: 13/07/17 TEMA: 13/07/17	
Place and date, signature and stamp of certifying authority TEMA: 13/07/17 TEMA: 13/07/17		Place and date, signature and stamp of certifying authority TEMA: 13/07/17 TEMA: 13/07/17		Place and date, signature and stamp of certifying authority TEMA: 13/07/17 TEMA: 13/07/17		Place and date, signature and stamp of certifying authority TEMA: 13/07/17 TEMA: 13/07/17		Place and date, signature and stamp of certifying authority TEMA: 13/07/17 TEMA: 13/07/17	

**Annex 12.2.5: Charcoal dhows at Port Al Hamriya anchorage, Dubai,
UAE (STRICTLY CONFIDENTIAL)***